

В. Н. Удилов

ЗАПИСКИ КОНТРАРАЗВЕДЧИКА

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Москва «Ягуар» 1994 г.

ББК 84Р7-4

Редактор В. Ф. Кирюшин

Удилов В. Н.

У-30 Записки контрразведчика. (Взгляд изнутри). — М.: Издательство "Ягуар". 1994. — 208 с, илл.

ISBN 5-88604-006-4

В книге описаны подлинные события 50-70-х годов по обезвреживанию иностранных шпионов и добыче сверхсекретных сведений в зарубежных странах, в которых принимала участие советская контрразведка.

У4700000000 - 010

Я461 (02) - 94

Без объявл.

ББК84Р7-4

©Изд-во «Ягуар», 1994

©Удилов В. Н., 1994

Почти сорок лет прослужил в органах государственной безопасности генерал-майор Вадим Николаевич Удилов. Начиная рядовым сотрудником МГБ Узбекской ССР. Завершил службу в должности заместителя начальника управления КГБ СССР по линии контрразведки. За плечами В.Н. Удилова десятки успешно завершённых дел хитроумных операций, о которых широкая общественность если и знала, то только из коротких сообщений ТАСС либо из официальных нот МИДа.

В своих воспоминаниях Вадим Николаевич приоткрывает тайну над некоторыми из этих дел.

Дорогой читатель!

В течение четырех десятков лет, прошедших с момента смерти И.В.Сталина, и до последнего времени в нашем обществе проявляется повышенный интерес к структуре и деятельности органов государственной безопасности страны. Как правило, ход анализа приводит к выводам обвинительного характера, причем по всем периодам деятельности органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ.

С частью обвинений можно согласиться, особенно, если они касаются периода

тридцатых-сороковых годов, когда законность почти отсутствовала, а в стране был произвол необоснованных арестов, обысков, осуждений, расстрелов или попросту длительных заточений в исправительно-трудовых лагерях, по быстрым приговорам так называемых "троек" и "особых совещаний". В этой критике слышатся голоса и весьма агрессивных оппонентов, которые пытаются очернить все и вся: в принципе необходимость существования подобных органов у государства, методы и приемы их работы и, главное, идут попытки тотальной дискредитации всего личного состава органов госбезопасности.

3
Автору этих строк с детства и до глубоких седин приходилось встречаться с людьми, которые работали в органах ВЧК-ОГПУ-НКГБ-МГБ-КГБ. Смею заявить, что в этих органах, как и в других советских и партийных учреждениях, работали люди, в большинстве своем преданные Родине, с высоким идеологическим накалом, неподкупной честностью и повышенным исполнительским мастерством.

Конечно, как сказано в одной из русских пословиц: "В семье не без урода", — встречались в органах и подобные типы. Были и карьеристы, и подхалимы, и склочники, и трусы, и немалое число "унтер Пришибеевых".

В то же время Отечеству служило множество хороших, честных людей, которые свято верили в светлое будущее нашего общества.

Им и посвящается эта книга.

Автор

НАЧАЛО ПУТИ

В 1988 году в городе Пржевальске Киргизской ССР одну из улиц назвали именем Николая Удилова. Это мой отец, чекист с 1917 года, о котором впервые было написано в республиканской газете "Советская Киргизия" накануне 50-летнего юбилея Октябрьской революции.

Удилов Николай Прокопьевич родился в 1896 году в городе Пржевальске. Мать его (моя бабка), Христина Васильевна, имея на руках малолетнего сына Николая, вышла замуж за Васильева. Таким образом все его братья, родившиеся позднее, носили фамилию Васильевых. Жили они в Пржевальске, за озером Иссык-Куль, недалеко от границы с Китаем. Жить отцу в детстве было нелегко. Тяжелую и грязную работу по уходу за скотом и по хозяйству отчим все время взваливал на него. Запрещал даже читать, чтобы не было перерасхода керосина. И в этой нелегкой обстановке отца все время преследовала мысль пристроиться где-нибудь так, чтобы получить образование. Но в условиях Пржевальска добиться этого малоимущему было почти невозможно.

Моя мама, тоже уроженка Пржевальска, вспоминает, что в то время был сильно развит детский труд. Она уже с 12 лет ходила трудиться на шерстомойку, а позднее, как и многие другие пржевальские дети, стала полоть

5
опиум на землях, арендованных китайскими барышниками. Поэтому отец решил попытать счастья где-нибудь в большом городе и уехал в город Верный. Такое название носил город Алма-Ата до революции.

В Верном, он благодаря своему упорству, успевал и работать, и учиться. Его заметили и направили в специальную сельхозшколу. Видимо, там он попал под влияние социал-демократов большевистского направления, сторонником которых остался до конца своей жизни.

Во время первой мировой войны Н.П.Удилова, как наиболее грамотного, направили в Ташкентскую школу прапорщиков. Но люди с военным образованием в то время были нужны не только царскому правительству, но и партии большевиков. Из материалов тех далеких лет у моей матери сохранился документ, из которого видно, что Н.П.Удилов являлся красногвардейцем-партизаном, то есть с первых дней Октябрьской революции, еще до создания Красной Армии, он с оружием в руках отстаивал завоевания трудового народа.

А знакомство матери и отца произошло при следующих обстоятельствах. Зимой 1920 года на территории Туркестанского края шла перепись населения, скота и имущества. Для ее проведения были привлечены и ученики старших классов Пржевальской школы, в их числе моя мать — Татьяна Светличникова, ее подруги Катя Шеленина, Женя Кучма, одноклассники Володя Юпатов, Виктор Кучма, Павел Шепелькевич и другие. Они проводили перепись в Шаркратлинском уезде Киргизии (ныне район Токтогульской ГЭС), где вспыхнуло восстание белых. Арестовав переписчиков, белые под конвоем отправили их в

6

Нарын. Тюрьма в Нарыне оказалась переполнена, поэтому ребят, как менее опасных, разместили под охраной в здании местной школы. Было холодно и голодно. Арестованных никто не кормил. Ребят спасло то, что они случайно нашли забытый кем-то мешок с сухим урюком. Им и питались. Через несколько дней в город ворвались красные части, среди которых был и чекистский отряд под командованием Николая Удилова. Всех арестованных освободили. Мою мать, у которой был хороший почерк, взяли на работу в Семиреченскую ЧК, где она познакомилась с Удиловым и вскоре стала его женой.

По воспоминаниям многих старых чекистов, друзей и соратников моего отца, участвовавших в становлении Советской власти на территории Киргизии, деятельность органов ВЧК в то время была пронизана большой личной ответственностью и самостоятельностью при принятии оперативных и даже политических решений. Особенно это проявлялось в первые годы Советской власти, когда отсутствовала должная централизация в работе из-за отвратительной телеграфно-почтовой и телефонной связи. Постоянное возникновение сложных и тревожных ситуаций заставляло наших старших товарищей руководствоваться в своих решениях революционной совестью и правосознанием, многое брать на себя, рассчитывая исключительно на свои силы. Именно таким, по воспоминаниям матери и сослуживцев, был мой отец. В подтверждение позволю привести выдержку из характеристики, данной отцу одним из соратников Ф.Э.Дзержинского, уполномоченным ВЧК по Туркестанскому ЦИК Эйхмансом:

7

"Товарища Удилова Николая Прокопьевича, занимавшего в последнее время должность начальника политбюро Андижанского уезда, знаю по совместной работе с ноября 1920 года, когда Удилов работал по ликвидации восстания. Благодаря энергичной и самоотверженной работе тов. Удилова, все мятежники были выловлены и разоружены. По выполнению вышеуказанной задачи тов. Удилов был мною командирован в район расположения отрядов белогвардейского генерала Бакича, где провел исключительно крупную операцию по вылавливанию и разоружению белых шаек, за что тов. Удилов Реввоенсоветом Туркфронта был награжден орденом Красного Знамени (№ ордена 525).

В июле 1921 года тов. Удилов был переброшен прямо через горы из Семиречья в Фергану, где успешно работал по борьбе с басмачеством.

Тов. Удилов, благодаря своей энергии, выдержке, точному исполнению возложенных на него задач, является одним из лучших организаторов чекистской работы. Ф. Эйхманс".

Моя мать, Татьяна Романовна, которая в то время уже работала в ВЧК, вспоминала. "Обстановка действительно подчас складывалась такая, что только незамедлительное решение и его исполнение могли отвести угрозу печальных последствий. Именно так сложилось при отходе белых в Китай. Отступая к границе, Бакич грабил банки и церкви, помимо этого вывозил фамильные драгоценности и антиквариат местных дворян. Его банды уже перешли китайскую границу. Бакич выехал в город Чугучак, чтобы договориться с

китайской адми-

8

нистрацией, где разместить свое белое воинство. В общем, через день или два было бы поздно что-либо предпринимать. Для связи с Центром требовалось не менее недели. И тогда чекисты совместно с частями Красной Армии провели исключительно дерзкую операцию по изоляции белогвардейского командования от основной массы войска и в максимально короткий срок вернули на советскую территорию часть войск вместе с беженцами и насильно угнанными. При этом удалось захватить награбленные Бакичем ценности. Золото, серебро, драгоценные камни, дорогие церковные оклады, картины мастеров мировой живописи и другие ценности были доставлены на нескольких бричках и сданы в казну."

Кстати, в это время с отцом произошел казусный случай. После разгрома отрядов Бакича хозяйственник из ВЧК решил заменить Удилову седло. До этого отец ездил на киргизском, а тут подвернулось настоящее кавалерийское кожаное седло убитого в тех боях царского полковника. Около года использовал отец это седло, потом, несмотря на потник, лошадь стала почему-то набивать себе холку. Проверка показала: в седле было тщательно заделано более десяти крупных бриллиантов. Принимавший драгоценные камни в доход государства финансист сказал, что стоимость их почти равна цене всего отбитого у Бакича имущества.

Говоря о самостоятельности работы в первые годы Советской власти, хотелось бы провести небольшую параллель с сегодняшним днем. Ни для кого не секрет, что мы постепенно растеряли это ценное качество. Особенно в годы застоя, когда произошла чрезмерная централизация государственной власти и управле-

9

ния народным хозяйством. Все это оказалось на руку бюрократам и перестраховщикам. И сейчас, в период перестройки, можно кое-что позаимствовать у тех, кто делал Октябрьскую революцию.

Однако вернемся к теме повествования и приведем выдержки из воспоминаний Татьяны Романовны об отдельных эпизодах из жизни моего отца.

"В 1922 году Удилов со своей опергруппой был переброшен снова в Пржевальск. Обстановка в этом районе требовала наведения революционного порядка, в частности, пресечения вооруженной деятельности басмаческих шаек, а также различных контрреволюционных группировок, спекулянтов и контрабандистов. Не чувствуя крепкой власти, они настолько распоясались, что почти в открытую производили свои преступные деяния, сочетая, например, контрабанду с поддержанием связи с белогвардейской эмиграцией, осевшей в Китае.

Как раз требовалось провести крупную операцию по пресечению указанной выше преступной деятельности. Такая операция удалась! В результате ее перехватили канал нелегальной связи с закордоном, а также крупнейшую контрабанду: на 45 лошадях везли 66 пудов чистого опиума, были также золото и серебро, но сколько — уже не помню. За изъятие такой большой контрабанды Удилов чуть не заплатил жизнью. Его, безоружного, днем подкараулили на лошадях бандиты и прямо на улице стали бить камнями со свинчаткой. Он уже ничего не видел, так как был весь залит кровью, когда я, будучи беременной на девятом месяце, выскочила на улицу и с криком бросилась к всадникам. Это их на мгновение остановило. Удилов успел забежать в дом, где

10

сумел продержаться до приезда наряда местных чекистов".

Особо следует сказать о работе чекистов в Джаркенте — конечном пограничном пункте с Китаем. Начальником Джаркентском ЧК в двадцатые годы был латыш Федорелис. Именно к нему прибыла опергруппа, в которую входили

киргизские чекисты: Удилов, Шурупов Крот, Третьяков и Кучма. На группу было возложено особое задание. Переодевшись в офицерскую форму белой армии, они нелегально выехали в Китай, в район города Кульджа, где располагались воинские подразделения белой эмиграции. Как известно, благодаря деятельности таких групп, были уничтожены злостные враги Советской власти, в том числе атаман Дутов. Некоторых удалось тайно вывезти на нашу территорию. Мать вспоминала:

"А мы, их жены, сколько пролили слез... Пока они не приедут, мы буквально глаз не смыкаем, все ждем и ждем. Наши мужья работали, не имея ни выходных дней, ни отпусков. Не получали даже зарплаты, а только скудный продпакет... С нами, женами, в то время не очень-то считались. Надо ехать,— значит, надо! Так мы с Удиловым и грудным ребенком выехали по заданию из Джаркента в Чилек. Это верст семьдесят. Жара стояла жуткая. Бричка в дороге все время ломалась. Пока чиним — стоим. Тут беда случилась: пролили воду. Напоить ребенка было нечем. Так и умерла наша первая доченька от безводья в дороге. Похоронили, поплакали и поехали по назначению. А ездили не по дорогам, а чаще по волчьим тропам, чтобы быстрее пройти через перевалы. Именно так мы, например, пробирались из Нарына в Джалал-Абад". (Сейчас там сооружен туннель).

11

Последний геройский поступок Удилов совершил на территории Ошской области, в Алайской долине. О нем подробно писала газета "Советская Киргизия" 1 и 3 октября 1967 года в большой статье под названием "Солдат Революции". Эпиграфом к ней были следующие слова В.И.Ленина: "Мы победили потому, что лучшие люди рабочего класса и всего крестьянства проявили невиданный героизм в этой войне с эксплуататорами, совершили чудеса храбрости, перенесли неслыханные лишения, жертвовали собой..."

Эти слова вождя революции с полным основанием можно отнести к моему отцу — Удилову Николаю Прокопьевичу, для которого борьба за счастье народа была смыслом жизни. Он погиб трагической смертью от рук басмачей, когда сознательно пошел в бандитский стан с тем, чтобы избежать излишнего кровопролития. Он пытался убедить главаря банды Гаипа Пансата и его приспешников в бесперспективности борьбы с Советской властью и уговорить их к добровольной сдаче. Действовать таким образом ему приходилось неоднократно, поэтому и тогда надеялся на успех. В совершенстве владея киргизским, узбекским и татарским языками, хорошо зная традиции и обычаи киргизского народа, он умело использовал это в беседе с главарем.

Трудно сейчас, по истечении более 60 лет, восстановить истинную, картину происшедших событий и кто виноват в том, что басмачей, изъявивших желание к добровольной сдаче, вдруг встретили красноармейцы из засады пулеметным огнем. Уцелевшие бандиты сумели оторваться, захватив с собой связанного Удилова.

12

По показаниям пойманных впоследствии басмачей из банды Гаипа Пансата, Удилов был ими зверски замучен и еще живым брошен в костер. Позже у убитого басмача Алояра нашли орден и именные золотые часы Удилова.

Находясь в плену у басмачей, еще до расправы, отец совершил другой характерный для него поступок. Гаип Пансат после грабежей и убийств советских граждан удирал с бандой за кордон. На одном из перевалов его ждала засада — отряд пограничников. Бандит, видя, что не выдержит натиска, пытался завести переговоры с командиром пограничников, пытаясь якобы в обмен на Удилова выторговать себе проход за кордон. Перестрелка временно прекратилась. Вдруг из-за камней выскочил человек со связанными руками и закричал: "Товарищи пограничники! Я — Удилов. Гаип Пансат предлагает вам сдаться и оставить всех

вас в живых и обещает отпустить меня. Не делайте этого! У него большие потери. Бейте гадов!.." В это время раздался выстрел, и мужественный человек упал. Пользуясь наступившей темнотой, бандиты все-таки ушли и увезли раненого Удилова.

Думаю, читателям понятно, как могла сложиться наша жизнь без отца в конце двадцатых-начале тридцатых годов. Тем более,— когда мать направили на восстановление отцовских связей с людьми, которые помогали ему ранее в чекистских делах, многие из которых затем осели на жительство в Китае, провинции Синьцзян.

Поскольку ранее мать всюду ездила вместе с отцом, она знала этих людей в лицо, а они знали ее, что создавало условия для восстанов-

13

14

ления с ними оперативного контакта. В то время в городе Кашгаре, провинции Синьцзян, открывалось советское консульство, куда мать была направлена то ли уборщицей, то ли кухаркой. И это несмотря на то, что носила она в то время два кубаря — звание, равное армейскому лейтенанту. Но так было сподручнее, так как посещение по хозяйственным делам базаров, магазинов служило отличным прикрытием для встречи с нужными людьми. На скромно одетую уборщицу мало кто обращал внимания.

Ну а мы, дети? Моя сестра пошла жить к тетке, а меня отправили в детский дом. Таких заведений, как суворовское училище или привилегированный интернат, в то время не существовало. Надо сказать, что мои детские годы — период общения с беспризорниками, хулиганьем, ворами, с одной стороны, и закаленными чекистами, товарищами отца, которые постоянно навещали меня в детском доме, общение с преданными делу революции, образованными энтузиастами воспитателями, педагогами — с другой, оставили глубокий след в моей жизни, выработали характер и стиль поведения. Этот период научил меня безбоязненно общаться с представителями блатного мира. В то же время я активно включился в общественную жизнь.

Идеологическое воздействие партии, комсомола, школы в тридцатых годах было настолько сильными что, выбирая свой дальнейший путь, не сомневался: пойду по стопам отца и матери. Хотя в то время пользовался уважением у блатных. Кстати, до сих пор у меня сохранились связи с бывшими ворами в законе, которых знаю с далекого детства. Да простит меня

15

читатель, если покажусь нескромным, считая, что решение "завязать" некоторые из них приняли при моем участии.

Кстати, выйти из воровского круга, "завязать", в то время было достаточно сложно и опасно. С тех далеких лет сохранился в моей памяти куплет из блатной песенки, содержание которой ничего доброго не сулило. Вот эти слова: "Клянись, братишка, клянись до гроба дешевых людей не щадить. А если изменишь преступному миру, я буду безжалостно мстить..."

Вообще, в 30-е годы в республиках Средней Азии, а возможно, и по всей стране гулял ореол блатной романтики. Многие молодые люди напускали на себя вид бывалых блатных парней, и одевались по соответствующей моде: сапоги (поблатному — "колеса" или "прохоря") обязательно гармошкой, верх с небольшим отворотом, рубашка-апаш из чесучи, кепка-восьмиклинка с маленьким козырьком или ковровая тубетейка с кисточкой. Прическа с обязательной косой челкой на лбу. Отличительной чертой блатных считалась фикса — золотая коронка в верхней челюсти. У молодых людей, как правило, золота не было, но, как говорится, голь на выдумку хитра: занялись производством съемных "золотых" коронок из гильз для мелкокалиберных винтовок. И все же для большинства

молодых, одетых, как я описал, больше подходило бытовавшее в народе: "Люблю блатную жизнь, но воровать боюсь!"

Забегая несколько вперед, хотелось бы провести некоторые параллели между преступностью 30-х и 80-х начала 90-х годов. С большой долей уверенности могу утверждать, что

16

среди воров-рецидивистов 30-х годов существовало правило: на дело с заранее "мокрым" исходом (убийством) не идти. Среди воров элиты считалось плохим тоном поддерживать связь с "мокрушником" и особенно с хулиганами, которых они попросту презирали.

Сегодня запланированные убийства с целью завладения имуществом никого не удивляют. На Северном Кавказе банда, возглавляемая неким Сажиним, совершила около 20 таких убийств. В этот ряд можно поставить убийство ветерана войны вице-адмирала Холостякова и его жены. А как назвать заранее запланированное убийство известной кинозвезды Зои Федоровой?

Жестокость и злоба попеременно с наживой и алчностью — вот черты, присущие сегодняшнему преступнику. Быть может, мне так кажется, но блатной мир 30-40-х годов был несколько добрее и даже не лишен элементов романтики. В подтверждение сказанного приведу весьма характерный пример.

Как известно, в начале войны многие киностудии эвакуировались из западных районов в Казахстан и Среднюю Азию. В Ташкент съехались киноартисты, в том числе Петр Алейников, известный народу как Ваня Курский из кинофильма "Большая жизнь".

Однажды под хмельком во втором часу ночи он оказался в сквере, где увидел группу сидящих на скамейке людей. Подошел к ним и в ультимативной форме потребовал закурить, в противном случае пообещал набить морду кому-нибудь из присутствующих. Старший из группы, а это был известный в Ташкенте вор Лева Марсак, попросил Алейникова присесть. Неторопливо достал из внутреннего кармана

17

старинные серебряные часы (по-блатному "бимбар"), открыл крышку и при помощи фонаря осветил циферблат.

— Потрудись, Ваня Курский, взглянуть на время. Так вот, ваше время кончилось два часа назад. Сейчас идет наше время, бандитское. Так что командовать разреши мне,— примерно такое произнес Лева.

— Ну и что ты возьмешь у меня? — спросил Алейников.

— У нас правило какое? "Гоп, стоп, что везешь? Дерьмо! Сваливай — мне все равно!" — изрек Лева и достал из кармана пачку папирос "Казбек", вложил ее в руку Алейникова и добавил: — Кури Ваня, на здоровье! Ты нам нравишься...

И все же, несмотря на блатную романтику, пришло время выбирать свою дорогу в жизни. Время наступило суровое, и я решил пойти дорогою отца и матери. Однако, прежде, чем стать чекистом, пришлось овладеть еще одной специальностью, поскольку началась Великая Отечественная война.

В армию я пошел добровольно, прибавив себе возраст. Майор, пожилой, на мой взгляд, мужчина, вызвав меня из строя новобранцев, спросил:

— В анкетных данных вы указали — ученик десятого класса. Правда это?

— Да, товарищ майор.

— Идите в штаб. Вам дадут направление в танковое училище. Мы не можем так свободно разбрасываться людьми с таким высоким образованием.

В то время среднее образование, оказывается, считалось высоким. Так я стал курсантом 1-го Харьковского танкового училища.

18

ВОЙНА

Когда в 80-х годах шло оформление моих документов на пенсию, один сверхбдительный кадровый начальник решил проверить правильность имеющихся в моем личном деле данных об участии в боях во время Великой Отечественной войны.

Из Центрального архива МО СССР пришло соответствующее подтверждение. Сотрудник отдела кадров снял с одного из архивных документов ксерокопию и отдал мне ее на память. Дословно привожу содержание этого документа:

Справка

Центрального архива Министерства обороны СССР Гор. Подольск, Московской обл.

В приказе по бронетанковым и механизированным войскам 1-го Прибалтийского фронта № 035/н от 24.11.1944 г. значится:

...награждаю: орденом Красного знамени ... 5. Мл. лейтенанта Удилова Вадима Николаевича — ком. танка Т-34 танк, б-на, 79 танковой бригады 19 танк, корпуса. Основание: опись 690155, д.7023, л.1.

"Содержание наградного листа: представлен к ордену Красного Знамени за то, что Удилов за период боевых действий с 7 по 10 октября 1944 года показал себя смелым и мужественным командиром танка Т-34. В борьбе против немецко-фашистских захватчиков первым ворвался в оборону противника и уничтожил своим танком 2 бронетранспортера, 4 пушки, 10 автомашин, 2 миномета, 4 пультачки, а также захватил обоз с боеприпасами и другим военным имуществом.

19

Тов. Удилов своим танком подбил танк типа "Пантера" и, будучи в головном разведдозоре, своевременно давал сведения о противнике и его силах. Основание: опись 690155, фонд 33, д. 7023, л. 8.

*4 мая 1984 года исп. Султанова, Соколенкова
Зам. начальника 3 отдела майор Хамматулин"*

Память до сих пор отчетливо сохраняет различные эпизоды из боевых действий. Особенно такие, как разведка боем. Обычно для этого выделяли три танка, которые, ворвавшись на немецкие позиции, должны были вызвать огонь противника на себя, чтобы выявить и зафиксировать огневые точки врага и избежать таким образом при наступлении лишних потерь. Очень суровый тактический прием! Кто шел в боевую разведку, либо погибал, либо был ранен. Мне повезло. Более того, оставшись целым, в дальнейшем, прорвав фронт, я шел в головном разведдозоре, о чем и сказано в наградной реляции.

На фронте мне впервые пришлось столкнуться с представителями военной контрразведки — "СМЕРШ". Прежде чем рассказать об этой встрече, хотелось бы вспомнить боевые будни танкистов с позиций рядового — чернорабочего войны.

Даже сейчас, на склоне лет, не стерлось из памяти чувство тревоги, волнения, которое испытывал перед каждым наступлением, в ожидании сигнала для перехода в атаку. Уверен, то же испытывали и мои боевые товарищи. Бойцы понимали, что не всем суждено вернуться из боя. Поэтому чувство товарищества, дружбы перед боем у танкистов достигало высшего

20

пика. Даже теплота взаимоотношений близких родственников не могла сравниться с чувством к товарищам, которые рядом с тобой пойдут в атаку. Либо ты его, либо он тебя должен выручить в критическую минуту. Попробуй уклониться от этого неписаного священного закона в бою — расплата будет жестокой. Всеобщее презрение!

Перед боем особенно тепло относились к танкистам хозяйственники. С легкостью и без лишних объяснений пополнялся НЗ, менялись портянки, истрепанные шинели. Оружейники могли подкинуть в танк "лишний" ППШ. И чего греха таить, даже старшина батальона, всегда скрупулезно разливавший наркомовские сто грамм, перед боем доставал откуда-то разведенный спирт или водку, предлагая выпить каждому "по потребности".

Несмотря ни на что, я никогда не принимал перед боем спиртного. Сперва насильно, а затем по согласию забирал водку у механика-водителя и радиста. Только заряжающий, деятельность которого в бою связана с большим силовым напряжением, получал на зависть другим свою норму, чтобы поплотнее поесть, набраться сил. Поэтому в танковой трехлитровой фляге всегда водилась изрядная порция "горючего", которая сохранялась до вывода танкистов из боев на короткий отдых. Расчет был простой: пьяная удаль мешала в первые, самые ответственные минуты боя правильно оценить обстановку и действовать согласно ей. В оценке обстановки должны были принимать участие помимо командира механик, ведущий машину и выбирающий путь, командир орудия и радист, наблюдающие по курсу за огневыми точками врага. На трезвую голову реакция более

21

быстрая, а действия — точные. Ведь игра шла не в "казаки-разбойники", а на жизнь и смерть!

В исходном районе в ожидании приказа люди тянулись друг к другу, собирались вместе. Всегда находились шутники, анекдотчики. Их рассказы отвлекали бойцов от тяжелых мыслей.

Сложнее всего было в последние перед атакой минуты. Экипаж в танке, всё готово к бою, каждый внимательно следит за командиром. Как он поведет себя? Нервничает, трусит или держится уверенно и спокойно? От него во многом зависит судьба членов экипажа. Ох, как много усилий стоило мне, девятнадцатилетнему лейтенанту, сохранять, несмотря на тревогу в душе, состояние спокойствия и уверенности перед тридцатипятилетним механиком-водителем, бывшим трактористом Василием Тимофеевичем, и особенно перед сорокалетним, верующим в Бога заряжающим Нестором Шумковым. С остальными было легче — одногодки.

— Нестор Николаевич! А ты почему не бреешься три дня? Или уходишь от нас в монастырь, готовишься к священному сану? — примерно так начинал я разговор с заряжающим.

— А есть ли нужда в этом? Бог и так примет,— с надрывом, намекая на неизвестность судьбы, отвечал Шумков.

— Бог, может быть, и примет, а мы не можем. В армии положено быть бритым и с чистым воротничком, которого у тебя вообще нет. Сегодня же вечером после боя приказываю побриться и привести себя в порядок. Не то лишу тебя привилегии на единоличное потребление водки.

22

23

В разговор, когда заходила речь о "наркомовских", обычно встречал Василий Тимофеевич, Незлобно поругивая "некоторых" командиров, зажимающих "паек" бойца, вспоминал свою мужицкую силу, когда после сенокоса или уборки хлебов они с кумом вдвоем осиливали четверть самогона, ну а стакан спиртного для него всегда полезен, как молоко для его троих детей.

— Ладно, вечером, когда заправишь машину, подтянешь ходовую часть, может быть, и выдаст тебе твою норму радист Мишка (заведовавший НЗ),— отвечал я. Так вселялась уверенность в завтра. После получения сигнала на атаку волнение, как правило, проходило быстро. Проскочил траншеи своей пехоты, дал первый выстрел, застрочил пулемет радиста,— дальше уже не до волнения.

Хочешь выжить — действуй смело и быстро.

Танк — это не боец: в кювете, кустах, воронке не укроешься. Впереди тебя враг, затаившийся в окопах и блиндажах с орудиями, фаустпатронами. До него всего 600 — 800 метров пути, преодолеть которые удавалось не каждому. В то время среди танкистов, где я служил, существовало правило: прошел свои окопы, — бей из всех стволов оружия без остановки, пока не ворвешься во вражеские позиции, а еще лучше — пока не доберешься до его артиллерийских батарей. Бывалые воины рассуждали так. Ничего, что танк качается и прицельности мало. Дал с ходу выстрел, снаряд не долетел до фрицевских окопов 50 метров — все равно немец поклонится земле, чтобы не получить в лоб случайный осколок. Выстрелил с перелетом, проскочил снаряд с воем над траншеей — всё равно свое дело сделал: инстинкт самосох-

24

ранения заставит любого лечь на дно укрытия да еще переждать, не будет ли после третьего выстрела прямого попадания. Конечно, все это секунды, но секунды, выигранные в бою при сближении с противником, сохранили жизнь многим танкистам. О пулеметах и говорить нечего. Поливали огнем вправо и влево, поражая и отгоняя от танка вражескую пехоту.

Обычно на маршруте от окопов своей пехоты до противника, в зависимости от слаженности и мастерства экипажа, тратилось 15-20 снарядов и несколько танковых пулеметных дисков. Почти треть боекомплекта. Но главные события, как правило, были впереди. Это заставляло нас сверх боеукладки накладывать дополнительно 10-15 осколочно-фугасных снарядов, брать с собой ящик патронов, с десятков гранат Ф-1, именуемых "феньками", пару автоматов, немецких или ППШ, на случай, если загорится танк и бой придется вести вне его, в расположении врага.

Я всегда тщательно готовился к бою. Еще с крымских боев носил трофейный пистолет парабеллум, с длинным стволом и двумя обоймами, маленький дамский вальтер и свой, отечественный, безотказный наган. Партийный билет находился в специальном, крепко пришитом изнутри гимнастерки кармане. Поэтому в левый верхний карман, как бы защищая билет и сердце, укладывался вальтер. В широкие голенища кирзовых сапог втыкался наган. Перед самой атакой я расслаблял поясной ремень настолько, чтобы можно было, повернув пояс, разместить парабеллум в сидячем положении между ногами. А то, не дай Бог, зацепишься за что-нибудь в танке, если придется выскакать из горящей машины. "Фенька" укладывалась в

25

зависимости от времени года: летом в карман брюк, зимой в карман телогрейки. Шинели, даже несмотря на сильные морозы, в атаку не одевали.

...Война подходила к концу. Советские войска воевали уже в Германии, завершали разгром немцев в Венгрии, вошли в Австрию и Чехословакию, а в Курляндии продолжала обороняться окруженная крупная немецкая группировка, ликвидировать которую пока не удавалось.

Среди солдат пошел слух о готовящемся наступлении. Хотя они не разрабатывали операции, но по отдельным мелким деталям безошибочно определяли планы командования. Например, вдруг недалеко от переднего края саперы начали строить крупный блиндаж. Такие обычно сооружали только для большого начальства. Потянули дополнительную связь, не на вешках, а под землей. Похоже, что связь ВЧ, а такую ниже как командармам не давали. Появились в районе передовой в телогрейках и новых солдатских шинелях неизвестные люди, как на подбор, солидные, в хромовых сапогах, голоса властные — командирские. Поползли и походили небольшими группками с часок, ушли в лощину за лес, сели в джипы и уехали. Для немца издали —

солдаты, а от своих бойцов не скроешь — командование провело рекогносцировку. Зачастили штабные машины, офицеры связи, а когда в расположение частей прибыл член ставки, стало ясно: в ближайшие дни предстоит решительный штурм Курляндии.

Начали отбирать добровольцев для танкового рейда в тыл противника. Задача для других фронтов, где более широкий оперативный простор, может быть, и не такая сложная, а здесь приходилось задуматься.

26

По замыслу предполагалось отобрать десять танков, посадить на нее роту "штрафников" (офицеров, освобожденных из плена), держать их в резерве до тех пор, пока основные силы и средства после мощной артподготовки и авиационной обработки не захватят передние рубежи противника и не выйдут на его артиллерийские позиции. Именно в это время и бросить в прорыв ударную группу танков с десантом, которая, не ввязываясь в бои, на полном ходу должна проскочить восемь километров, захватить мосты и переправу на реке и удержать их до подхода главных сил. "Штрафникам" был обещан возврат офицерских званий и наград, танкистам недвусмысленно намекали о возможности получить, кто останется живой, Героя Советского Союза и совершенно четко говорили о предоставлении двухнедельного, без учета дороги, отпуска домой. А домой, повидать своих близких, страшно хотелось!

Добровольцы нашлись, в том числе и я изъявил желание... Долго, до хрипоты, спорили, как лучше прорваться к мосту, тщательно, по миллиметрам, изучали по карте маршрут движения, выискивая проходы между заболоченными местами. Наконец приняли решение: в прорыв уйти колонной, отстреливаясь вперед, влево и вправо. Автоматчикам с бортов бить из автоматов по флангам. Мы полагали, что при большой плотности обороны врага час наших действий настанет во второй половине дня, а зимой темнеет быстро, так что развитие событий пойдет в удобное для рейда ночное время. В то же время, если пехота с приданными средствами все же доберется до немецких артиллерийских позиций, на группу прорыва до моста останется 5-6 километров пути по тылам про-

27

тивника, где минных полей быть уже не должно. Бросили жребий, кто за кем пойдет в колонне. Мне выпало быть четвертым.

Гладко было на бумаге, да забыли про овраги!

Несмотря на мощную артподготовку, массированные бомбардировки авиации, сломить сопротивление противника не удалось. Только к обеду пехота ворвалась в передние траншеи противника. Скрытно продвигаясь за наступающими частями, мы видели и горящие, как свечи, танки и самоходки, и разбросанные здесь и там тела погибших солдат.

То ли нетерпение какого-то крупного командира, то ли ошибка в докладе о выходе пехоты в район артиллерийских позиций, а может, что-либо другое заставило преждевременно бросить в прорыв, скорее не в прорыв, а в атаку нашу танковую группу. Было это около четырех часов дня.

Пошли, как условились, колонной на полном ходу. Взлетел на холм первый танк и тут же на глазах развалился от мощной фугасной мины. Взял влево второй - взрыв от мины показался поменьше, но сорвало башню, и машина загорелась. Круто вправо, стараясь обойти мины, взял курс третий танк, но по башню влетел в болото.

— Васька! По кромке болота и краю холма!

— Понял, командир,— с каким-то чрезмерным, как мне показалось, спокойствием ответил механик, и машина, пробуксовывая на кромке примерзшего болота, пошла, огибая начиненную минами возвышенность.

За холм проскочили два танка. Тяжелые, тридцатипятитонные, Т-34

размеси́ли корку́ болотной трясины, и следующая, шестая машина пройти уже не смогла.

28

Сколько ни старался я потом восстановить в памяти хронику развернувшихся за холмом событий, так и не смог. Помнил только, как давил стоявшие за холмом минометы, пушки и их прислугу, в упор расстрелял в капонирах бронетранспортер и тягач. Помнил, как, развернув свою машину, быстро погнал её к своему второму танку, который к этому времени уже горел. Его люки были закрытыми, но механик-водитель и радист оказались живыми. Я решил подогнать свою машину к горящему танку, прикрываться им от вражеского огня, и пересадить оставшихся в живых танкистов к себе.

Но до конца задуманное сделать не удалось. Вражеская "пантера" все же рассмотрела за горящим танком корму моей машины, и две подряд 88-миллиметровые бронебойные болванки, прорвав около катков баки, влетели в моторную часть и трансмиссию. Танк стоял с наклоном вперед, поэтому огненная лава из пробитых баков стала быстро заливать боевое отделение. Остановить огонь было невозможно: снаряды могли взорваться в любую секунду. Я приказал покинуть машину. Укрылись в немецких окопах, ожидая взрыва и прикидывая пути отхода.

Пока немцы не вернулись на свои раздавленные позиции, уходить удобнее всего было по маршруту, по которому шли сюда. Мин там нет, человек не танк — на замерзшем болоте хоть на животе, но пролезет. На половине дороги остались в болоте танки, которые при необходимости поддержат огнем. Но вот беда: нельзя бросать танк. Несмотря на перебитый болванкой мотор и полыхающий внутри машины огонь, считалось, что огневая часть его еще

29

цела и, если она чудом сохранится, танкисты обязаны были возвратиться и вести бой до последнего патрона. Иначе трибунал, карающий скоро и строго.

Многие фронтовики помнят сгоревшие в бою танки. Как правило, это сброшенные взрывной волной башни, развороченные бока с зияющими огромными дырами, разбросанные катки и гусеницы.

С нашим танком этого не произошло. То ли днище машины оказалось слабым, то ли по каким-то неизвестным нам законам взрывная волна ударила вниз. Обвалилось днище, выпали остатки мотора, боеукладки, сидений механика и радиста, а внешне танк смотрелся вполне исправным. Даже катки остались целыми, а пушка грозно смотрела во вражескую сторону. Другой танк взорвался, похоронив командира и заряжающего.

Ночью выбрались на свой передний край. Командир стрелковой роты, уже довольно пожилой человек, молча обнял каждого из нас и, смахнув что-то с глаз, сказал:

— Все видел сам, рассказывать не надо. С ротного фланга между двумя холмами хорошо было видно вас, горемычных.

Выпили из запасов ротного найденного им во фрицевском офицерском блиндаже коньяку, помянули добрыми словами погибших, пожелали всем удачи и — в путь, разыскивать свои тылы.

На следующий день меня арестовали. Произошло это буднично и тихо. Вызвали в штаб, приказали снять ремень с пистолетом и погоны, отобрали наган. Документы и награды не тронули, поэтому в левом кармане остался лежать немецкий вальтер.

30

— Как это вы, бывший лейтенант, целый боевой танк оставили врагу? — как бы даже с теплотой спрашивал капитан из военной контрразведки.

— Во-первых, почему бывший? Меня никто не разжаловал! Во-вторых, не

пойму, о каком целом танке идет речь? — отвечал я.

— Не волнуйся, миленький, разжалуют тебя быстро, да и к стенке поставят без проволочек, — тем же мягким голосом отвечал капитан. — У нас все уже оформлено. Вот оно, официальное разведдонесение.

За свою короткую жизнь я немало пережил, вытерпел, забыв, что такое слезы, а тут не выдержал — заплакал. Текли они по щекам из закрытых глаз, бессильная ярость клокотала в груди. Понимал, что происходит что-то непонятное, жгуче обидное, несправедливое.

— Так чем докажешь свою невиновность? — невозмутимо продолжал допрашивать капитан.

Я не знал в ту пору о существующей презумпции невиновности, по которой бремя доказывания лежит не на мне, а на следователе. Однако понял, что и здесь без атаки не обойтись.

— Вот ты, — подчеркнуто перейдя на "ты", — сказал я капитану, — меня уже к стенке поставил. Я бы тебя, вертухая, за то, что хотя и считаешься фронтовиком, а сам переднего края еще не видел, в первую очередь к стенке поставил бы. Посмотрел бы на твое состояние, когда ты знаешь, что обвиняют тебя несправедливо. Но не расстрелял бы, а отправил бы потом в окопы рядовым. Может, после этого научился бы верить людям, а не бумаге.

Я говорил, вернее, уже кричал, что машина сгорела, повторяя одно и то же, пока в комнату

31

не вошел моложавый полковник. Капитан тут же принял стойку "смирно". Я понял, что пришел его начальник.

— Лейтенант, если вы правы, вас никто не обидит. Успокойтесь и расскажите, что произошло вчера. Толково, я объяснил, что случилось.

— Чья сводка о танке? — спросил он капитана.

— Авиационного разведывательного корректировщика, товарищ полковник!

— Проверить! Возьмите лейтенанта, солдата из службы охраны и проверьте лично, на передовой.

Вечером того же дня капитан, я (мне вернули только погоны и ремень) и сержант с автоматом двинулись по уже пройденному мною маршруту к передовой. Прибыв в расположение знакомой стрелковой роты, переговорив с командиром и его бойцами, капитан из "СМЕРША" понял свою ошибку. Но мои обвинения, видимо, здорово задели его самолюбие. Он все-таки решил проползти ночью по наспех расчищенному от мин коридору на нейтральную полосу и лично в бинокль рассмотреть танк.

Поползли вместе. Перед этим кто-то предложил привязать к ноге каждого крепкую альпинистскую веревку, чтобы с её помощью, если потребуется, быстро затянуть капитана и меня обратно в траншею. Так и сделали.

Несмотря на сумрачный рассвет, в бинокль хорошо было видно вывалившееся днище танка, стоявшие вкось катки машины, порванные гусеницы. Надо было возвращаться. Капитан дернул свою веревку, его тут же поволокли в траншею. Дернул веревку и я. Широкий кирзовый сапог соскочил с ноги и уехал вслед за капитаном.

32

"Эх, семи смертям не бывать, а одной не миновать", — подумал я и, размотав мешавшую теперь портянку, бросился бежать к своим. Выстрелов не слышал.

На обратном пути капитан пытался со мной помириться, установить товарищеский контакт, но после перенесенной обиды я отмалчивался или отвечал односложно.

К чести капитана в присутствии полковника и всех, кто слышал о нашей первоначальной беседе, он извинился передо мной, сказав, что был не прав,

преждевременно обвинив меня в трусости и преступлении. Я попросил его позвонить в батальон и сообщить о благополучном исходе дела. Дружеское и теплое отношение к тебе товарищей по оружию среди фронтовиков всегда было дорого.

Вернули парабеллум и наган. Вдруг у меня возникла озорная мысль,

— Товарищ полковник, есть у меня трофейная вещица, которую хотелось бы подарить Вам за объективность,— сказал я.— Капитан при аресте не взял её у меня, почему — не знаю.— С этими словами я достал из верхнего кармана гимнастерки дамский вальтер, положил его на стол перед полковником и попросил разрешения отбыть в свой батальон.

В расположении части меня ждал командир батальона майор Пименов. Он участвовал в боях на Халхин-Голе, воевал в финскую, с начала Великой Отечественной почти безвылазно находился на фронте. У него было несколько боевых наград, а за последний танковый рейд по тылам противника его представили к званию Героя Советского Союза. Танкисты его любили и уважали, ну а для меня он был просто кумиром.

33

В землянке комбата я увидел по-царски накрытый стол: американская ветчина, тушенка, сало, нарезанное тонкими ломтиками. Посреди этого изобилия красовалась настоящая довоенная бутылка хлебной водки. Теперь уже от теплых чувств, от пережитого у меня глаза снова покраснели.

— Ну, будет, будет! Чего нюни пускаешь и обижаешься? Реляцию завернули, да бог с ней! На твоём месте радоваться надо. Война кончается, а ты живой, даже контрразведка не посадила. Ведь вот как тебе повезло!

На всю жизнь запомнил я эти слова комбата. Вспоминал их, когда хоронили Пименова, погибшего в самом последнем бою, вспомнил и в 35-летие победы над фашистами, когда на сборе ветеранов-танкистов в Москве встретился с бывшим капитаном из "СМЕРШ". Он, пенсионер по инвалидности, получил три тяжелых пулевых ранения при захвате выброшенной в советский тыл вражеской шпионско-диверсионной группы. При встрече мы расцеловались.

С той военной поры, на собственном опыте, я твердо усвоил необходимость объективной перепроверки данных, полученных агентурным путем.

КОНТРАЗВЕДКА

Впервые с делами на шпионаж я встретился в конце 40-х годов. После увольнения из армии с должности командира танковой роты я был принят в МГБ Узбекской ССР. Начал работать в службе наружного наблюдения. После недельной учебы и стажировки мы с напарником,

34

который обучал меня, получили задание вести наблюдение за иностранной гражданкой под кличкой Кнопка.

В это время в Узбекистан прибыла так называемая Демократическая Армия Греции (ДАГ), которая после тяжелейших боев с монархо-фашистскими войсками в горных районах Граммо и Вице вынуждена была эмигрировать основной частью в СССР, а остальной — в Болгарию, Румынию и Югославию.

Значительное количество левых экстремистов, троцкистов, социал-демократов западного толка, наконец, просто отъявленных проходимцев и обычных плутократов создавали весьма сложную обстановку среди греческих политэмигрантов. Имелись оперативные данные о том, что в этой среде были агенты иностранных разведок.

По ряду признаков появление вышеуказанной Кнопки в Ташкенте расценивалось как попытка противника выяснить размещение полков ДАГ в

Узбекистане и возможность выполнения ею роли связника с кем-либо из агентов противника, затаившегося в ДАГ.

Задание для наружного наблюдения было такое: не упустить, зафиксировать места, посещения, установить личность тех, с кем Кнопка общалась. Естественно, сделать все следовало конспиративно и, как говорится, не засветиться. Легко сказать, но выполнить это задание в условиях пригорода Ташкента мне, тогда еще зеленому работнику, было весьма непросто.

Кнопка жила в районе Куйлюка, куда от вокзала ходил 5-й номер трамвая по одноколейному пути. Только на трамвайных остановках были разъезды для встречных вагонов. Поэтому 5-й всегда ходил переполненным, люди

35

висели даже на подножках с обеих сторон вагонов.

Мы с напарником вышли на задание после обеда, приняли у товарищей "объект", как говорят, в движении. Минут через пятнадцать наша Кнопка в зале ожидания вокзала, "дала связь", то есть заговорила с неизвестным, одетым на западный манер мужчиной, который сидел на крайней к выходу скамье. Более опытный напарник, тут же решил установку личности "связи", как более сложную задачу, взять на себя.

Кнопка всем своим поведением давала понять, что собирается ехать домой. Мне предстояло ее сопровождать. Доведя ее до дома, я продолжал наблюдение за подъездом из-за укрытия, ожидая напарника. Прошло более двух часов, а он все не возвращался. Стали сгущаться сумерки. Я уже начал нервничать, крутить головой, надеясь увидеть его, и... прозевал выход из дома Кнопки. Увидел ее с молодой женщиной уже на подходе к трамвайной остановке, куда так некстати приближался трамвай. Первое, что вспомнилось мне,— "не упустить"! И я бросился со всех ног догонять трамвай. Кнопка и ее подруга стояли на задней площадке вагона и энергично подбадривали меня, освободив часть места рядом с собой. Ничего не оставалось, как запрыгнуть на площадку трамвая и поблагодарить их за поддержку. Как-то нужно было выходить из создавшегося положения, тем более — установить личность подруги Кнопки, с которой она ехала в город. После банальных любезностей выяснилось, что они едут в парк имени Горького на танцы. Тогда это было общепринято. Последовал вопрос, кто я и куда спешу. Чтобы не запутаться, предста-

36

вился демобилизованным из армии офицером (что соответствовало действительности), что подыскиваю себе работу на гражданке, а сейчас я по старой памяти — в Дом офицеров. С предложением поехать с ними я согласился, целый вечер протанцевал, угощал их мороженым, а затем проводил каждую до дому.

Как и следовало ожидать, моей вынужденной инициативы начальство не одобрило и после хорошей взбучки отстранило от работы по Кнопке.

Кстати, о работе наружного наблюдения в конце 40-х годов на периферии. Оперативных машин в те годы в нашей службе не было, портативных радиостанций — тоже. Фототехника камуфлировалась в чемоданчиках, портфелях, дамских сумках и была очень неудобна в обращении.

Для связи между собой пользовались специальным кодом, действовавшим на расстоянии зрительной видимости. Он немного напоминал разговор глухонемых.

В то же время отсутствие возможности немедленно связаться с руководством заставляло разведчиков самостоятельно принимать решения, проявляя при этом инициативу. И наше общее дело от этого только выигрывало.

Напарник, оставшийся устанавливать "связь" от Кнопки на вокзале, вместе с мужчиной выехал в Самарканд, где тот проживал, установил его личность. Сделал он все конспиративно, без излишней суеты.

Несколько позднее, перейдя на работу во 2-й отдел, я проявил интерес к материалам на вышеуказанную Кнопку. К моей радости, подозрения в отношении ее как агента-связника не подтвердились.

37

Однако по приходе во 2-й отдел МГБ Узбекской ССР мне вскоре пришлось столкнуться с настоящими агентами иностранных разведок, которых разоблачали путем оперативной разработки и последующего ведения следствия. Некоторые из них длительное время находились под нашим наблюдением в связи с наличием очень серьезных улик о их возможной принадлежности, в частности, к американской разведке, однако объективная сторона состава преступления в их действиях отсутствовала, по крайней мере на территории СССР, что не давало оснований для привлечения их к уголовной ответственности.

В первые месяцы пребывания в Узбекистане греческих политэмигрантов, по просьбе руководства ДАГ ряд бывших греческих офицеров должны были поступить на специально организованные для них курсы военной переподготовки. Этим обстоятельством мы и воспользовались. Дело в том, что в первоначальный период, после прибытия ДАГ, никто не знал, как к ним подступиться, как наладить их оперативное изучение.

Даже переводчиков греческого языка приходилось вызывать из Крыма и Одессы, так как местные греки, в свое время были либо репрессированы, либо принудительно высланы с Черноморского побережья в Среднюю Азию и им выказывалось политическое недоверие.

Так вот, в связи с предстоящими курсами для отбора слушателей создали мандатную комиссию, куда стали вызывать всех офицеров. Это позволило в то время получить на них биографические данные, в какой-то степени установить черты их характера, выяснить их лояльность к СССР. Этому способствовало также

38

владение многими греческими офицерами французским, немецким, английским и другими языками, что открывало возможность дополнительного их изучения.

На втором или третьем заседании мандатной комиссии я и столкнулся с агентом английской разведки. Произошло это следующим образом.

В комнату, где заседала комиссия, зашел очередной абитуриент, подтянутый мужчина лет 35-37 и представился: "Капитан ВВС Греции К." Стали уточнять, почему ВВС, ведь в ДАГ авиации не было. К. объяснил, что еще до войны он служил в Греческой королевской авиации в чине капитана. На вопрос, хочет ли он поступить на офицерские курсы, он ответил:

— Нет, не хочу. Мне надоела война. Да и вы от меня сами откажетесь.

— Почему?

— Я английский агент. Думаю, что вам, русским, это не понравится, хотя на всякий случай прошу учесть, что сотрудничал я с английской разведкой во время второй мировой войны ради нашего общего дела — победы над фашизмом. По нашей просьбе в скупых словах он поведал свою одиссею. Как известно, греко-итальянская война 1939-1940 годов, которая вначале проходила на территории Албании, закончилась после вмешательства фашистской Германии оккупацией Греции. Король со своей свитой и правительством и частично армейскими частями эвакуировались в Египет. Туда же эвакуировалась греческая авиация, а с ней и К. Обида за оккупацию родины, желание отомстить за это врагу, да и сильно пошатнувшееся материальное положение привели в конечном итоге к тому, что он дал согласие на предло-

39

женное ему в Александрии сотрудничество с Секрет интеллидженс сервис в качестве агента-нелегала.

Через 5 месяцев, после краткосрочного индивидуального обучения, он был заброшен с подводной лодки на территорию Югославии в район Сплита, затем перебрался в Грецию, в дальнейшем через Болгарию ушел в Стамбул, откуда с помощью английского консула вновь возвратился в Египет.

На наш вопрос, в чем конкретно заключалось содержание его задания, К. отвечал весьма неохотно. Однако стало ясно, что выполнял он роль связного, передавая осевшим в Европе английским агентам деньги, питание к рациям, инструкции. Установочных данных английских агентов он так и не назвал по тому же мотиву: все они в то время делали доброе дело — работали против фашизма, а, обнародовав их имена, он может повредить их последующей жизни.

Ко второй своей нелегальной ходке, по словам К., он приступил в конце августа 1944 года. Ему надо было нелегально проникнуть в окрестности города Хасково на Балканах, где попытаться легализоваться среди колонии местных греков. В дальнейшем с ним должны были связаться и дать задание.

Пробираясь к месту назначения в Родопских горах, он натолкнулся на партизанский отряд, где, на его счастье, в руководстве оказался один из его старых знакомых, в прошлом греческий офицер, занимавший в отряде пост начальника штаба. (Партизанское движение в Греции во время войны называлось ЭЛАС). Этот товарищ и предостерег К. от дальнейшего выполнения задания, объясняя это тем, что то

40

место, куда он двигался, уже занято или в ближайшее время будет занято советскими войсками, так что это может грозить для него неприятными последствиями. И К. остался в отряде ЭЛАС.

После изгнания из Греции немцев и с приходом в страну англичан он в течение длительного времени был у них на подозрении, как лицо уклонившееся от выполнения задания. А когда вновь возродилось партизанское движение в горах и была образована Демократическая Армия Греции, он решил примкнуть к ней.

Разрабатывая в дальнейшем К., мы сильно сомневались в том, что он самостоятельно решил примкнуть к ДАГ. Мы не без основания полагали, что он мог это сделать и по заданию английской разведки, которая, используя его боевое прошлое как легенду, ввела своего агента в интересующую их среду. Поэтому К. находился под нашим постоянным наблюдением.

В результате бесед в мандатной комиссии, да и в последующем, в наше поле зрения попадали и другие весьма интересные в оперативном отношении лица. Например, П. 1924 года рождения, как выяснилось позднее, уроженец Нью-Йорка (США). Отец его в конце 40-х годов был крупным торговцем и содержал в США два магазина. С помощью друзей из стран народной демократии нам тогда удалось установить, что в ДАГ П. вступил всего за 20 дней до ее эмиграции в Советский Союз. Для этого он самолетом из Нью-Йорка прибыл в Париж, оттуда поездом — в Будапешт, затем на автомашине переехал в город Скопле (Югославская Македония), а уже оттуда проник в отходящие в Албанию войска Демократической Армии Греции. Сейчас, уже за дав-

41

ностью, трудно вспомнить, каким образом нам в руки попала часть подлинных документов П., в том числе его американский паспорт, какое-то служебное удостоверение, в котором налагалась просьба администрации США оказывать помощь его предьявителю. Даже греки, проживавшие с П. в одном военном городке в Ташкенте, называли его "янки с нечистой совестью". И если он имел какое-либо задание американской разведки, выполнить его в сложившейся вокруг него ситуации было сложно. Может быть, поэтому через три года посольство США в Москве направило дипломатическую ноту Советскому правительству с

просьбой отпустить П. к родителям в США. "Баба с возу — кобыле легче",— решили мы и с легкой душой дали согласие на его отъезд.

В целенаправленной работе среди политэмигрантов нам удалось выйти на лиц, которые до войны проживали в СССР, в различных местах Черноморского побережья, а затем выехали на постоянное местожительство в Грецию. Их дети, еще с юных лет впитавшие в себя советскую идеологию, так и не смогли перестроиться на буржуазный лад, не смирились с фашистско-монархическими порядками. Они вступили в ряды вооруженного Сопротивления и проявили себя как активные борцы против фашизма. Именно эта категория лиц нам помогала. Кстати, способствовали этому знания ими русского и греческого языков.

Изучая среду политэмигрантов, мы нередко чувствовали, что кто-то помимо нас ведет подобную работу. Это нас весьма насторожило и вызвало определенную тревогу, так как, если в лице сил противодействия мы встретились с действующей резидентурой иностранной раз-

42

ведки, она постарается навести нас на ложные объекты. И все-таки нам удалось установить, кто параллельно с нами занимался негласным изучением греческим политэмигрантов. Произошло это следующим образом.

Изучали мы одного грека И. Он привлек наше внимание тем, что, выполняя по линии греческого командования обязанности офицера связи, постоянно разъезжал по так называемым городкам, в которых были расквартированы бывшие полки Демократической Армии Греции. Таких городков в Ташкенте и вокруг него насчитывалось четырнадцать. Так вот, мы установили за И. наблюдение и выявили одну закономерность: заканчивая свои дневные разъезды, он постоянно помимо штаба ДАГ посещал один неприметный домик. Не помню почему, но это нас насторожило, и мы решили негласно установить, что это за таинственная контора расположилась в том домике. Вначале решили проконтролировать визуально, благо местность позволяла это сделать. И что же вызвало у нас интерес?

Действительно, значительную часть этого домика занимал склад — кажется, личных и общественных вещей политэмигрантов. Но в конце дома была другая дверь, в которую с оглядкой заходили отдельные греки, в том числе и наш И. Туда же регулярно наведывался один из функционеров штаба майор Ф., который последним уходил из этого домика и уносил с собой какие-то бумаги. К этому времени мы обоснованно полагали, что, сохранив при эмиграции в СССР свою администрацию и полки, греческое командование могло сохранить и свою контрразведку, деятельность которой на территории СССР оно тщательно скры-

43

вает и оберегает. Выход на Ф. укрепил наши предположения.

После дополнительных проверок и получения подтверждений в пользу нашей версии, сомнений и колебаний мы все же вышли с предложением в Москву о проведении целенаправленной беседы с Ф. Как обычно в таких случаях нашлись и сторонники, и противники, но, поскольку все это происходило сразу после окончания войны, когда еще был силен наступательный дух в методах и приемах работы советской контрразведки, разрешение мы получили.

Ф. при встрече без нажима, с улыбкой сказал примерно следующее:

— Я ждал этой встречи и понимаю, что русская контрразведка не допустит, чтобы ее функции в СССР исполняла иностранная служба. Усилия моего командования сохранить деятельность второго бюро, которое я имею честь возглавлять, в тайне, как я и предполагал, оказались тщетными. Не скрою от вас, что я старался тщательно конспирироваться, чтобы не остаться без должности...

— Почему без должности? — спросили мы.

— Мне не простят провала. Особенно те из руководства, у кого сохранились

мелкобуржуазные замашки...

Беседы с Ф. растянулись на достаточно длительный срок. Во-первых, ему трудно было ответить на все наши вопросы за один раз. Во-вторых, исходя из складывавшейся обстановки, мы были вынуждены сокращать время встреч, чтобы греческое командование не зафиксировало его отлучек. Тем более мы к тому времени еще не решили, что нам выгоднее — распустить эту иностранную службу или использовать ее в наших целях с учетом того, что Ф. ничего

44

от нас не скрывал. И решение было принято: ф. стал нам помогать. Причем мы не пытались выяснить всей агентурной сети, которая числилась за 2-м бюро ДАГ, а просто перед Ф. ставился, допустим, такой вопрос: есть ли возможность прояснить, какие намерения вытекают в тех или иных группировках политэмигрантов, часть которых, по нашим данным, больше тяготела к политике Югославии, чем к Греции? (Пусть правильно поймет меня читатель, но тогда, в 1949-1951 годах этот вопрос считался особо актуальным, так как Югославия, по сообщению Коминформбюро от 1947 года, была объявлена как наш политический и идеологический противник.) Как правило, от Ф. поступал полный и исчерпывающий ответ, вплоть до того, сколько лиц объединилось на националистической основе, кто у них лидер, их ближайшие и перспективные планы и т.д. При этом мы предполагали, что при добыче исчерпывающей информации во 2-м бюро ДАГ, так же как в других подобных организациях западных стран, могут использоваться провокационные методы. Нам это категорически запрещалось, и, чтобы обойти стороной этот деликатный вопрос, мы сознательно не спрашивали Ф., как он добыл те или иные интересующие нас сведения.

Много ценной информации мы получили через этого человека. Выяснили настроения в среде греческой политэмиграции, какие существуют группировки, кто поддерживает Захариадиса, кто — Калояниса, кто — Парцалидиса, какой урон нанес армии ЭЛАС бывший командующий Карагеоргиос, заключив кабальный мир с англичанами в местечке Варкиза. Выяснились и другие вопросы, в том числе и самые конкретные.

45

Ряд таких конкретных вопросов мы решали с помощью прокуратуры и следствия. Но нередко возникали вопросы, требовавшие нашего незамедлительного вмешательства. Причем промедление могло принести, как мы считали, весьма тяжкие последствия. Из множества случаев вспоминается один, наиболее характерный. В один из сентябрьских субботних дней 1950 года, в конце дневного рабочего времени*, раздался телефонный звонок от Ф., который передал следующую информацию.

Среди колонии политэмигрантов существовала группировка греческих моряков, ранее служивших на американских, английских, французских и других судах. Они, как правило, никаких политических вопросов не поднимали, занимаясь в основном улучшением для себя бытовых условий. Поэтому, как заявил Ф., они не считали нужным ставить о них нас в известность. Но случилось непредвиденное: лидеры группы моряков уговорили остальных нелегально уйти за кордон, добраться до Организации Объединенный Наций, где выступить с заявлением в каком бедственном положении в СССР, как они считали, находятся греческие политэмигранты и, в частности, моряки.

По сообщению агента Ф., который находился среди моряков, беглецов, изъявивших желание уйти за кордон, было 24 человека. Они раздобыли оружие, карты, веревки и другие переправочные средства и приготовились к поез-

* В то время продолжительность рабочего дня в органах госбезопасности делилась на два

отрезка. Первый начинался в 9 часов утра и заканчивался в 17.00; второй начинался в 9 часов вечера и официально заканчивался в час ночи. А если начальство продолжало работать, то до 3-х или 4-х часов утра.

46

дке в район Термеза, где решили форсировать Амударью и уйти в Афганистан.

Последнее, что сообщил Ф.: экипированная всем необходимым группа покинула греческий городок и сосредоточилась в пустом бараке в районе поселка Дурмень, откуда завтра она двинется по маршруту бегства.

Срочная рекогносцировка местности показала, что интересующий нас барак расположен метрах в тридцати от проселочной дороги, по которой изредка движутся люди и машины в направлении расположенного неподалеку заводика и обратно. С другой стороны барака был обрыв, внизу которого протекает глубокий арык. У входа в барак моряками выставлен часовой, чтобы он вовремя предупредил их о возникшей опасности.

Решение начальством было принято одно: группу задержать, пока она не покинула барака. Возможности беглецов в бараке для сопротивления будут ограничены, особенно если провести задержание их на рассвете, когда моряки еще будут спать. Но часового нужно было снять бесшумно, по всем правилам партизанского искусства.

Весь вечер и ночь готовилась операция по захвату. Но как бесшумно снять часового? Окончательное решение созрело уже на месте захвата, на рассвете.

В это время на заводике кончилась ночная смена. Около двух десятков рабочих, мужчин и женщин, окончивших смену, прошли домой недалеко от барака. Часовой на них никак не реагировал. Более того, часовой сам вышел к проселочной дороге и что-то спросил у проходящих. Решение созрело немедленно. Геннадий Дурандин и Володя Борташевич "одожили" у

47

завода две промасленные спецовки, слегка "прикоптили" свои лица и под видом рабочих, окончивших смену, двинулись мимо барака. Продолжая якобы ранее начатый разговор, они остановились невдалеке от часового, не обращая на него никакого внимания. А тот наблюдал за ними. Геннадий и Володя в разговоре достали папиросы и стали искать спички. То ли от сырости, то ли еще по какой причине они не загорались, и тогда один из них показал рукой на костерок возле часового. Не торопясь, продолжая между собой разговор, они подошли к нему попросили достать тлеющий уголек. Далее всё, как принято было говорить в то время, было делом техники. Через 15 секунд часовой с кляпом во рту и закрученными назад руками лежал на земле, а мы, группа оперработников, молча бежали к окнам и двери барака, перекрывая беглецам пути отхода...

Среди изъятых у моряков вещей были парабеллум и бельгийский 15-зарядный пистолет, несколько ножей, карты с начертанными маршрутами передвижения в Афганистан, около 600 американских долларов, которые я держал тогда в руках впервые.

С учетом накопленного мною опыта, а также сохранившегося фронтального задора и энергии руководство МГБ приняло решение назначить меня начальником группы по оперативному обслуживанию интернированного в СССР отряда иракских курдов под командованием Моллы Мустафы Барзани.

В 1930-1940 годах фамилия руководителя большого курдского племени Барзани была широко известна на территории Ближнего и Среднего Востока. Знали об этом племени и политики империалистических государств. Англича-

48

не, занимавшие в то время преобладающие позиции в политике народов Ближнего и Среднего Востока, настороженно следили за каждым шагом семьи Барзани, не без основания полагая, что они в своем движении за объединение всех курдских племен в единое государство смогут нанести урон их имперским

интересам. Поэтому не только следили, но и всячески исподтишка противодействовали курдам. Но внешне они всячески заигрывали с Барзани, одобряя и восхваляя его политические и практические шаги, когда им это было выгодно.

Не дремали и политики немецко-фашистского рейха и его разведка, склоняя курдов, сартов, фарсов, арабов и другие маленькие народности, населявшие территории Ирана, Ирака, Сирии, Турции, различных арабских эмиратов, к центробежным тенденциям, к восстанию против английского ига и прочее. И в ряде случаев они добивались успеха!

Так случилось в 1943 году, когда кончался протекторат, то есть срок пребывания английских войск в Ираке. Королевское правительство Ирака не было склонно продлевать пребывание на своей территории английских войск, что значительно ослабило бы позиции англичан в этом регионе. Тем более что, это сильно осложнило бы положение их оккупационных войск, находившихся совместно с Советской Армией в Иране.

В это время глава племени Шейх Ахмад Барзани и его брат Молла Мустафа Барзани находились в ссылке в Сулеймании за попытку поднять в 1932 году восстание курдских племен и добиться создания нового государства — Курдистан. Восстание, конечно, было жестоко подавлено, а его руководителей представители Ин-

49

теллидженс сервис отправили в почетную ссылку. Они понимали, что вожаки племени им могут еще пригодиться. Так и случилось в 1943 году, когда королевское правительство Ирака не склонно было продлевать Англии протекторат.

В Сулейманию на самолете срочно вылетел английский разведчик Джонсон с заманчивым предложением для Барзани. Обрисовывая обстановку на Ближнем и Среднем Востоке, Джонсон от имени правительственных кругов Великобритании заявил, что именно сейчас назрела обстановка, при которой курды могут поднять с их помощью восстание для объединения курдов в единое государство.

— Мы вас переправим в Иран, на территорию, оккупированную советскими войсками. Там вы сколотите небольшой отряд, оружие для него мы дадим. Затем вы двинетесь к Ираку, на земли Барзанского района, которые сплошь заселены курдами. Они обязательно вольются в ваш отряд. Не исключаем, что вас поддержат другие курдские племена, такие, как шамзини, шервани. А это будет уже означать, что своей цели, которую вынашивали десятки лет, вы добьетесь!

Примерно такими словами уговаривал Джонсон Моллу Мустафу Барзани, которому к тому времени было 40 лет и он был полон желания бороться за свободу и независимость курдов.

И восстание курдов началось. Под знамена Барзани стали стекаться не только бедные и обездоленные люди, но и грамотные и состоятельные лица, служившие при иракском короле Фейсале, в том числе в генштабе Ирака. Англичане, как и обещали, выделили для восстав-

50

ших 3 тысячи винтовок. В отряд Барзани почти повально стали переходить курды с оружием в руках, которых было много в различных полицейских участках и охранных формированиях. Их военно-полицейские навыки, основанные на дисциплине и безоговорочном исполнении приказов, цементировали в курдских отрядах военный порядок и укрепляли их маневренность. Так восстание из чисто локального явления как-то быстро переросло в государственное, международного масштаба.

Иракское королевское правительство было уже не в состоянии подавить разросшийся мятеж и вынуждено было пойти на поклон к англичанам. Одним из

условий англичан было продление протектората — пребывания их войск в Ираке и еще целый ряд политических и экономических уступок, связанных с использованием морских портов, дорог, обеспечением и снабжением войск и т.д. Восстание с помощью английской авиации, артиллерии и танков было подавлено. Молле Мустафе же было заявлено, что техника была закуплена Ираком ранее и англичане, как могли, сдерживали королевские войска, но, к сожалению, пока неудачно...

Не знаю, каким образом, но англичанам удалось убедить Моллу Мустафу в своей невинности и даже лояльности к нему. Примерно в это же время на части территории Ирана, оккупированной Красной Армией, под воздействием национальных и демократических сил стала создаваться новая государственная автономия, назвавшая себя Республикой Иранского Азербайджана и Курдистана. Во главе ее стали Кази Магомед от азербайджанской общины и Пешевари от курдской.

51

Англичане тут же порекомендовали Барзани, якобы в целях сохранения частей повстанческого движения, уйти вместе с ними в Иран и предложить свои услуги Кази Магомеду и Пешевари. В данном случае они убивали сразу двух зайцев. Путем увода из Ирака повстанцев они укрепляли свои отношения с королем Фейсалом. В то же время происходило усиление агентурных позиций Сикрет интеллидженс сервис в создаваемой на территории Ирана Республике Иранского Азербайджана и Курдистана.

Молла Мустафа Барзани с вооруженными отрядами повстанцев влился в новую автономию. Поскольку слава о барзанских повстанцах, борющихся за свободу и независимость, широко облетела многие страны Ближнего и Среднего Востока, они были приняты с теплотой и сердечностью. Отряды барзанцев послужили костяком для армии новой республики. Командиры повстанцев получили в ней должности и офицерские звания до полковников включительно. Сам Молла Мустафа Барзани был назначен командующим армией, и ему было присвоено звание генерала.

Нет возможности описать все подробности деятельности барзанских курдов в Иране, вернее, на территории Иранского Азербайджана и Курдистана, так как в силу ряда политических, экономических, этническо-национальных причин, а возможно, происков английской агентуры эта республика просуществовала недолго, всего несколько лет, и после второй мировой войны распалась. Кази Магомед и Пешевари, якобы для переговоров были вызваны шахиншахом в Тегеран и там казнены.

Быстрый развал государственной надстройки коснулся и армии, возглавляемой Барзини.

52

Помимо армии к ее воинам в Иран постепенно прибывали из Ирака их семьи, и всем куда-то нужно было деваться. На совете командования и шейхов было принято решение: всем вернуться на родину, в Барзанский район Ирака.

Войско с многочисленными родственниками громоздким обозом двинулось из Ирана в Ирак. За ними сзади, буквально по пятам, шли иранские воинские части, а на границе их встретили развернувшиеся к боевым действиям иракские войска. У пограничного столба стоял иракский королевский офицер, который и предъявил Молле Мустафе примерно следующий ультиматум:

"Королевское правительство Ирака считает всех бывших повстанцев изменниками, которые подлежат смертной казни в случае появления их на территории Ирака. Что же касается их жен и детей, а также шейхов и других лиц духовного звания, то им въезд на территорию Ирака не возбраняется"

Итак, спереди развернувшиеся к бою регулярные части Ирака, сзади —

иранские войска. Что делать?

И Молла Мустафа принимает единственное правильное решение. Оказавшись как бы в коридоре между иранскими и иракскими войсками, он, отобрав в свой отряд только смелых и решительных бойцов, по коридору рывком уходит вправо и врывается на территорию Турции. Сделав во время этого ночного марш-броска крюк, вновь заходит на территорию Ирана, но уже в тылы иранских войск и, громя тыловые базы, спешно устремляется на север, к границе Советского Союза.

Советские пограничники в течение суток слышали бомбовые удары на территории

53

Ирана, затем увидели, как на другом берегу пограничной реки Аракс стали накапливаться вооруженные группы людей. Через реку переправился человек, который на сносном русском языке заявил:

— Я прибыл по поручению генерала Барзани. Зовут меня Давид Юхан Дихно Ловко. Отряд Моллы Мустафы Барзани спасается от преследования превосходящих сил иранских войск. Он просит предоставить нам убежище, чтобы избежать полного физического уничтожения.

Почти в течение суток задерживался ответ из Москвы на срочную телеграмму пограничников. Бомбовые удары слушались все более явственнее. На берегу появился Барзани, и по его короткой команде курды тотчас начали массовую переправу на советский берег.

Так был интернирован в СССР отряд иракских курдов Моллы Мустафы Барзани. Удивило количество перешедших границу. Их было ровно 500 человек. Настороженность вызвало и то обстоятельство, что среди них оказался полностью управленческий аппарат отряда: заместитель Моллы Мустафы полковник Хушави, начальник штаба бывший полковник генштаба иракской армии Мирхадж Ахмет, командиры батальонов, рот и взводов. Вопросы идеологии, верности корану, законам шариата и безоговорочной дисциплины решали прибывшие вместе с отрядом духовные лица — шейхи.

Вначале отряд как самостоятельная боевая единица был размещен в Азербайджане. Курды вели себя крайне настороженно. Распоряжений администрации Советской власти не выполняли, пока не получали указания или одобрения со стороны Моллы Мустафы или его прибли-

54

женных. Получалось какое-то инородное тело. С другой стороны, среди местного населения и военнослужащих восточной национальности появился нездоровый, как посчитали тогда, интерес к исламу, обрядам, отправляемым курдами, и мусульманским проповедям их шейхов. Все это вместе взятое повлияло на принятие кем-то наверху волевого решения о роспуске отряда. Под предлогом передислокации отряда в Узбекистан курдов партиями стали отправлять в дорогу. На новом месте курды были расчленены на еще более мелкие группы, вплоть до одиночек, которых разбросали по всем областям Узбекистана как спецпоселенцев, приравняв их право к положению, в котором находились сосланные ранее в эти районы крымские татары. Молла Мустафа был сослан в Муйнакский район Каракалпакии и под бдительным контролем комендатуры МВД пристроен весовщиком в одном из хлопковых совхозов...

В самом начале 50-х годов, когда в Иране начались антишахские волнения, которые возглавил тогда премьер-министр Моссадык, у нас вспомнили об отряде Моллы Мустафы и, как тогда нам говорили, по указанию самого Сталина их вновь стали собирать в отряд, место дислокации которому определили на территории садсовхоза № 9 Янги-Юльского района Ташкентской области. Молле Мустафе был выделены в качестве резиденции загородный особняк Совета Министров Узбекской ССР в поселке Кибрай в 15 километрах от Ташкента. На

содержание отряда была определена дотация правительства в сумме 4 миллионов рублей. К этому надо добавить, что среди курдов существовало правило отчислять из зарплаты каждого курда 50 рублей в личную казну Моллы Мустафы.

55

Обо всем, что здесь описано, нам предстояло еще негласно разузнать, найти документальные подтверждения.

Для этого нужны были люди из числа руководящего состава отряда, могущие ответить на интересующие нас вопросы о прошлом и, главное, о том, как поведет себя отряд, если его используют в освободительном движении на Востоке. Однако если установить контакт с рядовым членом отряда было архитрудно, то выйти на приближенных Моллы Мустафы было практически невозможно. Я не преувеличиваю — так было на самом деле.

Как ни странно, но найти единомышленников, наших помощников в отряде, помогло разрозненное пребывание курдов на спецпоселении. За это время они сумели отвыкнуть от рабского, беспрекословного повиновения, царившего в их отряде, ежедневных поклонений и рапортов шейхам, совершения утренних и вечерних намазов. По сравнению со всем этим отметки курдов раз в неделю в комендатуре могли им показаться раем свободы, так как во все другое время они были предоставлены самим себе.

Немалую помощь в ломке рабского повиновения у ряда курдов сыграло их желание обзавестись женами. Долгие годы холостяцкой жизни в отряде, боевые операции, марш-броски и переходы, безусловно, склоняли к смене уклада жизни. И когда они попали в среду крымских татар, девушки и женщины которых были весьма красивы и ходили с открытыми, без паранджи, лицами, сердца курдов начали оттаивать, они стали более покладистыми, и с ними стало возможно вступать в оперативные контакты.

56

Не буду кривить душой: к отдельным руководителям из отряда мы сознательно подослали женскую агентуру, которая постепенно влияла на них в нужном для нас направлении. Женщины-агенты шли на это добровольно и вполне сознательно: черноглазые, высокие и стройные курдские мужчины не могли им не нравиться.

Последующая идеологическая обработка авторитетных лиц из числа курдов привела к тому, что они, будучи непосредственными свидетелями описываемых событий, раскрыли все перипетии связи Моллы Мустафы Барзани с английской разведкой в годы второй мировой войны.

Среди наших помощников были и штабной работник, нередко обеспечивавший охрану Моллы Мустафы при встрече с английскими разведчиками, и командир батальона его отряда, и командиры роты — прямые свидетели многих интересовавших нас событий.

Проводить встречи в ними было весьма сложно. Подчас на явку нужно было ползти по-пластунски огородами, а агент через открытое окно негромко рассказывал оперработнику о намечаемых в отряде тайных мероприятиях. Пренебрежение конспирацией оборачивалось подчас печальными результатами.

Наш оперработник, выступавший под "крышей" администрации совхоза, довольно часто и не всегда конспиративно стал встречать с интересовавшим нас человеком из числа курдов. О встречах этого курда с администратором совхоза шейхи донесли Молле Мустафе. По указанию Моллы Мустафы курда раздели донага, привязали к железной кровати и стали истязать, желая получить показания, о чем он говорил с русским представителем. Издевательств-

57

ва удалось приостановить, а жертву по его желанию отправили из отряда к месту бывшего спецпоселения. Недели через три этого курда нашли убитым. Ему

перерезали горло от уха до уха. Так, шейхи расправлялись с непокорными в назидание другим.

В связи с этим делом вспоминаются и другие, подчас курьезные, подробности. Так, получив сообщение об убийстве, мы быстро сколотили оперативно-следственную группу из числа работников МГБ, милицейских криминалистов, прокуратуры и, захватив служебно-розыскную собаку, выехали в один из отдаленных районов Голодной степи Узбекистана, где ранее жил этот курд. Предварительно с большим трудом удалось дозвониться до районного начальника МГБ. Сообщили о выезде к нему из Ташкента оперативно-следственной группы и высказали просьбу: сохранить в неприкосновенности место убийства и обеспечить группе условия для плодотворной работы по розыску.

Жара стояла жуткая. Дорога к этому району была только проселочная. В условиях Средней Азии это означало, что на всем пути следования лежала пыль примерно в 15-20 сантиметров. Поэтому наши машины поднимали в воздух пылевую завесу метров на пятнадцать. Приехали мы все серые от пыли, и благо, что на месте нас ожидал местный начальник МГБ и несколько мальчиков с кувшинами воды. Сняв одежду, вытряхнув пыль и умывшись, я спросил местного начальника:

— Все ли готово для работы криминалистов?

— Конечно, конечно,— ответил он и бодрым шагом повел нас во двор дома председателя местного колхоза.

58

Каково же было наше удивление, когда во дворе мы увидели накрытый стол, рядом кипящий самовар, в огромном казане варился душистый плов, а в арыке виднелись горлышки бутылок...

Не хочу передавать содержания разговора с этим местным чиновником, думаю, что он не понял меня. По неписаным там правилам так принимали всех начальников, приезжавших в район из центра. По линии же МГБ к нему, в такую глушь, приехали впервые, и он не хотел ударить в грязь лицом.

— Вы просили создать условия для работы? Я их и создал. Сейчас покушаете, отдохнете, а под вечер, когда спадет жара, пойдете к убитому. Покойнику торопиться некуда, он может полежать и до вечера,— сказал он без тени смущения.

Как и следовало ожидать, место убийства не охранялось и любопытные всем кишлаком ходили туда посмотреть, так что следы преступника почти пропали. Но нам повезло: убийца то ли обронил, то ли выбросил недалеко от дома окровавленный нож, по которому собака все же взяла след, протащила нас по бездорожью 8 километров и подвела к зарослям камыша на берегу соленого озера, образовавшегося с весны от разлива Сырдарьи. В камышах стоял чемодан убитого, в котором, как выяснилось позднее, лежало 2 тысячи рублей. Это как будто подтверждало нашу основную версию о цели убийства.

Недалеко от чемодана мы нашли место, где преступники сделали короткий привал. Там валялись три окурка и смятая пачка сигарет "Прима", что усилило наши уже определенные подозрения, так как в округе сигарет "Прима"

59

не продавалось в течение года, а курдов снабжали в качестве пайка именно этими сигаретами. У них же мы выяснили, что найденный нож похож на тот, что они видели ранее у Моллы Хассана, фанатика, приближенного Барзани, которого он тайно направлял в Москву для встречи с послом Ирака.

В конечном итоге мы решили пойти на обыск в дом, где проживал Молла Хассан, рассчитывая найти там новые улики. Нас особенно интересовали следы крови на одежде убийцы. К этому времени экспертиза установила, что кровь

убитого была какой-то редкой группы с отрицательным резусом, так что отличить ее пятно от других пятен не представляло сложности. Видимо, мы были на правильном пути. Но через 10 минут после начала обыска в дом ворвалась группа курдов, оттеснила нас в угол, и только выдержка и спокойствие спасли нас от их агрессивных действий. Минут через пятнадцать они по чьей-то незаметной команде дружно покинули дом. Дальнейший обыск оказался бессмысленным.

Примерно в таких условиях проходила оперативная работа. Курды устраивали неоднократно сидячие забастовки перед зданием Совета Министров Узбекской ССР, были и тайные ходки в Москву для встречи с сотрудниками посольств, наконец, нелегальный побег Моллы Мустафы в Москву в апреле 1953 года и его задержание в Спасских ворот Кремля.

В конечном итоге в работе по этой линии все было расставлено по своим местам. Основная масса курдов — это бесстрашные бойцы, готовые по приказу своего предводителя Барзани броситься и в огонь и в воду. В то же время это очень добродушные и весьма заботливые

60

люди — в этом мы неоднократно убеждались по их отношению к соседям, женщинам. Верхушка — руководители отряда — состояла из зажиточных шейхов, баев, имевших целью в политической и вооруженной борьбе не только получение автономии, но и решение своих чисто меркантильных задач. На этот счет характерно высказался о себе и своем окружении бывший заместитель Моллы Мустафы полковник Асад Хушави: "Если в наши руки попадет нефть Абадана и Керкука, то этого нам всем хватит надолго".

Таким образом, простые курды оставили у меня теплые воспоминания, а вот их руководители доверия на внушили. В последующем история подтвердила наши выводы. После свержения короля и революции в Ираке курды вернулись на свои земли и снова начали вооруженную борьбу. Снова началось их гонение и притеснение. Молла Мустафа Барзани так и умер в изгнании, кажется в США, у пригrevших его американских "ястребов".

В 50-х годах меня перевели на работу в Москву. Навсегда покинув Узбекистан, я и сегодня с глубокой благодарностью и теплотой вспоминаю те места, где родился, учился и работал. Навечно сохранил в памяти уважение к узбекскому народу, который, несмотря на невероятные трудности, порожденные вековым имперским притеснением и байско-феодалным гнетом, сумел сохранить в себе черты доброты и порядочности, проявил теплоту и бескорыстие к людям других национальностей.

Во время Великой Отечественной войны Узбекистан приютил на своей земле сотни тысяч эвакуированных из Польши, Украины, Прибалтики, Белоруссии, Смоленской, Московской,

61

Ленинградской и других областей РСФСР, разместил на своей территории множество различных заводов и предприятий, военные академии, десятки училищ, госпиталей. Сюда же на спецпоселение или под негласный контроль были насильственно сосланы тысячи крымских татар, карачаевцев, ингушей, чеченов, греков, турок-месхетинцев, курдов, часть немцев Поволжья, представителей других национальностей. Еще в период правления Тамерлана на земли Узбекистана были насильственно переселены тысячи армянских ремесленников. С прошлого века в связи с развитием промышленности, дорог, телеграфа значительный вклад в развитие республики внесли прибывшие туда представители русского народа. А если учесть проживание в Узбекистане еще тысяч семей уйгуров, татар, таджиков, бухарских евреев, то можно представить сколько доброты было в душе узбеков, которые приютили у себя этих людей, обогрели и накормили, разделили с ними радости и невзгоды.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Если описанные ранее случаи из практики оперативной работы можно назвать тактикой, то заранее спланированная органами госбезопасности деятельность по перехвату каналов связи иностранных разведок, а также внедрение, или проникновение, в спецслужбы противника наших сотрудников, резидентов, агентов и ведение различных оперативных игр является высочайшей классикой и по праву это можно приравнять к оперативному искусству.

62

За 70 с лишним лет истории органов ВЧК — КГБ накопили немало разнообразных примеров такой деятельности. Содержание ряда наиболее удачных оперативных игр уже обнародовано в печати, кино, по радио и телевидению. Все помнят телепостановки по делам "Трест", "Синдикат", проводившимся ОГПУ в 20-х годах. Позднее мне удалось познакомиться с подобным делом, которое велось чекистами Узбекистана под кодовым наименованием "Нити Мешхеда". По этому делу были введены в заблуждения представители английской разведки Интеллидженс сервис. Их устремления потом направлялись по ложному пути.

Особенно активно проводились такие оперативные игры в годы Великой Отечественной войны. Суть их сводилась в основном к захвату переброшенных на нашу территорию немецкими разведорганами, такими, как абвер, "Цеппелин", РСХА, фашистских агентов и принуждению их работать под нашу диктовку. Это позволяло путем передачи ложной военной информации вводить в заблуждение верховное командование германской армии, что помогло выиграть отдельные сражения в войне. Это позволяло также выводить на себя других вражеских агентов и связников, — одним словом, заставляло работать органы фашистской разведки вхолостую.

Хотелось бы рассказать об одном событии, имевшем место в годы войны. Думаю, что оно более полно высветит содержание работы наших чекистов. Ведь в органах в 30 — 40-х годах работали не только нарушители социалистической законности, слепо выполнявшие указания "хозяина" и его сателлитов, но и, как говорил писатель и партизан Вершигора, люди

63

с чистой совестью. А эта история начиналась примерно так же, как описывал события в своей повести "Сатурн почти не виден" В.И. Ардаматский, касаясь деятельности немецко-фашистской разведшколы, расположенной в начале войны в городе Борисове.

Даже в самое тяжелое время войны, осенью и зимой 1941 — весной 1942 годов, в органы советской военной контрразведки и НКГБ стали периодически добровольно приходить лица с полной шпионской экипировкой и заявляли примерно следующее: "Я от капитана Соколова. Полчаса назад немцы выбросили меня на парашюте в вашем районе с заданием... (шло описание задания). Контрольный радиосеанс о благополучном приземлении я должен провести через два часа".

Конечно, можно было бы принять такого заявителя за шизофреника, но экипировка на все 100 процентов подтверждала его слова. Оружие, поддельные документы, карты, деньги, портативный немецкий радиопередатчик и приемник, запасное питание к ним, шифры и коды — все это свидетельствовало о правдивости слов заявителя. Непонятно было одно: откуда взялся капитан Соколов, так смело работающий в самом логове фашистской разведки? По всем картотекам разведывательных кадров такой не значился. Переброшенные им люди уже выполнили несколько заданий советской военной контрразведки, а поиск Соколова, по одним приметам все еще продолжался. Наконец к лету 1942

года удалось восстановить одиссею этого человека. Она не слишком интересная, но достаточно красочно рисует политическую обстановку и режим, существовавшие перед войной.

64

Как известно, в 1940 году в Латвию были введены войска Красной Армии; среди них был капитан Соколов, сотрудник особого отдела, честный и преданный коммунистическим идеалам человек. Он старался вести в свой части контрразведывательную работу по совести. Но судьба распорядилась с ним иначе: повстречал он в Латвии молодую девушку, латгалку по национальности, и влюбился, что называется, с первого взгляда. Она ответила взаимностью. Он обратился по команде с просьбой разрешить ему вступить в законный брак. И здесь посыпались на него невзгоды. Их взаимоотношения были приравнены к "связи с подозрительными иностранцами". Затем за потерю политической бдительности последовало исключение из партии и увольнение из Красной Армии. В назидание другим его хотели даже выслать из Прибалтики под конвоем. Но началась война. Стремительное наступление немцев заставило начальство в спешке бежать, забыв о деле Соколова. Сейчас известно, как фальсифицировались такие дела, как сгущались краски при различных партийных, тем более — следственных разбирательствах. Поэтому, ознакомившись с материалами дела, сотрудники абвера увидели в Соколове чуть ли не своего единомышленника. Все это, с учетом его познаний в деятельности советской контрразведки, позволило немцам тут же предложить ему должность преподавателя в разведшколе, где готовили шпионов для нелегальной заброски в СССР.

Ну и что же Соколов? Несмотря на приклеенные ему ярлыки, он оставался все тем же честным и преданным Родине человеком. Именно поэтому он согласился с предложением немцев, полагая, что так он сможет принести

65

Отчизне наибольшую пользу. С помощью немецких агентов, перевербованных Соколовым, чекисты сумели собрать важные сведения и приметы многих курсантов разведшколы, удалось также вытянуть на себя других шпионов и диверсантов.

Наконец удалось организовать и встречу с Соколовым на оккупированной территории. На встрече ему предложили восстановить его в партии, воинском звании и должности. Взамен он должен был работать по заданиям советских органов госбезопасности. Трудно сказать почему, но Соколов отказался от этого предложения, предпочитая работать в одиночку, на свой страх и риск.

Немецкие агенты от имени Соколова приходили и в 1943-м и в 1944 году. Последний появился примерно в январе 1945 года, когда бывшая Борисовская разведшкола была перебазирована в Восточную Пруссию. Когда эта территория была захвачена Красной Армией, начался активный розыск Соколова. Искали несколько лет. А он как в воду канул.

О Соколове я узнал, когда был переведен на работу в Москву. Наряду с другими оперативными материалами мне передали тогда дела на бывших агентов немецко-фашистской разведки, нелегально заброшенных во время войны на нашу территорию; они были перевербованы и "работали на немцев" до конца войны под нашу диктовку. Наши товарищи не без основания полагали, что немецкой агентурной сетью в СССР могут воспользоваться спецслужбы США и Англии. В этой связи с подобными лицами они продолжали поддерживать контакт. Сначала он был постоянный, а по истечении десятилетия после войны интерес к ним про-

66

пал. В конечном итоге эти дела спихнули на прибывшего в Центр новичка.

Оперативные игры (подобные играм, ведшимся с фашистской разведкой в годы войны) проводились также с американской и английской разведками в

течение 10 послевоенных лет. Ожесточение "холодной войны" предполагало возможность и "горячей" конфронтации. Об этом свидетельствовала взятая в то время на вооружение в США военно-политическая доктрина сдерживания и отбрасывания назад коммунизма. Потенциальному нашему противнику, в частности спецслужбам США и Англии, нужно было заранее создать на нашей территории свои опорные пункты, насадить своих шпионов, выявить наши оборонительные возможности, в первую очередь атомные объекты и активно развивавшиеся в то время средства доставки термоядерного оружия — межконтинентальные ракеты.

Могу с полной ответственностью сказать, что в те годы противник действовал весьма мобильно и энергично. Забрасывались к нам десятки вражеских агентов, прошедших специальную подготовку в разведшколах, расположенных на территориях Западной Германии, США, Англии и Скандинавии. Забрасывались воздушными, морскими путями и по суше. Одни для поддержания националистического и вооруженного бандподполья в западных районах Украины, Белоруссии, республик Прибалтики, другие — для сбора сведений о Советских Вооруженных Силах, местах сосредоточения атомной промышленности, объектов ракетостроения, других оборонных предприятий. Имели место и смешанные задания, в зависимости от возможностей забрасываемого агента. Не могу

67

назвать точного количества всех захваченных органами госбезопасности шпионов, но фамилии тех, которые сохранились в моей памяти или черновых записях периода моей работы в американском секторе, могу назвать с указанием географии их заброски в начале 50-х годов на территорию СССР.

Август 1951 года. В Молдавскую ССР сброшены на парашютах американские шпионы Ф.К. Саранцев и А. И. Османов.

Сентябрь 1951 года. На территорию Западной Белоруссии с самолета заброшен шпион И.А. Филистович с заданием создания нелегальной вооруженной националистической организации.

Май 1952 года. С американского самолета на парашютах сброшены на территорию Волынской области Украинской ССР агенты ЦРУ США А.П. Курочкин, Л.В. Кошелев, И.Н. Волошановский.

Август 1952 года. На Сахалин водным путем заброшен американский шпион Е.Г. Голубев, а на территорию Белоруссии выброшены с самолета агенты ЦРУ США М.П. Артюшевский, Г.А. Костюк, А.Т. Остриков и М.С. Кальницкий.

Апрель 1953 года. В Краснодарский край выброшен нелегально шпион М.П. Кудрявцев. В это же время на территорию Житомирской области с самолета без опознавательных знаков сброшены агенты американской разведки А.В.Лахнов, А.Н. Маков, СИ. Корбунов, Д.А. Ремига.

Май 1954 года. На территорию Эстонской ССР с самолета заброшены шпионы К.Н. Кукк, Х.А. Тоомла,— лица эстонской национальности. Этим же самолетом, но над территорией

68

Латвии, был сброшен бывший преподаватель американской разведывательной школы в городе Кемптен (ФРГ) латыш Л.П. Бромбергс. Если не ошибаюсь, в указанной школе Бромбергс числился под фамилией Андресонс и имел кличку Энди. Задача на Бромбергса возлагалась немалая — создать на территории Латвии шпионскую сеть из числа ранее заброшенных и вновь завербованных в СССР американских агентов.

В Прибалтийских республиках помимо заданий шпионского характера многие американские агенты осуществляли диверсии и террористические акты. Особую активность в этом плане проявляли агенты противника из числа эстонцев,

забрасываемых в СССР морским путем. Они не только убивали активистов Советской власти, но даже выжигали у некоторых из них на спинах пятиконечные звезды. В то время при попытке установить по радио связь с разведцентром ЦРУ США был захвачен с поличным агент американской разведки Энедль Мумм. При нем оказались данные на находившихся в подполье вооруженных банд эстонских националистов. В процессе ликвидации этих банд были захвачены 13 агентов разведок, в их числе — Харри Вимм, Иоган Мальтис, Эвальд Халлиск, Аксель Порс и другие.

Не меньшей активностью сотрудничества с вражескими разведками отличались и литовские националисты, связь с которыми те хотели наладить через сухопутные границы ФРГ, ГДР, Польши, Литвы и обратно. Для этих целей американские разведчики пытались использовать литовца Б.Б. Гуигу, с учетом его блестящего знания немецкого, польского и литовского языков. А было это уже в 1958 году.

69

Это далеко не полный перечень агентов-нелегалов противника, который мне удалось восстановить по отдельным черновым заметкам и по памяти. Разумеется, сотрудники КГБ пытались ориентировать эти акции противника в свою пользу. Так, при захвате шпиона мы старались использовать охватившее его состояние аффекта, что бы как можно быстрее выяснить интересовавшие нас вопросы и с учетом искренности ответов, а также под тяжестью улик — захваченных предметов шпионской экипировки заставить его или уговорить поработать на своих хозяев под диктовку советских органов госбезопасности.

К тому времени чекисты уже достаточно четко знали, на какие вопросы нужно получить немедленные ответы у захваченного агента. Прежде всего, когда и с кем забрасывался? Где с ним расстался. Какие задачи перед ним стоят? Эти вопросы выяснялись, как правило, в первую очередь потому, что оставшиеся на свободе другие агенты могли уже приступить к выполнению задания, последствия чего оказывались непоправимыми. И даже приблизительные ответы давали нам возможность, сконцентрировав оперативные силы и средства, а если надо, мобилизовав общественность, перекрыть возможные направления в деятельности преступников, оставшихся на свободе.

Другая группа вопросов — когда выход на связь по радио с разведцентром и условные сигналы, с помощью которых агент должен передать в разведцентр противника о том, что захвачен и работает под диктовку органов КГБ. Выяснение этих вопросов открывало возможность для завязывания оперативной игры с противником.

70

Обычно вражеские разведки приказывали своим агентам выходить на первую, короткую радиосвязь в течение трех часов после их заброски в СССР. Противник полагал, что чекисты, если и захватят сразу же их агента, то пока они будут в нем разбираться, собирать и анализировать шпионскую экипировку, доставлять задержанного, как минимум, в областной центр КГБ, получать санкцию из Москвы, время передачи будет упущено.

Одновременно в процессе подготовки шпиона к нелегальной заброске в СССР сотрудники разведки обговаривают с ним ряд условных сигналов, с помощью которых он должен передать, что его действия контролируются КГБ.

Конечно, Вы сейчас же вспомните по кинофильмам такие условности, как отсутствие точки в письме и т.д. Однако условные оповещения постепенно усовершенствовались. Допустим, сигналом, что агент захвачен, являлось орфографически грамотное письмо, отправленное им в разведцентр. Если же агент работал самостоятельно, то он в одном из первых пяти слов письма должен был сознательно пропустить одну гласную букву. Если же мы, контролируя

агента, поправим эту "описку", то попросту провалим оперативную игру.

Или вот еще один условный знак. По радио резиденту американской разведки в Латвии Бромбергсу из Центра пришла шифрограмма следующего содержания: "Сообщи, что тебе известно о заходе в Рижский залив Балтийского моря двух советских подводных лодок последней конструкции. Цели прибытия и дальнейшего назначения".

Содержание подобной радиограммы ни у кого не вызвало подозрений. Однако включение

71

в текст слов "Балтийское море" означало: "Не работаешь ли ты под контролем КГБ?" Ответ в благоприятном случае должен был быть примерно такой: "Море с чертом улетело на Луну" — или какой-либо другой абракадаброй. Тогда американцы получали подтверждение, что все в порядке. Согласно условности Балтийское море, когда его нужно было назвать, именовалось Варяжским.

В чем заключался смысл ведения оперативных игр? Главные выгоды состояли в том, что органы госбезопасности получали таким образом достоверные сведения об устремлениях разведок главного противника, о методах и приемах их работы по сбору разведывательной информации, о технических средствах, входивших в разведывательно-шпионскую экипировку, о каналах связи между противником и его агентами на территории СССР. Имели место случаи выманивания на себя других шпионов из-за рубежа или задержания с поличным официальных сотрудников ЦРУ, работавших в СССР под прикрытием посольства США в Москве.

Ведение оперативной игры требовало постоянного напряжения умственных сил, находчивости и изобретательности. Пренебрежение хотя бы малым, как правило, приводило к нежелательным последствиям.

В конце 1989 года "Литературная газета", писала как чекисты Латвии вели оперативную игру с английской разведкой Сикрет интеллидженс сервис (СИС) с использованием подставленного нами противнику агента. Игра закончилась плачевно из-за малой, казалось бы, оплошности. По заданию СИС агент должен был выехать в конкретный район Северного Урала,

72

на месте взять пробу воды и ила и нелегально переправить ее за границу на исследование. Ясно было одно: противник устанавливает таким образом наличие в этом районе наших промышленных термоядерных объектов. Поскольку их там не было, а местность была малозаселенной, приняли решение путем дезинформации направить деятельность противника по ложному пути, заставить его работать вхолостую. Для этого во взятые с Северного Урала пробы воды и ила решили добавить радиоактивные вещества. Так и сделали, но без тщательной консультации с атомщиками-физиками. Пробы ушли к противнику, и его первый ответный вопрос агенту, кажется, ничем не настораживал. Он в числе прочего запросил, как удалось получить эти пробы?

"Отдыхал на реке, ловил рыбу и любовался красотами природы", таков примерно был ответ агента. Игра на этом закончилась! Оказывается, в желании угодить сотруднику КГБ товарищи из физлаборатории напичкали в пробу такую дозу радиации, что в воде не могло сохраниться никаких живых организмов, а растительность вокруг должна была бы выгореть на десятки километров.

Нередко вражеский центр сам проверял своего шпиона на искренность сотрудничества. Противнику было понятно, что если органы КГБ захватят его агента, то в первую очередь отберут у него оружие и предметы шпионской экипировки. При ведении оперативной игры они будут выдавать агенту только то, что нужно для связи с разведцентром: например, рацию питание, шифры, коды. И вот какой казус произошел по одной игре в Прибалтике. Шла подготовка к

очередному радиосеансу с

73

разведцентром. Обычно сеанс проводился с места, которое указывалось ранее противнику. В данном случае это был лес, примерно в 10 километрах от ближайшего населенного пункта. Американцы понимали, что по-настоящему действующий шпион придет в лес на такую сложную операцию обязательно с оружием. Если же его нет, значит, работает не один. Поэтому сеанс начался сумбурно. Американцы сразу же поставили следующий вопрос: "Через 10 минут паузы в сеансе сообщи, какого года выпуска четвертый патрон из запасной обоймы к пистолету". Конечно, пистолет и патроны к нему были изъяты и лежали в сейфе в здании КГБ. Мы до сих пор с большой теплотой и уважением вспоминаем бывшего начальника местной контрразведки А.Я. Бундулиса — человека необыкновенной интуиции, который не поленился и проложил телефонную времянку к месту радиосвязи от столбов, проходивших в 3 километрах по просеке в лесу. Всего несколько минут потребовалось, чтобы связаться с кабинетом в городе, достать запасную обойму агента и передать, что четвертый патрон 1952 года выпуска, а все другие—1951-го. Противник все продумывал до мелочей, как говорится, с дальним прицелом.

В другом случае американцы попросили своего шпиона, работавшего под нашим контролем, заложить в тайник 1000 рублей сторублевыми ассигнациями (которые ему ранее были выданы) и номера этих банкнот сообщить в центр. Игра провалилась потому, что ведущий дело сотрудник сдал деньги в доход государству "за ненадобностью".

Конечно, условия ведения оперативных дел, в том числе и оперативных игр, менялись в

74

зависимости от складывавшейся международной обстановки и внутривнутриполитической жизни в нашей стране. Наше поколение помнит, как после смерти Сталина и разоблачения культа его личности на XX съезде КПСС ожесточенная "холодная война" стала ослабевать благодаря оттепели во взаимоотношениях между СССР и рядом капиталистических стран. Появился групповой и индивидуальный туризм, замелькали одна за другой целевые, по отраслям науки и хозяйства, американские выставки в СССР. Правда, персонал гидов-переводчиков администрация США все время оставляла один и тот же. Чувствовался какой-то определенный подбор. Ну, например, гид-переводчик на нескольких американских выставках в СССР Роберт Баррет специализировался на общении с советскими гражданами из Средней Азии, Татарской и Башкирской АССР. Как выяснилось во время негласного контроля, помимо русского он прекрасно владел арабским и неплохо разбирался в узбекском языках. Другой переводчик, Френсис, тяготел к жителям Прибалтики, а дочь бывшего царского полковника Генерального штаба Татьяна Ахонина, работавшая на выставках в числе администрации США, специализировалась на общении в основном с нашей творческой интеллигенцией. Они и другие гиды окончили специальные учебные заведения США, которые были под неустанным контролем ЦРУ и ФБР. Это — Русский институт Колумбийского университета, школа военных переводчиков в городе Монтерея и прочие.

Мы понимали, что разведка противника не упустит возможности легального проникновения в нашу страну, используя для этого ту-

75

ризм, автотуризм, делегации, выставки, частные приглашения и транзит.

В американском контрразведывательном секторе КГБ, где я тогда работал, основные усилия были направлены на вскрытие агентурной разведки спецслужб США в нашей стране. Мы не без основания полагали, что время использования в

качестве агентов бывших немецких пособников, оставшихся после войны на Западе, прошло и противник попытается создать новую агентурную сеть из числа неустойчивых в моральном и политическом отношении граждан СССР. Активность общения указанных выше американских гидов с советскими гражданами давала основание полагать, что с их помощью идет розыскивание будущих пособников противника.

Конец 50-х годов ознаменовался коренным переустройством организации агентурной разведки ЦРУ США на территории СССР. В то время еще не было космических спутников-шпионов, с помощью которых впоследствии американцы опознавали наши атомные, космические и другие оборонные объекты. Поэтому в наши руки стали попадать разработанные в недрах американских разведорганов различные инструкции, в которых говорилось, например, как более точно определить, какую продукцию выпускает обнаруженный оборонный промышленный объект. Вот как писалось в инструкции, выданной американскому шпиону из числа советских граждан, который не имел познаний в технических объектах, интересовавших противника.

"Некоторые вопросы, изложенные в инструкции, вне Вашей профессиональной подготовки, но мы все же посылаем их Вам, так как

76

они представляют для нас особый интерес. Для того чтобы собрать эти сведения, мы направляем Вам перечень демаскирующих признаков, с помощью которых Вы сможете выяснить интересующие нас сведения.

1. Строительство предприятий, которые сильно охраняются.
2. Строительство железнодорожных путей и шоссе дорог, назначение которых непонятно для окружающих.
3. Промышленные предприятия, продукция которых транспортируется в спаренных контейнерах с отсутствием маркировочных знаков.
4. Места, куда поступают железнодорожные цистерны, у клапанов которых образуется иней..."

В это же время в наши руки попала другая инструкция, предназначенная другому шпиону, имевшему доступ к секретной информации и обладавшему определенными техническими знаниями. В ней американская разведка ставили уже конкретные вопросы. Вот выдержка из этой инструкции:

"Сообщите следующее о каждом типе межконтинентального баллистического снаряда:

1. Название и класс снаряда.
2. Завод или заводы-изготовители.
3. Количество ступеней.
4. Тип топлива, применяемого в снаряде;
5. Оперативная готовность снаряда к пуску.
6. Сколько в общей сложности имеется таких снарядов.
7. Дальность действия и скорость снаряда.
8. Размер: длина, диаметр, вес.
9. Может ли снаряд нести атомный или водородный заряд".

В 1959 году американские разведчики зало-

77

жили тайник в общественном туалете для своего информатора, работавшего в области науки. В письме к шпиону были такие слова: "...достижения смежных научных дисциплин, связанных с пуском спутников и снарядов, таких, как астрофизика, магнитогидродинамика, техника вычислительных машин, нас также крайне интересуют".

Словом, разведывательно-агентурный поиск со стороны спецслужб США начался фронтальный. И поэтому напор и интенсивности поисков

американской и других разведок надо было противопоставить тщательно отработанную систему контрразведывательных мер, позволяющую вскрывать и обезвреживать на территории СССР вражеских шпионов.

Без всякой рисовки должен сказать, что это действительно был фронт — невидимый фронт борьбы. Может быть, для кого-то это называлось "холодной войной", а для нас, чекистов, это была жаркая битва, с бессонными ночами, засадами, захватами в холод и стужу, при любой погоде.

И я не стыжусь, а наоборот, горжусь, что при моем непосредственном участии был разоблачен ряд агентов иностранных разведок. Среди них такие, как Пеньковский, который за время сотрудничества с американской и английской разведками выдал значительное количество секретных сведений об оборонной мощи, экономике и внешней политике СССР (осужден), Попов, подполковник Советской Армии, собиравший секретные сведения по военной тематике, в том числе в Генштабе МО СССР (осужден), Филатов, который во время пребывания в служебной командировке за границей был завербован американской разведкой (осно-

78

ванием к этому, как отметил позднее суд, были чрезмерная самоуверенность, тщеславие Филатова, его завистливость, стремление к стяжательству и моральная нечистоплотность).

На суде по последнему делу, кстати, в том числе присутствовавшим на нем иностранным журналистам, были показаны вещественные доказательства шпионской деятельности Филатова: минифотоаппаратура, средства тайнописи, шифры, устройства для приема кодированных радиogramм разведцентра США и другие материалы. Были выяснены также условия его конспиративной встречи с разведчиком ЦРУ в Москве, на основании чего был задержан с поличным американский "дипломат" Кроккет, пытавшийся передать Филатову новые шпионские инструкции и деньги.

Аналогичными по содержанию были дела на других шпионов из числа советских граждан: инженера-физика Нилова, сотрудника НИИ Московцева, кандидата наук Бумейстера, Лисманиса и других. Разница заключалась лишь в том, что некоторые из них были привлечены к сотрудничеству с американской разведкой на почве своих националистических убеждений. Все они по суду получили наказания.

Мне удалось также, как специалисту, оказать помощь ряду социалистических стран.

Так, представителем Народной Республики Болгарии в Организации Объединенных Наций работал некто Иван Асен Георгиев, который оказался агентом американской разведки. Передаваемая им информация по позициям, которые намерены были занять СССР и другие социалистические страны в ООН, давала противнику условия для заблаговременной подготовки ответных мер и создания выгодных для себя

79

политических ситуаций на этом крупнейшем международном кворуме.

В дальнейшем Асен Георгиев, по возвращении в НРБ, передавал американской разведке информацию о намечаемых СССР и НРБ внешнеполитических мероприятиях.

Другой пример. В Москве в течение ряда лет работала переводчицей в Совете Экономической Взаимопомощи гражданка ГДР Кети Корб. Присутствуя на всех заседаниях Совета, она стенографировала выступления докладчиков, затем при перепечатывании стенограмм оставляла для себя один лишний экземпляр, который хранила в тайнике дамской сумки, а затем собранные материалы передавала в американскую разведку, агентом которой она являлась. Нами она

была разоблачена, и при участии органов госбезопасности ГДР американская шпионка была арестована. Суд ГДР приговорил ее к длительному тюремному заключению.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ

В процессе проверки оперативных, сигналов дающих основание подозревать того или иного гражданина в причастности к агентуре иностранных разведок, требуется особо тщательное, скрупулезное исследование всех деталей и событий, связанных с деятельностью подозреваемого лица. Только в этом случае можно установить искомую истину. С одной стороны, это, допустим, негласное обнаружение шпионского снаряжения у подозреваемого — такого, как шифры и коды, средства тайнописи и микрофо-

80

тографии, заграничные адреса конспиративных квартир противника, оружие, яды, развединструкции по сбору сведений и другие вещественные доказательства. Подобные факты давали основание передавать собранные оперативным путем материалы в следственный отдел для вынесения постановления об аресте, обыске и последующих допросах.

Отсутствие же прямых улик заставляло нас разбираться с каждым фактом, бросающим тень подозрения на проверяемого нами человека. И честное слово, я получал громадное удовлетворение, когда после проверки всех подозрительных моментов убеждался в непричастности того или иного человека к преступным акциям, хотя на проверку уходило немало сил и времени. Расскажу об одном таком деле, которое мне пришлось вести в конце 50-х годов.

Это было в 1957 году, во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов. В Москву тогда наехало десятки тысяч иностранцев. Поэтому под наблюдение, исходя из наличия наших оперативных сил и средств, мы брали только известных нам разведчиков, которые могли использовать обстановку для встречи со своими информаторами из числа советских граждан. К таким разведчикам относился и сотрудник посольства США в Москве, которого назовем условно Ансон. Будучи профессионалом, Ансон, видимо, без труда обнаружил за собой слежку и, выбрав удобный момент, оторвался. Через 20 минут его "шевроле" был обнаружен в районе Выставки достижений народного хозяйства. Именно в этом районе были расселены американская и английская делегации, прибывшие на фестиваль.

Мы тут же оповестили находившихся здесь

81

наших людей, помощников и даже дружинников с целью быстрее обнаружения Ансона.

Вечером от нашего переводчика поступило примерно следующее сообщение: "Днем я находился в районе телефонов-автоматов у главного входа на выставку. В это время там появился иностранец, похожий по приметам на разыскиваемого американца. Он направлялся к телефонам-автоматам. Я среди слоняющихся там граждан приблизился к будке, из которой намеревался позвонить иностранец. При наборе им номера я четко зафиксировал первые пять цифр. Иностранец на английском языке попросил к телефону господина Федорова. Видимо, тот был у телефона, и между ними состоялся разговор. Иностранец хотел передать абоненту фотоаппарат и пленки, для чего собирался выехать к нему домой. Далее иностранец спросил собеседника: "А при чем здесь полиция?" После каких-то объяснений абонента заявил: "Хорошо, я согласен в 16.00 по московскому времени у кафе "Красный мак"...". Сообщение, хотя и опоздало, представляло оперативный интерес, и на следующий день Федоров был установлен. Наряду с изучением и проверкой достоверности полученного сигнала мы, как правило,

запрашиваем архивный отдел с целью уточнения, нет ли там материалов на интересующего нас человека. Ответ на этот раз ошеломил не только меня, но и мое начальство и коллег по работе. На запрос из архива прислали два толстенных тома дела-формуляра (так ранее назывались дела в НКГБ и МГБ) на Федорова Виктора Константиновича. Из обобщенной справки, составленной при сдаче дела в архив, вырисовывалась следующая картина.

В.К. Федоров, инженер с высшим образова-

82

нием, с блестящим знанием немецкого и английского языков, в начале войны работал в советском торговом представительстве "Амторг" в США.

По сообщениям добровольных помощников НКГБ, а также других сотрудников "Амторга" вел себя заносчиво не только с сослуживцами, но и вышестоящим начальством. Установил внеслужебные связи с американцами, подозреваемыми в причастности к американской разведке. Совместно с ними посещал ночные кабаре, рестораны, в том числе кабаки, содержащийся русским белоэмигрантом. Ухаживал за дочерью бывшего цыганского барона, бежавшего после революции из России в США. Собирал и записывал характеристические данные на сотрудников советского представительства. В деле имелась справка о том, что прибывший в США из СССР финансовый инспектор для проверки финансовой деятельности "Амторга" Сурков временно был поселен в квартиру Федорова, выехавшего в деловую командировку на Западное побережье. Как передают, рано утром в квартиру Федорова пришел американец, который дверь в квартиру открыл своим ключом. Увидев в квартире Суркова, американец произнес что-то невнятное в оправдание и тут же ушел.

Наконец, главное: Федоров по личной инициативе задержал отправку грузов по ленд-лизу, используя прибывший из СССР в США пароход для транспортировки второстепенных, незапланированных поставок, что расценивалось как акт экономического диверсии.

Все вышеперечисленное дало тогда основание НКГБ для отзыва Федорова из США и его ареста, как только он прибудет с караваном

83

англо-американских судов в Мурманск. В деле находилось постановление на арест Федорова 15-летней давности. Оно тогда не пригодилось, так как Федоров в Мурманск не прибыл. По наведенным справкам, пароход, на котором Федоров был отправлен из США в Англию, был торпедирован в районе Исландии немецкой подводной лодкой и затонул. Погибли сотни людей. Видимо, погиб и Федоров, — так решили чекисты.

Однако после войны, в конце 1945 года, Федоров вдруг объявился в Москве, в форме офицера Красной Армии, с двумя орденами Великой Отечественной войны. Он зашел на квартиру своей жены, которая к этому времени, считая мужа погибшим, вторично вышла замуж за знакомого внешторговца. Они и заявили в НКГБ о неожиданном появлении Федорова. Оценка была однозначная: Федоров заброшен американской разведкой в качестве агента-нелегала для выполнения разведывательного задания. Но, несмотря на энергичные меры розыска, Федоров пропал. Найти его не смогли в течение нескольких лет. С годами дело сдали в архив.

Как обычно бывает, через кулуарные каналы пополз по комитету слух, что Удилову повезло: он вышел на крупного шпиона-предателя. Все это, естественно, заставляло потрудиться сразу по двум направлениям — перепроверить достоверность изложенных в архивном деле событий и фактов и наладить негласный контроль за деятельностью Федорова в настоящее время, и, если он является американским шпионом, то обязательно должен иметь постоянно действующую конспиративную связь с противником, на чем можно было бы его

захватить с поличным.

84

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается! Много усилий потратил я в розыске, расспросах и допросах свидетелей "преступной деятельности" Федорова периода войны. Не меньших усилий стоила мне и организация негласного контроля за его поведением в конце 50-х годов. Работал он в то время специалистом по микровзрывам и бурению в шахтах. Проводя эксперименты, разъезжал по всей стране. Я же, естественно, за ним. В конечном итоге, мне все же удалось найти почти всех свидетелей прошлой так называемой преступной деятельности Федорова. И вот такая получилась картина.

Виктор Константинович Федоров был личностью весьма одаренной, даже талантливой. По интеллекту среди своего окружения был на голову выше. Свое мнение, подчас прямое и нелюбезное, высказывал всем, невзирая на должности и положение в обществе. Особенно это касалось ряда чиновников, пристроившихся в США, в "Амторге". Некоторые из них делали все, чтобы удержаться на этом теплом местечке во время войны. Федоров открыто высмеивал подобных, а они платили ему пасквилями и доносами, используя факты из его служебной деятельности, однако придавая им совсем другую нравственную политическую окраску.

Так появился донос, что квартиру Федорова навещает подозрительный американец, хотя по последующим показаниям того же Суркова (он отчетливо запомнил этот случай) это был всего-навсего рабочий-дегазатор по уничтожению в доме клопов и тараканов. Выкинув концовку, заявитель придал своему донесению совсем другое звучание. То же самое было с заявлением на Федорова о

сборе им установоч-

ных характеристик на сотрудников Внешторга. На самом деле это были подготовленные к Новому, 1942 году дружеские шаржи, как всегда, едкие и точные. Без этой мотивировки они носили совсем другой, политический характер.

Особо хочется отметить, как появились последующие более серьезные обвинения Федорова, на основании которых он был отправлен в СССР с последующим арестом.

В конце 1941 года в торговое представительство СССР в США пришла очень тревожная телеграмма, содержание которой было следующим. "В результате захвата немцами марганцевых, никелевых и других месторождений и разработок редких металлов страна срочно нуждается в их импорте. Без них может остановиться производство оружейных и минометных стволов, танков и других вооружений. Просим исполнить незамедлительно".

Сотрудник "Амторга", отвечавший за этот участок, формалист и чинуша (я и сейчас не могу сказать о нем по-другому), написал официальный письменный запрос в соответствующую службу американской администрации, хотя сидели они в том же здании и даже на одном с ним этаже. Зайти и устно попросить их наш чиновник посчитал ниже своего достоинства, а также во избежание слухов о его неслужебных, вернее, непротокольных связях с американцами. Американцы отреагировали аналогичным образом,— послали вежливый письменный отказ. Вскоре пришла из СССР вторая телеграмма с просьбой ускорить поставку редких металлов. Наш чиновник слово в слово повторил свой первый запрос, добавив лишь слова "вторично просим". Одним словом, нашла коса на камень! Американцы снова повторили веж-

86

ливый отказ, добавив лишь "вторично отвечаем". Эта канитель могла бы долго продолжаться, если бы не крайняя нужда в редких металлах у оборонной промышленности СССР. Поэтому по дипломатическим каналам пришло резкое

указание члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.И. Микояна, требовавшее немедленного разрешения вопроса. Наш чиновник, отвечавший за поставку металла, оправдывая свою бездеятельность, тут же навесил американской стороне десятки обвинений, в том числе и в саботаже по политическим мотивам.

Все это Федоров узнал из разговора с советским торговым представителем, когда находился у последнего на докладе. Здесь же со всей прямотой он высказал торгпреду свое мнение о нашем чиновнике, заявив при этом, что, если бы тот не был отъявленным бюрократам, металл можно было бы получить значительно раньше.

— Ну хорошо, он не может. А ты сможешь достать металл? — спросил торгпред.

— Вообще, этих американцев я знаю, к ним подход нужен. Хорошо, попробую! — ответил Федоров.

— Тогда действуй, и побыстрее, — были слова начальника.

За час до окончания рабочего времени Федоров, улыбаясь вошел в кабинет, где сидели американцы, и, поздоровавшись, сказал:

— Сожалею, коллеги, что у вас еще продолжается рабочее время. Один из них молча поднялся со стула, подошел к настенным часам и, переведя стрелку на час вперед, с улыбкой ответил:

— Мы ликвидируем этот недостаток немедленно и ждем, что нам желает сказать Виктор...

87

— Теперь, когда последняя преграда разрешена, могу сказать, что получил премию за успешное сотрудничество с вами и представляю вам право выбора ресторана...

А еще через полчаса по предложению американцев сидели в русском эмигрантском ресторане, пили русскую водку, ели русские блюда, слушали русские и цыганские романсы. И ни слова о делах и заботах, и только в конце этого пиршества, когда один американец заговорил о себе как о представителе деловой нации, Федоров с усмешкой выразил сомнения в деловитости американской нации. Начались выяснения мнений, которые в опьяненном состоянии донельзя распалили американца.

— Нет, ты скажи, Виктор, почему мы не деловые? — не унимался американец.

— Знал бы — не начинал. Давайте этот спор отложим.

— Нет, я хочу знать сейчас!

— Вот привязался! Ну хорошо, раз просишь — скажу. Вот хотя бы с этими металлами. Два месяца, а дело ни с места?..

— Да дело не в нас, а в вашем бюрократе!

— Ну да, когда не можешь — перекладываешь с больной головы на здоровую.

— Хорошо, — вскричал американец, — предлагаю пари, что через три дня в порту будет нужный металл!

— А если не будет?

— Плачу неустойку в тысячу долларов. Но если будет, Виктор, с тебя стол в кабаре, куда приведешь отсюда русскую певицу. Она мне нравится.

Федоров проиграл пари! Через три дня, в субботу, в порту появились слитки и порошки нужных металлов. В это время в порту грузил-

88

ся свиной тушенкой и другим продовольствием только один советский пароход. Наступал уикэнд, начальства никакого не было, и Федоров вместо продуктов самовольно распорядился догрузить пароход металлом. Пришлось также накрывать стол в кабаре, уговаривать русскую эмигрантку-певицу на ужин.

Федоров проиграл и в отношении к нему окружавших его сотрудников: появились доносы, заявления о его недостойном поведении, встречах с русской белоэмиграцией, измене жене, встречах вне службы с американцами, подозреваемыми в службе во вражеской разведке, наконец, официальная докладная об умышленном срыве Федоровым поставок продукции по ленд-лизу... Забегая несколько вперед, замечу, что от его деятельности Отечество только выиграло, получив в критический, решающий момент нужные присадки металлов.

Как ни странно, выиграло руководство нашего торгпредства. В их числе и чиновник, ответственный за поставку металла и допущенную волокиту. Страна отметила их "усилия" государственными наградами. А то, что получили их не те лица, это уже детали.

Сопровождать Федорова из США до Англии поручили стажеру по линии торгпредства СССР, доверенному органов НКГБ, также возвращавшемуся из командировки (фамилию его, за давностью лет, я запамятовал). Он был в курсе, какая участь ждет Федорова по приезде в Мурманск.

Далее события разворачивались весьма остро, почти как в приключенческих романах. Немецкая подводная лодка торпедировала пароход, на котором плыли Федоров и его сопровождающий. Пароход начал тонуть. Наши

89

герои сумели попасть в шлюпку, но всплывшая на поверхность подлодка стала расстреливать спасавшихся из крупнокалиберного пулемета. В шлюпке двоих убило, а сопровождающий был ранен в предплечье. В живых остался еще только Федоров. Он увидел, как к ним приближается немецкая субмарина. Тогда Федоров, сняв кровь с плеча сопровождающего, размазал ее по его лицу и, попросил притвориться мертвым, а сам незаметно перекинулся через борт шлюпки, с другой стороны от немцев. Маскировка удалась — субмарина прошла мимо. Федоров вылез из воды и погнал шлюпку на светящиеся огни острова, принадлежащего Исландии. Так Федоров спас жизнь сопровождающему. Они оба были помещены в госпиталь: один — с ранением, Федоров, застудивший легкие в ледяной воде, — с крупозным воспалением.

И здесь сопровождающий в знак благодарности за исключительное поведение Федорова в экстремальной ситуации рассказывает последнему, какая участь ждет его по прибытии в Мурманск. И Федоров принимает единственно правильное, как он посчитал, решение — возвратиться в СССР через Архангельск, где его никто не ждал. По прибытии записаться добровольцем в маршевую роту и уйти на фронт. Лучше погибнуть патриотом в боях, чем с клеймом изменника в концлагерях Магадана, решает Федоров. Сопровождающий дал слово молчать, а если будут его спрашивать, отвечать, что Федорова больше не видел с момента торпедирования парохода. Забегая вперед, скажу: он выполнил свое обещание, за что в начале 1946 года был уволен из Внешторга, как политически неблагонадежный; это случилось

90

после захода Федорова домой в конце 1945 года.

Мне остается добавить, что Федоров после короткого появления у бывшей жены по имеющемуся у него направлению лег в военный госпиталь на лечение после ранения. Там его, "нелегала", конечно, не искали. Там же познакомился с женщиной, военврачом, муж которой погиб на фронте. Вскоре они поженились. Затем, уволившись в запас, остался жить у жены в чердачной мансарде деревянного дома. Там он и продолжал жить, когда ему позвонил иностранец, желая занести на его квартиру фотоаппарат. Разобрались мы и с этим делом и даже нашли письменные материалы об этом факте в милиции. Вот как это было.

Во время фестиваля Федоров был в отпуске. Прогуливался по городу,

фотографируя различные делегации. В один из дней в районе ГУМа увидел плачущего иностранца и нашего милиционера, который никак не мог выяснить, в чем дело. Федоров поспешил на помощь. Фамилия иностранца была Андерсон. Он был из английской рабочей делегации, прибывшей на фестиваль в Москву. В метро карманники срезали у него фотоаппарат, и он теперь убивался от мысли, что не сможет привезти своим товарищам снимки о фестивале. Зашли в милицию, оформили документ о пропаже, и тогда Федоров снял свой фотоаппарат и дал его англичанину, с тем чтобы тот смог заснять все интересовавшее его на фестивале, а перед отъездом вернуть аппарат, позвонив предварительно по телефону.

Наш переводчик и оказался свидетелем звонка Андерсона (а не разведчика Ансона!) на квартиру Федорова.

91

Я вспоминаю часто о судьбе Виктора Константиновича. В первое время, после проверки, появилось даже желание извиниться перед ним за те мягко говоря, неприятности, которые мы ему принесли. Как бы в шутку я высказал эту мысль одному из моих начальников. Он внимательно посмотрел на меня и сказал: "Что ты дурью-то маешься?" На этом благотворительные мои порывы и закончились. И все-таки дело я завершил постановлением о его прекращении и сожжении имеющихся в деле материалов. После XX съезда КПСС такая вольность была представлена оперативному составу органов КГБ.

РАБОТА ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ ТАЙНЫ

Защита секретов и безопасности государства издавна были уделом как специальных служб, так и власть имущих. Еще Иван Грозный перлюстрировал письма князя Курбского, а Екатерина II негласно контролировала в XVIII веке содержание докладных записок французского посла. Известна также деятельность 4 отделения графа Бенкендорфа. Перечислять, наверное, можно до сегодняшнего дня. С годами секретная переписка послов и разведывательных служб совершенствовалась: применялись тайнопись, микрофотографии, голография и особенно кодовая и шифрованная переписки, построенные на цифровых шифрах и перфолентах. Прочитать их было невозможно, или почти невозможно. Кстати, цифровой пятизначный шифро-текст изобрели наши советские специалисты в

92

годы Великой Отечественной войны для связи с партизанскими отрядами. Затем такой принцип переписки был взят на вооружение почти всеми разведками мира. Разница заключалась лишь в количестве цифр. ЦРУ, например, использовало пятизначный шифр, а военная разведка США — четырехзначный. Но методы и приемы зашифровки были одинаковы. Важно было, чтобы сочетание шифра и кода исключали повторение цифр за какой-нибудь буквой. Если подобное случалось, то это в конце концов давало возможность прочесть секретный текст.

Вот почему все разведки и контрразведки мира принимали энергичные меры к негласному снятию у противника копий с шифрблокнотов, перфолент и кодовых таблиц, чтобы контролировать какое-то время содержание информации между центром, резидентурой, посольством и другими объектами. Успехи были и с той и с другой стороны. Не вызывает сомнения, что американская и английская разведки использовали для добычи копий шифров таких предателей как Шевчук, Гордиевский, Поляков, которые впоследствии остались за рубежом и были осуждены на Родине.

Правда в последние годы стремясь создать благоприятные условия для разложения нашего общества изнутри, западная пресса регулярно печатает статьи, книги и воспоминания бывших граждан СССР, предавших Родину, с одним подтекстом: "люди шли на борьбу с коммунистами и их строем". Чепуха!

Торговать отчизной могут только Иуды. К сожалению, и наша печать в погоне за сенсациями не брезгует подобными "откровениями". Читал я такие опусы в журналах

93

"Совершенно секретно", "Щит и меч", в других бульварных газетенках. Даже "Известия" с какой-то теплотой описали 6 марта 1992 года похождения предателя Николая Чернова, выдавшего врагу всю агентурную сеть Главного разведывательного управления Советской Армии во Франции. О советских разведчиках Чернов мнения невысокого: "наши кустари, а не профессионалы деньги тратят колоссальные, а результат — нулевой".

Что ж, подобные оборотни действительно способны свести на нет усилия целого коллектива. Ну а профессионализм наших контрразведчиков подтвержден неоднократно. Не раз добывались ими копии шифров и совершенно секретных документов.

Предвижу вопрос, а почему копии? Дело в том, что если пропадет хотя бы один экземпляр из серии шифрблокнотов, то немедленно ликвидируется вся партия существующих шифрдокументов и создается новая шифровальная система. Обнаружится какой-то дефект в целостности отдельного блокнота, вся система переписки с использованием шифров заменяется. Вот почему важно ювелирное снятие с них копий с сохранением их первоначальной целостности.

За всем этим адский труд, изощренность, интуиция и конечно высочайший профессионализм контрразведчиков. Порой необходимо умение "медвежатников" вскрывать без порчи различные сейфы. Конечно, легче обнаружить шифры, имеющиеся у шпиона. Они всегда были маленького размера, примерно со спичечный коробок, где страницы с цифрами ничем не маскируются. Негласное снятие копий с них

94

труда не представляло. Заполучив их, мы знали заранее, что собирается предпринять противник и какие указания он дает своему агенту.

Асен Георгиев, гражданин Болгарии, завербован был во время пребывания в США в качестве представителя Болгарии в ООН. Вернувшись на Родину, продолжал тайно сотрудничать с ЦРУ США. Утечка конфиденциальной информации была зафиксирована. В числе других проверяли и Асен Георгиева. Въезжая на краткосрочный отдых, он взял с собой шифры. Они были обнаружены и негласно скопированы. Где-то болгарская контрразведка поспешила, шпион это почувствовал и передал своим хозяевам сигнал "SOS". Это означало: "Я под подозрением. Прошу помощи в срочном выезде за границу". Вот здесь шифры и пригодились. Из гор. Ковала (Греция), где находился американский радиоразведцентр, прошла передача, которую рассекретили с помощью шифров, негласно скопированных у Георгиева. Текст гласил примерно следующее: "Можете ли Вы 20,21,22 этого месяца выйти на угол Русского бульвара и ул. Беньковского с 21.00 до 21.05. Вам будет передан паспорт для выезда в Турцию". Кто-то должен был передать этот паспорт. Но кто? Если сотрудник посольства США, это одно, если человек со стороны — еще важнее. В этом случае контрразведка выходила на нелегала. Целую ночь шли приготовления к встрече, а днем стало ясно, что передать паспорт намерены сотрудники посольства США. После открытия магазинов на место встречи потянулась цепочка дипломатов и членов их семей. Из музея, расположенного рядом они даже пытались вести на-

95

блюдение, чтобы обнаружить болгарскую контрразведку. Не удалось! На встречу с Асеном Георгиевым вышел вице-консул США, установленный разведчик Блякшир и его действия были сняты на киноплёнку. Через десять с лишним лет ситуация повторилась. С той лишь разницей, что Ковальский радицентр передал

шифрограмму для двух других американских агентов Григоряна и Капояна, действующих в Ереване. К этому времени шифры агентов были в наших руках и мы смогли узнать дальнейшие действия шпионов. После подготовки шифрованного отчета американцам, Капоян должен был вылететь в Ленинград и там отправить это Письмо. Дальше все было просто: Капояна задержали с поличным прямо у почтового ящика.

Но мы немного отвлеклись от главной темы повествования: перехватов шифров разведок стран главного противника. А к ним тогда относили: США, страны входящие в НАТО, Францию, Японию, Китай и Израиль. В шестидесятые годы я, по просьбе болгарской контрразведки, работал в Софии. В посольстве Италии, мы намеревались снять копии с шифрблокнотов "Калабрия" и "Сардиния", одна из систем которых обслуживала отдел информации НАТО. Чтобы заполучить копии шифров, необходимо было изучить распорядок действий всех сотрудников посольства ночью. Добиться того, чтобы ни один из них не смог помешать нам. В течение месяца хронометрировались ночные действия дежурных и охранников. Когда они делают ночной обход здания? Открывают ли при обходе двери служебных кабинетов сотрудников посольства? Какие устойчи-

96

вые паузы образуются в промежутке между обходом с тем, чтобы именно в это время можно было проникнуть к шифрам противника, изъять их, снять копию, восстановить в прежнем виде, положить их в сейфы и незаметно удалиться. Нужно было заранее определить, в каких сейфах шифрблокноты хранятся. Какие замки стоят на этих сейфах, и можно ли вскрыть в отпущенное нам время. Да еще изучить все двери кабинетов и коридоров, которые необходимо преодолеть, пробираясь к шифрам. Сколько времени на это уйдет? Кроме того, должна быть подготовлена группа высококвалифицированных специалистов с целым рядом технических и химических приспособлений, чтобы разобрать шифрблокноты без их порчи, снять копии и восстановить их в первоначальном виде.

И за всем этим — скрупулезный труд контрразведчиков. Что значит: "добиться чтобы ни один из сотрудников посольства не смог помешать?" Для этого задействуются все оперативные и агентурные возможности. Кто-то из иностранных дипломатов приглашается в гости, на прием, на встречу с приятной собеседницей. Кому-то предлагается поездка по стране, по интересующему его маршруту. Нередко приходится выжидать пока в среде противника сложится выгодная ситуация. Ни одной "мелочи" нельзя упустить.

Наконец, все условия выполнены, и можно приступать к операции. Я, конечно, не уполномочен вскрывать все её детали. Скажу коротко: мы заполучили шифры. Их защита, оказалась не слишком сложной. Блокноты были сброшюрованы и закреплены медно-бронзовыми круглыми заклепками. Пришлось их снять. А вместо них поставить точно такие же новые.

97

В шестидесятые годы мне пришлось соприкоснуться с методами работы итальянского разведоргана "Сифар". Случилось это так. Изъав шифрблокноты, мы немедленно передали их на дальнейшую обработку. Группа проникновения осталась в здании, ожидая возвращения документов. Обычно время в таких случаях тянется невыносимо медленно.

От нечего делать мы заглянули в соседнюю комнату телеграфиста. Должность эта небольшая, может быть чуть выше должности охранника. Поведение его подозрений не вызывало и за два года пребывания в Софии он ни разу не подвергался негласной слежке. Кабинет также был очень прост и скромн. Однако под топчаном в полу оказался небольшой люк. Время было и наш "медвежатник" легко и играючи открыл его. Нас ожидала редкая, неожиданная удача: из люка был вытащен объемистый двухстворчатый блокнот, левая часть

которого содержала шифры для зашифровки, а правая — для расшифровки. Название блокнота: "Софичио". И хотя существуют десятки инструкций, по которым должны уничтожаться использованные листы шифрблокнотов, здесь все они от начала до конца были сохранены. Сфотографировать их не представляло труда. И, честное слово, доставляло удовольствие, читая расшифрованные позднее шифрограммы, знакомиться по их содержанию с методами и приемами работы итальянских разведчиков.

Первое, что бросилось в глаза — это наличие в посольстве, помимо официальных сотрудников военного атташата, нелегальной резидентуры "Сифар", возглавляемой скромнейшим телеграфистом. Как выяснилось из переписки телеграфист был равен по званию воен-

98

ному атташе Италии в Болгарии. А подчиненный его разведчик — капитан, работал простым портье при входе в посольство. Вот так действовала итальянская разведка. Ее сотрудники не требовали высоких должностей, прикрытых дипломатическим иммунитетом, работали простыми клерками, были вне контроля контрразведки и решали стоящие перед ними задачи. Кстати о "Софичио". Это был ценный агент "Сифар". Настолько ценный, что, когда "Софичио" по делам службы посетил итальянское посольство в Софии, центр в Риме запретил "телеграфисту" оповещать об этом военного атташе. Установили его подлинные установочные данные мы не сразу. В конце исходящего шифрблокнота было сообщение о выезде "Софичио" в одну из западных стран, где он заказал по международному телеграфу номер в гостинице. Зная дату выезда, название гостиницы и перебрав тысячи бланков телеграмм, мы нашли его запрос и установили личность агента.

Прошло более тридцати лет, а память сохранила многие эпизоды из деятельности контрразведки того периода. Было трудно. Два военных, вооруженных до зубов, лагеря стояли друг против друга. События на Кубе, инциденты в Карибском море при провозе наших ракет, свидетельствовали о том, что война может начаться в любую минуту. В те годы поиск сочувствовавших нам стран и союзников приобретал огромное значение. Поэтому решение де Голя и французской администрации выйти в первой половине шестидесятых годов из блока НАТО, с переводом штаб-квартиры НАТО из Парижа в Брюссель, прозвучало для наших государственных деятелей как глас Божий. Конечно, не

99

обошлось и без сомнений. Родилась версия, что это только уловка главного противника. Установить истину можно было с помощью расшифровки секретной переписки политической разведки Франции, именуемой СДЕСЕ или ее дипломатических гамма-блокнотов. Задание — добыть французские шифры,— Центр направил во все свои резидентуры, представительства, точки разведки и контрразведки. Просили внимательно следить за ситуацией во французских представительствах и об открывающихся возможностях докладывать. Это указание поступило и в группы КГБ, действующие в странах Варшавского договора. Мы не скрывали свой интерес и от болгарских коллег. Кстати, сотрудничество с ними, на мой взгляд, было безупречным. В основе теплых к нам отношений лежала вековая любовь большинства болгар к русскому народу-освободителю. Несмотря на близкие связи болгарской верхушки с немецкой аристократией, в частности князьями Гогенцоллернами, правительство Болгарии не решилось даже в самые критические для СССР дни объявить нам войну.

О том, что собой представлял для Болгарии Советский Союз, я узнал из конфиденциальных бесед с отдельными руководителями. Не знаю, была ли в действительности история о которой хочу рассказать, но даже если это миф, то миф характерный.

В один из вечеров осени 1941 года к болгарскому послу в Москве конспиративно явился посетитель. Это был Лаврентий Павлович Берия. Суть его рассуждений сводилась к тому, что если срочно не заключить мир с Германией, СССР перестанет существовать. Пусть будет позорный, подобно

100

Брестскому—1918 года, мирный договор. Пусть немцы забирают Прибалтику, Украину, Белоруссию, зато Союз получит передышку, накопит силы и тогда сможет продолжить борьбу с фашизмом. Он, по приказу вышестоящего, обращается к послу с тем, чтобы тот довел их предложение до царя Бориса, а через него до гитлеровской верхушки. Посол, якобы наотрез отказался выполнить просьбу Берии. "Все славянские, да и другие поработанные народы, с надеждой смотрят только на вас, как на будущих освободителей Европы! Не отнимайте у них последнюю надежду! Я ничего и никуда сообщать не буду. А если когда-то меня спросят, отвечу, что никто ко мне с таким предложением не приходил!"

На мой вопрос, удалось ли в конце концов выяснить истину, болгары отвечали с улыбкой: "Посол ведь дал слово. До последнего дня он утверждал, что никто к нему с таким предложением не приходил".

Но вернемся к рассказу о французских шифрах. Болгарские коллеги приняли нашу просьбу к исполнению. Правда, обстановка в то время сложилась неважная. Главный шеф представительства КГБ в Болгарии отсутствовал. Когда он был на месте, все решалось быстро и толково. Не ввязываясь в мелочи, шеф обычно обращал наше внимание на уязвимые моменты и давал "добро" на проведение операции. Его заместитель был человек совершенно иного склада. Пытался подать себя, как представителя разведывательной "элиты", которого незаслуженно обидели, бросив на второстепенный участок. Хотя за его бравадой и гонором скрывалась обыкновенная трусость и нерешительность. Угово-

101

рить его на проведение операции было почти невозможно.

Я в это время простудился и лежал с температурой дома. На третий день температура спала. Тут-то ко мне на квартиру и зашел начальник отдела болгарской контрразведки, который вел агентурно-оперативное наблюдение за сотрудниками иностранных посольств и миссий. Оказывается, он пришел не навестить больного, а сказать мне об удачно сложившихся обстоятельствах вокруг разведывательной резидентуры, действующей под прикрытием французского посольства в Софии. Резидент был в поездке по стране, его сотрудники, несущие ответственность за безопасность шифров, также отсутствовали: один неделю назад поехал в отпуск, другой вчера с острым приступом аппендицита был доставлен в больницу и прооперирован. Следовательно в нашем распоряжении были как минимум две ночи, чтобы заглянуть во французские шифры. К работе надо было приступать немедленно. Вскоре я уже был на работе с подготовленной телеграммой в Центр о возможности добычи шифров французской разведки. Как я и предвидел, заместитель шефа подписать ее отказался, ссылаясь на отсутствие гарантии безопасности. И сколько я ни доказывал обратное, ничего не получалось. Пришлось пойти на запрещенные приемы. Во-первых, попросил начальника контрразведки Болгарии позвонить нашему вице-шефу и гарантировать безопасность от имени друзей. Не помогло! И тогда я решился на крайний шаг. У нас в Софии был телефон ВЧ (высокочастотная связь). Мы им пользовались в крайних случаях, так как подозревали, что линию прослушивают румыны, отношения с которыми у нас шли все

102

хуже и хуже. С учетом этого, я позвонил в Москву ответственному чиновнику из разведки КГБ и спросил: "Есть ли необходимость в исполнении просьбы, присланной нам за номером (назвал номер) от такого-то числа". Меня попросили

перезвонить через четверть часа. При вторичном разговоре по ВЧ я понял, что заинтересованность в добыче шифров возросла до предела и Центр готов оказать немедленную помощь.

Шифруя себя под геолога, я сказал примерно так: "изыскания будут проводиться завтра и послезавтра, нужны спецаппаратура и соответствующие геологи. Прошу заранее их подготовить и забронировать для них билеты на самолет. Телеграмма у заместителя, возможно, придет с опозданием".

На следующий день, открыв дверь в кабинет заместителя шефа, я стал свидетелем весьма нелицеприятного его разговора с Москвой. В конце он вдруг сказал, что Удилов у него в кабинете и передал мне трубку. Тогда в первый и последний раз я разговаривал с начальником Первого главного управления КГБ генералом Сахаровским. Мне было сказано: "Согласно Вашему устному докладу мы утренним рейсом отправили к Вам группу специалистов. Что-нибудь изменилось в обстановке?"

— Ничего не изменилось. Работу начнем сегодня!

— Передай трубку хозяину...

Концовка разговора была загадочной. Мой вице-шеф отвечал только: "Да, да, слушаюсь, хорошо, да, да". Потом наступила тягостная тишина. И только через минуту, посмотрев на меня исподлобья, вице-шеф сказал: "Ты еще крепко запомнишь меня!" И я действительно

103

его запомнил на всю свою жизнь. Через несколько месяцев, по ложным доносам, я был отозван из Болгарии и проходил центрально-врачебную экспертную комиссию на предмет увольнения из КГБ, хотя мой срок выслуги к тому времени составлял 24 года 10 месяцев и 22 дня. Только месяца не хватало до получения законной пенсии, а заслуги кадровиков КГБ никогда не интересовали. Они жили по своим неписаным правилам: "Как скажут, так и сделаем".

Однако для досрочного увольнения должно быть хоть какое-нибудь формальное обоснование. По служебному несоответствию не могли. Результаты говорили в мою пользу. По политическим мотивам? Вроде бы тоже не проходит. Из семьи красногвардейцев. Свыше двадцати лет — член ВКП(б), КПСС. Фронтовик, награжденный боевыми орденами и медалями. Изъян все-таки нашли. К этому времени я уже страдал болезнью ног — облитерирующим эндартериитом, или по-народному "перемежающаяся хромота". Следовательно, на ЦВЭКе меня должны признать негодным к дальнейшей воинской службе и предлог для увольнения, хотя и формальный, будет найден. Мыкаясь в поисках справедливости по начальству, партийным инстанциям, по Управлению кадров, я понял, что спасение утопающих дело рук самих утопающих.

Мой план был бесхитростный и рассчитан на милосердие наших людей. Первое, что я сделал, это сфотографировался в парадной форме со всеми своими орденами и медалями, а фотографии взял с собой на заседание ЦВЭКа. Раздеваясь на медицинской комиссии, я якобы случайно рассыпал эти фотографии и

104

с какой-то присказкой, насорил мол, своими фронтовыми наградами, стал собирать карточки, укладывая их на стол. Возглавляла ЦВЭК врач, женщина, участник войны. Она взяла мою фотографию и спросила:

— Когда Вас наградили орденом "Красного знамени"?

— В восемнадцать лет на фронте, за разведку в танковом рейде по тылам противника.

— Вы что почетный чекист?

— Даже дважды: СССР и Болгарии.

— А это что за орден, покрытый белой эмалью?

— Болгарский. Получил его три месяца назад за оказание помощи в

разоблачении крупного американского шпиона.

Членам комиссии стало понятно, что мое досрочное увольнение из КГБ целиком зависит только от их медицинского заключения. И я до сих пор с теплотой и благодарностью вспоминаю их всех. В заключении нестандартно написали: "К службе годен, без длительного пребывания на ногах". После этого я проработал еще восемнадцать лет. Сейчас многие из тех, кто будет читать эти строки, особенно из числа рьяных молодых демократов, вряд ли меня поймут. Но я рассуждал так. Позади чекистский труд, гибель отца. Мать основную часть жизни посвятила также этому делу. Да и у меня за плечами никакой специальности, кроме чекистской. К физическому труду уже слабо пригоден. На гражданке получать буду не густо. А у меня жена, две дочери — одна в школе, другая — в детском саду. Заново начинать не смогу. Так что, бороться приходилось не только с врагом, но и с черствостью, подхалимством, прислужничеством, завистниками

105

и бездельниками, которых развела наша бывшая система в большом количестве. Однако, пора вернуться "к нашим баранам" и вспомнить о французах.

По прибытии специалистов-"медвежатников" мы вечером приступили к работе. В первую очередь нацелились на шифрблокноты, которые использовала политическая разведка Франции СДЕСЕ. Контроль этой шифрпереписки должен был дать однозначный ответ о причинах выхода французов из военного блока НАТО и их взаимоотношениях с союзниками, особенно заокеанскими.

Резидентом СДЕСЕ в Болгарии в то время был известный нам господин. До этого он несколько лет служил в Москве, в качестве помощника военного атташе Франции. Мы полагали, что в Болгарии он тянул две лямки: резидента СДЕСЕ и старшего представителя второго бюро французской армии, занимающейся военно-экономической разведкой. В посольстве у него было два рабочих места и мы настроились на тот кабинет, вернее на сейф, где по нашим расчетам должны были лежать шифры политической разведки. Обычно там же, как правило, хранятся документы, письма, инструкции, отчеты, поступающие в посольство и через дипломатических курьеров. Но все это касается только разведки СДЕСЕ. Все другие документы, в том числе шифры Второго бюро французской армии, должны наверняка лежать в других комнатах и сейфах. Однако нам повезло! Шифрблокноты СДЕСЕ и Второго бюро лежали вместе. Конечно, степень защищенности политических шифров была намного выше, чем военных. Если не ошибаюсь за давностью лет, они были сброшюрованы специальными

106

скрепками, а поверхность шифрблокнотов покрыта особым лаком. Будешь вскрывать скрепки, обязательно нарушишь лакировку. Если хозяева увидят хотя бы малейшее повреждение на поверхности блокнотов, то вся партия шифрдокументов будет заменена. Долго трудились наши специалисты, чтобы убрать следы вскрытия блокнотов. И в конце концов внешний вид вскрываемого и еще не тронутого блокнота ничем друг от друга, даже под микроскопом, не отличались. Мы обработали все блокноты СДЕСЕ, за исключением первого, который был вскрыт самими французами для работы. Его вскрывать было незачем. С шифрами Второго бюро было полегче. Конечно, с имеющейся в сейфе переписки мы сняли копии.

Через несколько дней, просматривая переводы со снятых документов, я натолкнулся на инструкцию СДЕСЕ по работе с шифрами. Каждый использованный шифрблокнот и его корочки должны были быть отправлены назад в Париж для научно-химической экспертизы. Поскольку первый блокнот был вскрыт хозяевами и ничего со стороны в него не вносилось, его можно было использовать примерно полмесяца. Затем французы вскроют второй блокнот, уже

тот, к которому мы имели касательство, и используют его до конца. И если будет что-то активное и шифрпереписка будет частой, все равно второго блокнота хватит дней на 20. Таким образом до того, как специалисты из СДЕСЕ обнаружат наше вмешательство, пройдет как минимум сорок-сорок пять дней. Достаточно, чтобы найти ответ на интересующий нас вопрос.

Так и получилось. Примерно через два месяца в адрес военного атташе Франции в

107

Софии пришла шифровка следующего содержания: "Сообщите немедленно отдельно ли хранились шифры Второго бюро?" Конечно, последовал ответ, что, как полагалось по инструкции — отдельно. Затем пришло указание работу с шифрами СДЕСЕ прекратить и все блокноты выслать с диппочтой на экспертизу.

Почти в течение еще одного месяца в секретной переписке использовались шифры Второго бюро французской армии. Так что наше правительство получило достоверную информацию для размышлений.

Интересна техника исполнения подобных операций. Простое перечисление всех правил и мероприятий, предваряющих добычу шифров и другой совершенно секретной документации, получится скучным и неубедительным. Лучше расскажу, как были добыты секретные документы и шифры у одного из главных противников нашего государства. Во всяком случае, такую оценку давали ему наши правители в середине шестидесятых годов.

Посольство этой страны располагалось в трехэтажном здании и примыкало к рядом стоящим тоже трехэтажным домам. Проникнуть в помещение можно через чердак или окна третьего этажа. И, конечно, уйти при необходимости от преследователей по крыше. На третьем этаже были апартаменты посла и его служебные кабинеты. Значит, проникнуть в здание можно будет только тогда, когда посол и его семья отлучатся.

Сотрудники разведывательной резидентуры с дипломатической "крышей" и шифровальная комната располагались на втором этаже. Чтобы попасть к ним надо было открыть в фойе дверь в узкий коридор. Замок у нее был особый: при

108

повороте ключа раздавался звон. Таких поворотов необходимо было сделать шесть. Ясно, что в ночной тишине звон обязательно дойдет до слуха охранника. Коридор заканчивался дверью с таким же музыкальным замком. И только затем можно было попасть в небольшой вестибюль с четырьмя дверями. Две вели в служебные кабинеты сотрудников, третья — закрытая на засов внутри вестибюля, — к небольшой пожарной лестнице, идущей со второго на третий этаж, в приемную посла. Это облегчало дело, так как в случае необходимости можно было быстро уйти наверх, а затем по крыше из посольства. Четвертая дверь, массивная, с несколькими замками вела в шифровальную комнату. Одни замки были с шифром, другие плавающие, если не придержать замок, он моментально возвращается в первоначальное положение. Таким образом, нужно было через чердак или окно проникнуть в верхний этаж, открыть две двери для того, чтобы выйти в общий коридор, опуститься на второй этаж, открыть две двери "со звоном": в спецкоридор и на пожарную лестницу на случай отхода, вскрыть шифрзамок единственной комбинацией цифр из миллиона возможностей, открыть и придержать плавающий запор и войти в шифровальную комнату. Но и здесь вряд ли шифровальные документы ждали бы нас "на тарелке с голубой каемочкой". Они должны были лежать в сейфе, закрытом самыми современными замками. Требовалось время, чтобы открыть его, да еще найти и устранить сигнальное устройство, достать и обработать шифры, а затем все восстановить в обратном порядке и тихо уйти. Нужно было предельно точно рассчитать сколько времени займет такая операция.

К ее началу мы должны были знать поведение охранника в интересующее нас время. Для этого в течение месяца шло наблюдение и хронометрирование его действий. Когда сидит, когда ложится немного отдохнуть, когда делает обход здания, какие двери открывает и проверяет. Что делает после обхода, как реагирует на посторонние шумы. Накопленные данные сверялись, сопоставлялись по времени и месту и в конечном итоге были выявлены закономерности поведения.

Охранник, как правило, присутствовал при уходе домой сотрудников посольства. При нем закрывали двери кабинетов и шифровальной комнаты. Сам он выходил из вестибюля последним и лично запирает двери узкого коридора с музыкальными замками. Проводив сотрудников и закрыв за ними парадную дверь, проходил по всем этажам, проверял закрыты ли окна, не оставлены ли открытыми другие двери. Убедившись, что все в порядке, шел к себе в комнату на первом этаже. Немного читал, писал или включал телевизор. В 21.00 включал чайник и примерно в 22 часа ужинал. Для того, чтобы мы могли не только догадываться, но и слышать, нам заранее удалось в его комнате, в том числе в головах кровати, установить миниатюрную технику слухового контроля. Работала она безупречно. Мы слышали его шаги, сопение, храп, когда он засыпал, и даже разговоры, когда он вел их сам с собой. Заодно проверили, как он реагирует на шум, когда засыпает. Установили, что наиболее сильно он отключается, когда после ужина засыпает на два часа, перед ночным обходом здания. В то время, когда он начинал храпеть, мы искусственно вводили шумы, напоминающие звук открываемых дверей, в том числе музы-

110

кальных. Охранник не реагировал. И все же, на крайний случай, если он заподозрит что-то неладное и ринется наверх, снизу, у главного входа, стоял наготове наш почтальон. Он по команде должен был резко, настойчиво, звонить в дверь, тем самым отвлечь охранника поступившей "телеграммой" и дать таким образом дополнительную минуту для ухода нашей опергруппы проникновения. Для регулирования всех действий был создан пульт управления, куда вывели технику слухового контроля, радиосвязь со всеми участниками и даже рубильник электросети, если возникла бы необходимость внезапно погасить свет.

Порядок был такой. Во время ужина охранника разведчики проникали в ванную комнату посла и делали проходы по третьему этажу. Основная группа вступала в дело, когда охранник ляжет отдохнуть. "Музыкальные" замки открывались по радиокоманде. Начинаясь всхрап — следовала команда: "Давай". Затем внимательный слуховой контроль действий охранника. Если храп продолжался, процедура повторялась до тех пор, пока дверь открывалась. Дальше при прохождении узкого коридора и действий в вестибюле перед шифровкой, наш труд получил некоторое облегчение. Открыв дверь с музыкальным замком, мы убедились, что с внутренней стороны ее можно закрыть без шума и звонков, используя для этого имеющийся изнутри рычажок стопора. Когда первая дверь в узкий коридор закрывалась, то шума при открытии второй двери и тем более шифровальной комнаты слышно не было. Примерно в половине первого ночи у охранника в сторожевой комнате начинал названивать будильник. Сигнал о начале обхода здания посту-

111

пил вовремя. К этому времени наши должны были находиться в вестибюле и работать над проходом в шифровку. Естественно, дежурная лестница была готова к отступлению на третий этаж, если охранник надумает почему-то открыть "музыкальные" двери. Обычно он этого не делал. Все замирало на время обхода охранника, который продолжался пятнадцать-двадцать минут. По включению

электричества в разных местах было видно, где и в каком порядке ведется обход. Однако в общей сложности наш перерыв затягивался примерно до двух часов ночи. К этому времени снова начинал раздаваться храп и проникновение продолжалось. В шифровальку мы попали только на вторую ночь. Как и предполагали интересующие нас шифры находились в большом старинном металлическом сейфе с шифровальным замком на миллион цифровых комбинаций, только одна из которых, давала возможность открыть заслонку, за которой находилось отверстие для ключа. Назывался этот ключ "перфектор". Снять с него точный слепок, практически невозможно. Прошло уже больше четверти века, а я до сих пор испытываю чувство глубокого восхищения перед двумя нашими умельцамилевой и Леонидом, которые, по моему разумению, могли бы не только блоху подковать, но даже ее прооперировать и сделать так, как будто операции не было вовсе. Через сорок минут они открыли сейф. Случилось это глубокой ночью. Шел четвертый час. Перед нами лежали двадцать два шифровальных блокнота и сотни листов секретной переписки, поступившей в посольство с курьерами дипломатической связи.

Но вот беда! Шифрблокноты имели отличительную защиту от постороннего вскрытия.

112

Каждый по краям был обшит "украинской" вышивкой. Так вышиваются воротники и перед гуцульских рубах. Рисунок вышивки был составлен из переплетения красных, желтых, зеленых, черных, коричневых нитей. Если их разошьешь, потом сшить будет невозможно. Как говорится, не сведешь концы с концами. Подобных ниток у нас под рукой не было, да и мы толком и не знали, каким образом можно сделать аналогичную вышивку, сохранив очередность ниток по цвету. Среди шифрблокнотов находились также два, запечатанные в большой пакет с надписью: "На случай войны". Что делать?

В таких экстремальных ситуациях решение приходит быстро. И я думаю, оно было оптимальным. За оставшиеся полтора часа мы ничего с блокнотами сделать не сможем. А если сможем, то не успеем восстановить их первоначальное состояние. Следовательно, надо пока довольствоваться малым. Снять копии с секретных документов, прибывших курьерской связью. Времени для того у нас хватало.

Поскольку в закрытом пакете лежали два блокнота на случай войны, сотрудники резидентуры без надобности этот пакет распечатывать не будут. Следовательно, изъяв из пакета один шифрблокнот, мы с большой долей уверенности могли полагать, что пропажу сразу не обнаружат. У нас же будет день или два экспериментирования и поиска наиболее эффективного способа расшивания блокнотов и восстановления вышивки в первоначальном виде. За это же время мы могли бы подобрать по цвету и качеству нужное количество ниток. Мы понимали, что у нас может и не появиться больше возможности вернуть в сейф изъятый нами

113

шифрблокнот и когда-то противник обнаружит его отсутствие. Но вероятность провала будет сомнительной. Многие подумают о ротозействе при отправке и запечатывании конверта с блокнотами, так как все другое будет в полной сохранности. Сделали так, как и решили! К чему только ни приводит чекистское ремесло?! Пришлось нам распознавать секреты машинной вышивки, да еще разными по цвету нитками. К концу дня наши специалисты обладали тремя машинками, с помощью которых были вышиты узоры аналогичные узору с негласно изъятого шифрблокнота. А нитки за один день были доставлены из-за границы.

Операция продолжалась восемь суток. За ночь успевали расшить и

восстановить только четыре блокнота. Была одна задержка. На третий день охранник, придя домой, впал в истерику. Он плакал, кричал, что он самый несчастный человек на земле. В чем причина, понять было невозможно. Пришлось воздержаться на сутки. И только, когда мы поняли, что охраннику отказали в приезде к нему в гости его детей, мы продолжили выемку блокнотов.

Но я до сих пор задумываюсь, не передается ли напряженность обстановки через какие-то невидимые и нераспознанные каналы на других лиц, которые крутятся в этой сфере напряженности, как тот же самый охранник.

Описать все, что волнует, возникает, происходит, учитывается в работе за семью печатями тайны почти невозможно. Помимо трезвых холодных расчетов при планировании и проведении подобных операций, нужны еще интуиция и мгновенная сообразительность, без которых не будет успеха. И главное, желание сделать полезное для своей Родины!

114

РОЗЫСК

С годами росли мои практические навыки и теоретические познания в области оперативной деятельности органов КГБ. В 70-х годах я возглавлял довольно большой коллектив. К основной тематике, то есть вскрытию и пресечению на территории СССР агентурной разведки вражеских спецслужб, добавилось руководство подразделением по всесоюзному розыску особо опасных государственных преступников. Работа эта была нелегкой, требовала к себе внимания в любое время суток. Подчас трудились без выходных по несколько недель подряд.

Как это ни странно, я до сих пор не могу дать четкого определения понятиям "розыск" и "поиск". Ясно, что розыск предполагает что-то конкретное. Скажем, розыск преступника, предмета, документа. Поиск — это более широкое понятие. Например, поиск действующей в нашей стране вражеской агентуры. Во втором случае задействуется комплекс, иными словами, специальная система контрразведывательных мер, в результате чего в поле зрения органов попадают прямые признаки чьей-либо шпионской деятельности. По признакам составляется портрет шпиона, и начинается его розыск.

Особенно ярко элементы поиска и розыска проявились при проведении всесоюзных мероприятий по делу "Взрывники" в 1977 году, где мне пришлось возглавить оперативно-следственную группу по розыску диверсантов и обобщению всех материалов по этому делу. Вот как это было.

В субботу, 8 января 1977 года, во время школьных каникул и выездов детей на елки, в Москве с небольшими перерывами неизвестными лицами были взорваны три бомбы. Первый

115

взрыв, наиболее тяжелый по последствиям, произошел в вагоне поезда метрополитена. Второй — в продуктовом магазине № 15, а третий — на улице 25 Октября, недалеко от ГУМа. Были убитые и раненые. В общей сложности пострадало 37 человек. К сожалению, среди них были дети. Помню, погиб ученик 10 класса Коля Абузяров, приехавший в Москву на каникулы. Тяжелое ранение получила 4-летняя девочка и другие.

Взрывы ошеломили не только общественность Москвы, но и нас, сотрудников КГБ, потому что подобный диверсионно-террористический акт, направленный исключительно против людей, был совершен последний раз еще на заре Советской власти. Ясно было, что в данном случае действовал жестокий, матерый враг.

Ответы потерпевших и свидетелей, а таких было около 500 человек, никаких

результатов в отношении личности преступников не дали. Пока шли опросы, другие наши товарищи скрупулезно собирали вещественные доказательства в виде остатков от взорванных бомб и средств их укрытия. Для этого снималась даже обшивка вагона метро, в котором была взорвана бомба, с тем чтобы найти застрявшие в ней осколки. Поскольку третья по счету бомба взорвалась в чугунной урне на улице 25 Октября, весь заряд, как из жерла пушки, взлетел вверх и упал на крышу находившегося рядом историко-архивного института; пришлось убрать с крыши весь снег в спецкоробки, затем растопить его и собрать таким образом дополнительные улики. Из тел убитых также извлекались осколки, чтобы по ним установить, что из себя представляли бомбы. Одним словом, вещественные улики собирались с особой тщательностью, ибо по ним, и только по ним, пред-

116

стоял в дальнейшем тяжелый, кропотливый и в то же время интенсивный розыск преступников. Именно с этого времени поступила команда органам КГБ страны все дела по оперативным вопросам и розыску вести в привязке к взрывам, проведенным диверсантами в Москве. Это означало, что каждый полученный органами сигнал по совершению отдельными лицами незаконных действий сопоставлялся с событиями в Москве для определения возможной причастности этих лиц к актам диверсии. На этой основе в течение года появились десятки, может быть, сотни проверок по стране, которые, к сожалению, оканчивались безрезультатно. Конечно, были и плюсы. Например, в ходе широкого поиска были разысканы находившиеся в розыске десятки, если не сотни, преступников по линии МВД СССР.

Нашим товарищам удалось собрать следующие остатки и детали от взрывных устройств с средствами их укрытия:

1. В вагоне метро, на месте взрыва, осталась разорванная на клочки дорожно-хозяйственная сумка бежевого цвета. Специалисты достаточно быстро и точно определили, что сумка сделана из искусственной кожи, выпускаемой Белгородским заводом Горьковской области. Определили торговый ярлык, ГОСТ, куда эта кожа рассылалась. Результат был малоутешителен: в 40 городов!

По остаткам сумки попытались смоделировать и сделать несколько копий сумок. Фотографии сумок разослали во все органы КГБ страны с целью определения, в каком городе и какая фабрика эти сумки выпустила и пустила в продажу. Это представляло несомненный интерес, потому что преступники заранее срезали ярлычок с сумки, в которой находилась бомба:

117

видимо, название города и фабрики на ярлычке как-то могло навести преследователей на цель. К сожалению, ответы из территориальных органов КГБ все как один были отрицательными. Тогда циркулярно пошла из Центра новая команда — искать сумки по фотографиям среди пассажиров и покупателей страны.

2. Тщательно исследовались собранные после взрыва осколки. И вот при вскрытии погибшего от взрыва в метро мужчины в его теле был обнаружен осколок с синей эмалью, напоминающий ручку от утятницы. При дальнейшем тщательном исследовании удалось установить, что преступники использовали в качестве корпуса взрывного устройства чугунную утятницу с прилегающей к ней крышкой. Крышка была соединена с корпусом при помощи стальных шпилек, которые остались целыми после взрыва и по которым можно было определить, что крепились они накрученными на них стальными гайками, с последующей их сваркой.

Кто выпускал подобные утятницы? Поиск носил затяжной характер, но в конечном итоге помогли индивидуальные особенности ее изготовления.

Примерно через два месяца поиска мастер подсобного цеха завода ленто-транспортного оборудования в Харькове, посмотрев на ручку от утятницы, твердо сказал: "Эту утятницу делал я!" С трудом разобрались в заводской документации — когда выпускались утятницы синего цвета и куда эта продукция рассылалась. Итог также был неутешителен: в 45 городов!

Помимо осколков от утятницы в вагоне метро были найдены и другие осколки. По всей вероятности, преступники добавили их в пустующие места бомбы для большей поражаемости. Экспертиза установила, что все другие осколки

118

имеют природную примесь мышьяка. Пришлось переключиться на поиски рудника, где добывается эта руда и куда она рассылается. Рудник с помощью Министерства черной металлургии был установлен: это Камыш-Бурунское месторождение в районе Керчи в Крыму. Руда из него поставлялась на Украину, в Закавказские республики и частично в Литву.

А это уже немаловажно, так как существенно сужался круг поиска. Добыча руды на Камыш-Бурунском месторождении была сравнительно небольшой, и поступала она в указанные места мелкими партиями. Ясно, там она переплавлялась и использовалась. Поскольку все другие, кроме утятницы, осколки были с примесью мышьяка, следовательно, их могли собрать только там, где они фигурировали в качестве металла, изделий и лома. Вряд ли их могли завезти и использовать для усиления бомб куда-нибудь на Урал, в Сибирь, Нечерноземную зону, особенно в области, лежащие по соседству с Московской. До этого вывода экспертизы мы с полным основанием могли подозревать в совершении диверсионного акта каких-либо озлобленных лиц из москвичей, которым после отбытия по суду наказания запрещалось жить в столице и они селились на сто первом километре или в соседних областях и которые в порядке мести могли решиться на этот акт. Поскольку бомбы были самодельными, мы подумали, что вряд ли за указанными осколками преступники специально ездили в Камыш-Бурун, Закавказье, на Украину, тем более — в Литву.

Мы с еще большим вниманием сосредоточились на тех районах, где процветали националистические тенденции. Это ОУНовские и бандеровские националисты, литовские экстремис-

119

ты, последователи грузинских меньшевиков и армянской организации "Дашнак-Цутюн". Таким образом, фронт поиска сузился, но до финиша было еще далеко.

3. Как уже говорилось, на месте взрыва нашли стальные шпильки. Длина их была 170 миллиметров, толщина — 6 миллиметров. Через специалистов и систему ГОСТов был установлен завод-изготовитель. Им оказался Контактормый завод в Ивановской области. Здесь нам повезло чуть больше: шпильки указанного размера рассылались всего в 12 городов.

Исследования проводились и по всем другим деталям, входящим составными частями во взрывные устройства: гайкам, болтам, проводам, латексу, часовым механизмам и прочему. Все это сличалось, и устанавливалась рассылка по городам. Списки городов, куда высылались интересующая нас продукция, тщательно сверялись на предмет повторяемости. В списках фигурировали чаще всего три города: Харьков, Ереван, Ростов-на-Дону.

4. Проводились и другие экспертизы на предмет определения личностей преступников, их навыков, возможного образования и т.д. Например, исследование самодельных часовых механизмов давало основание считать, что их изготовил специалист, разбирающийся в электромеханике на уровне инженера.

Весьма интересный вывод сделала экспертиза, исследуя следы сварки бомб. Оказывается, все сварочные работы на бомбах были произведены специальным

электродом, который используется только в оборонной промышленности. Отсюда можно было предположить, что одного из преступников следует искать в привязке к номерному заводу.

120

5. Параллельно с исследованиями вещественных доказательств интенсивно велась работа по проверке сигналов, поступающих из периферийных органов. Например, в доме лесника Лобова (Тамбов) при вскрытии посылки произошел сильнейший взрыв, в результате чего жена и две дочери лесника погибли. При проведении обыска у подозреваемого по этому взрыву Платова изъяли часы с приваренными к ним проводками, как это имело место в часовых механизмах, использованных преступниками в бомбах, взорванных в Москве.

Кстати, поиск взрывников помимо КГБ был поручен также и МВД СССР. К нашему приезду в Тамбов местная милиция уже имела "чистосердечные признания" Платова, что помимо убийства семьи Лобова он совершил также взрывы бомб в Москве. Однако он не сумел ответить ни на один из поставленных нами вопросов, в том числе таких: в каких местах Москвы были совершены взрывы? Что использовалось в качестве корпусов бомб?

Стало ясно, что в желании отличиться местный начальник милиции упорно "посоветовал" Платову взять взрывы в Москве на себя. Примерно месяц ушел на выяснение обстоятельств тамбовского дела. В результате было установлено, что Платов инвалид, сторож лесоводческого хозяйства, он же изобретатель и народный умелец, попытался убить Лобова за его издевательства над ним, оскорбления его как инвалида и за постоянное вымогательство взяток за ловлю рыбы на реке Цна. Часы же с проводками обвиняемый использовал в сочетании с радиоприемником для того, чтобы в нужное время поднять любителей-рыболовов перед рассветом...

121

Подобные случаи пересылки по почте бомб имели место в Белоруссии. Самодельные бомбы были обнаружены в Орловской области, на Урале и т.д. Была обнаружена даже утятница с приваренной к ней шпилькой. Ее нашли в старом русле (старице) Оки, где, как выяснилось, хозяйничали рыбные браконьеры. И везде нужно было довести дела до логического конца.

А время шло неумолимо, и преступники, почувствовав свою безнаказанность, могли пойти на новое преступление.

Наконец повезло и нам. Молодой сотрудник, проходивший стажировку в КГБ Узбекской ССР, дежурил в ташкентском аэропорту и среди толчи пассажиров увидел женщину с хозяйственно-дорожной сумкой. А сумку он где-то видел! Но где? Пока он вспоминал, женщина прошла на посадку самолета Ташкент — Бухара. И тут он вспомнил, что видел фотографию этой сумки при инструктаже перед выходом в наряд. Оперработник бросился догонять женщину. В конечном итоге она добровольно обменяла свою сумку на другую, предоставленную ей сотрудниками КГБ. Внутри изъятой сумки на ярлыке было написано: "Кожгалантерейная фабрика города Еревана".

Таким образом, Ереван профигурировал по всем нашим вещдокам и позициям.

Известными стали также умения, и навыки преступников, наличие у них технического образования, их работа в оборонной отрасли промышленности и, конечно, склонность к националистическому экстремизму. Был канун 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, и оперативно-следственная группа, руководство которой было поручено мне, по указанию Ю.В. Андропова и на его служебном самолете срочно вылетела в Ереван.

122

Как мы и предполагали, разыскиваемые нами преступники тоже не дремали.

Взяв на вооружение диверсионно-террористические методы борьбы с Советской властью (а если сказать точнее — с русским народом) и почувствовав безнаказанность за совершенные ими преступные деяния, они подготовили новые, более усовершенствованные бомбы для производства очередных взрывов в Москве.

Позднее эксперты установят, что усовершенствование коснулось часового механизма, а также была увеличена поражающая сила зарядов путем накручивания вокруг каждой из трех изготовленных бомб 200 штук шрапнелей в специальной упаковке.

В этот же день, когда мы с оперативно-следственной группой вылетели в Ереван, преступники с новыми бомбами поездом выехали в Москву. Думаю, для многих ясно, что к этому времени, особенно перед 60-летним юбилеем Великой Октябрьской революции, режим по поддержанию безопасности в Москве был значительно усилен. Помимо традиционных методов работы КГБ были внедрены патрулирование и дежурства усиленных нарядов КГБ и МВД СССР на вокзалах, в метро, других уязвимых, по нашему мнению, общественных местах. Привлекались дружинники, бригадмилы и другие добровольные помощники.

В Ереване мы, опираясь на местные правоохранительные органы, начали подготовку к негласному прочесыванию районов и кварталов города по нашему поисковому плану. А в это же время преступники уже искали, в каких общественных местах Москвы заложить новые бомбы. Видимо, почувствовав напряженность обстановки в городе, они решили взорвать все три бомбы на Курском вокзале.

123

Взяв билеты на поезд Москва-Ереван, террористы сидели в зале ожидания. Примерно за 20 минут до отхода поезда они собирались покинуть зал ожидания, включив предварительно часовой механизм, и оставив сумку с бомбами на скамье. До отправления поезда было еще часа два с половиной. В зале к вечеру накопилось множество людей, стало душновато. Один из преступников снял с себя спортивную, типа динамовской, синюю куртку и вместе с шапкой втиснул их сверху в сумку с бомбами. Перед выходом он собирался было забрать шапку и куртку с собой. Но... они почти прозевали наряд милиции, начавший в зале проверку документов и вещей у пассажиров. Увидев наряд, когда до них оставалось несколько человек, один из преступников сунул руку в сумку, включил тумблер (переключатель) часового механизма. Затем под видом поиска туалета оба налегке вышли из зала ожидания и уже больше туда не возвращались.

Взрывной механизм включался с помощью часов через 20 минут. При этом устройство его было таково, что, если переключатель тумблера повернуть влево, ток от батареи пойдет на электролампочку. Если переключатель тумблера повернуть направо, ток пойдет на электродетонатор и произойдет взрыв. У преступников при этом был свой тонкий расчет. Допустим, они поставили переключатель вправо, включили часовой механизм и собрались уйти, но кто-то из посторонних вдруг закричит: "Эй, товарищ, вы сумку забыли!" Придется сумку забирать, а чтобы в этом случае взрыва не произошло, можно одной рукой быстро переключить тумблер влево, и ток пойдет на лампочку.

На Курском вокзале они сознательно вклю-

124

чили часовой механизм так, чтобы ток через 20 минут пошел на лампочку. Видимо, боялись, что им не хватит 20 минут, чтобы уйти на безопасное расстояние. Преступники также предполагали, что, когда сотрудники милиции найдут бесхозную сумку, откроют ее, увидят горящую лампочку и рядом тумблер, по всей вероятности, захотят ее выключить, повернут переключатель тумблера вправо и взорвут сами себя. В конечном итоге все так и произошло бы. Но... в

данном случае сработала поговорка: "Не было бы счастья, да несчастье помогло!"

Итак, сумка с бомбами и включенным часовым механизмом осталась в зале ожидания вокзала. На той же скамье, где стояла она, располагались две семьи, возвращавшиеся, кажется, из Сибири в Дагестан. Двое мужчин, женщины, куча детей разных возрастов. Они и увидели одиноко стоявшую сумку в полуметре—двух метрах от их неприхотливого багажа. Сейчас трудно установить, кто и зачем пододвинул интересующую нас сумку к вещам дагестанцев, а позднее даже накрыл ее какой-то дерюжкой.

Семьи дагестанцев с многочисленными детьми подозрения у наряда проверяющих не вызывали и сумка простояла до утра. Семьи эти, видимо, исповедовали мусульманскую веру и, наверное, до сих пор должны благославлять аллаха за то, что дал им терпение и воздержал от любопытства, иначе они были бы давно в мире ином.

Заглянуть в сумку они решились на следующий день, примерно в 9 часов утра. Увидев железные корпуса, провода, часы, лампочку, они поняли, что здесь что-то неладно. С учетом вчерашней проверки милицией документов и вещей понимали, что сумку следовало отнести

125

в милицию, но боялись, не обвинят ли их в чем-то незаконном. Колебания продолжались еще два часа. Наконец около 12.00 они все-таки решили отнести сумку в милицию при вокзале как находку. Первое, что сделал дежурный по отделению, это переключил тумблер вправо... К нашему счастью, проработавшая в течение 16-17 часов на лампочку батарея к этому времени села настолько, что для подрыва детонатора сила тока оказалась недостаточной.

Не скрою, по поводу этого чрезвычайного происшествия кутерьма в Москве получилась невообразимая. Все бегали, куда-то докладывали, звонили, показывали, но, к сожалению, забыли обо всем оповестить нас, сотрудников оперативно-следственной группы КГБ СССР, направленной в Ереван.

На наш справедливый вопрос по ВЧ связи, что же случилось в Москве, последовал довольно резкий ответ от одного крупного столичного начальника:

— Чего вы лезете поперек батьки в пекло? Когда придет вам из Москвы шифрограмма, тогда и начнете действовать согласно имеющимся в ней указаниям.

Такой ответ нас не устраивал. Прежде всего потому, что преступники опять ускользнули с места происшествия и могли с минуты на минуту появиться в Армении. Нам были важны все, даже мелкие подробности, с помощью которых можно было попытаться разыскать и изолировать их. Через наших коллег по ВЧ связи удалось собрать следующие данные:

1. Три бомбы, приблизительно той же конструкции, что и в январе 1977 года.
2. Белая хозяйственная сумка, бывшая в длительном употреблении.

126

3. Спортивная куртка синего цвета, примерно 52-го размера.
4. Шапка-ушанка 56-го размера. К шапке прилипло несколько длинных черных, полукурчавых волосков.

Вроде бы и немного, но вывод мы все-таки сделали верный. Куртку и шапку положили в сумку с бомбами потому, что другой тары у преступников не было. Значит, они без вещей!

Шапку оставили, а другую купить в той обстановке было невозможно. Следовательно, один из преступников без головного убора и у него черные полукурчавые волосы.

Когда мы разговаривали с Москвой, поинтересовались, какая погода стояла в столице во время интересующих нас событий. Оказалось, минус два градуса. В этой связи можно было предположить, что на преступнике могли оказаться в

качестве кальсон такие же как куртка синие спортивные брюки-трико.

Итак, преступник без шапки, без вещей, с черными полукурчавыми волосами, возможно, на нем синие трико вместо кальсон, едет из Москвы в Ереван!

Для того, чтобы его обнаружить и задержать необходимо было срочно перекрыть два аэропорта, прибывающие из Москвы железнодорожные поезда, а также шоссе Тбилиси-Ереван и Баку-Ереван. Граждан с указанными приметами требовалось задерживать до выяснения личности.

Срочно скомплектовали оперативные бригады и разослали их в аэропорты, а также на границу Грузии и Армении, с тем чтобы до прибытия каждого поезда в Ереван можно было прочесать все его вагоны. Группы оперработников совместно с автоинспекторами направили перекрывать шоссе из Тбилиси и Баку.

127

Следует сказать, что в то время работники КГБ Армении, видимо под влиянием местного партаппарата ЦК, не очень-то верили в возможность существования в Ереване диверсионно-террористической группы, разыскиваемой нами по делу "Взрывники". Ну, а если в верхних эшелонах власти считали, что в Армении не может быть диверсантов или террористов, значит, правовой помощи ждать было не от кого. Это сказалось на интенсивности и качестве нашего розыска в Армении в первоначальный период.

Смешанная, из оперработников Москвы и Еревана, группа прибыла на пограничную станцию между Грузией и Арменией, когда московский поезд уже тронулся. Товарищи садились в вагоны на ходу.

При проверке документов в третьем вагоне оперработник обратил внимание на пассажира, который лежал на голой полке, делая вид, что спит. На самом деле он внимательно следил за ходом проверки. Волосы его соответствовали описанными, а из-под верхних брюк выглядывали штрипки синих спортивных. При проверке назвался Степаняном, документов у него не оказалось. Вещей и шапки у него также не было. Решили его задержать. Здесь же с помощью пассажиров выявили и напарника, с которым Степанян ехал от Москвы. Им оказался Багдасарян, тоже без вещей и документов. Пришлось задержать и его.

По прибытии поезда в Ереван. Степаняна и Багдасаряна доставили в здание КГБ Армении. Было заметно, что это их сильно взволновало. Поэтому допрос решили провести тотчас с учетом их психологического состояния. Первый вопрос Степаняну был такой:

128

— Куда же ты свою сумку дел?

Мы даже не ожидали такого результата. Видимо, Степанян заранее подготовился, как будет отвечать в отношении сумки. Поэтому, не спросив нас, о какой сумке идет речь, ответил:

— Это не моя сумка.

— А чья же?

— Не знаю. Подошел какой-то русский мужчина и попросил временно покараулить её.

Ответ ясно указывал, что Степанян знал, о какой сумке его спрашивают, и поторопился выставить свое алиби. Именно этот ответ придал нам уверенности, что мы на правильном пути.

Из другого кабинета я тут же позвонил в Москву и попросил прислать с первым самолетом одну из бомб, обнаруженных на Курском вокзале (естественно, в обезвреженном виде), сумку, спортивную куртку и шапку. Через два часа мой коллега и старый товарищ вылетел с этими предметами в Ереван.

Теперь надо было еще раз, по возможности документально, убедиться в причастности Степаняна и Багдасаряна к бомбам, найденным на Курском вокзале. Для этого мы в присутствии Багдасаряна разыграли следующую сцену. Вызвали

его из камеры в кабинет следователя, и когда он вошел, то оказался свидетелем якобы заканчивавшегося разговора между сотрудниками КГБ, из которого можно было понять, что задержанных решили передать в милицию. После разговора как бы между прочим Багдасаряну сказали:

— Твоего друга перевели в милицию. Он там мерзнет в камере. Просит свою куртку, а какая его — мы не знаем. Может, ты сможешь отыскать его куртку и шапку?

На подоконнике лежали специально собран-

129

ные разные вещи. Багдасарян подошел к окну и уверенно отыскал шапку и куртку Степаняна. И только вспышка при фотографировании напомнила ему, что поступил он опрометчиво. — Нет! Нет! — закричал Багдасарян, — я ничего не говорил!

Но было поздно, и нужное подтверждение мы получили.

Окончательную уверенность в причастности к взрывам Степаняна и Багдасаряна мы получили после вызова на беседу матери Степаняна, с которой состоялся следующий диалог:

Вопрос. Можете ли Вы сказать, где находится сейчас Ваш сын?

Ответ. Право, не знаю. Дней десять назад он сказал, что решил поехать в горы, в Цахкадзор, покататься на лыжах, и до сих пор его нет! Вопрос. А что он взял с собой? Ответ. Ничего особенного не взял. Немного продуктов, спортивный костюм. Все сложил в нашу сумку и уехал.

Вопрос. Посмотрите, нет ли вашей сумки среди этих вещей? (В углу стояло несколько сумок и чемодан).

Ответ. Как же, вижу! Вот она, наша сумка, которую взял с собой мой сын. При этом она указала на сумку, обнаруженную с бомбами на Курском вокзале и присланную в Ереван для опознания.

Соответствующее оформление протокола свидетельницы шло к концу, когда в КГБ Армянской ССР позвонили из ЦК партии. Звонил первый секретарь и в адрес оперативно-следственной группы, прибывшей из Москвы, тоном, не терпящим возражений, высказал:

— На каком основании они, москвичи, проводят в Армении облавы, задержания людей?

130

Кто им дал право нервировать честных людей и тем самым срывать подготовку к празднику шестидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции? Сейчас делегация Армении вылетает в Москву на торжественное заседание, и там я выскажу свое неудовольствие поведением московских чекистов в Ереване. А пока требую все следственные мероприятия прекратить, задержанных отпустить под подписку. Когда мы вернемся из Москвы, рассмотрим действия москвичей конкретно...

Все это прозвучало для нас как гром среди ясного неба! Казалось бы, еще немного и мы получим неопровержимые доказательства. Но если отпустим Степаняна и Багдасаряна под подписку, то прямые улики наверняка будут уничтожены, и мы потерпим полное фиаско. Необходимо было срочно провести обыск на квартирах задержанных, но мы понимали, что санкции на это в таких условиях ни один прокурор не даст. Среди товарищей из местного КГБ мнения по этому делу тогда разделились. Одни продолжали сомневаться в правильности действий московской группы КГБ. Другие, ознакомившись с материалами, полученными после задержания Степаняна и Багдасаряна, поверили в Причастности их к взрывам. Третьи пошли еще дальше: через свои негласные каналы установили тесную связь задержанных с руководителем группы из антисоветской националистической организации "Парос" неким С.С. Затикяном,

ранее отбывшим наказание за активную националистическую деятельность и по-прежнему вынашивавшим экстремистские планы в борьбе с Советской властью.

В разговоре с одним из работников КГБ Армении я сказал, что мы, безусловно, выполним

131

указания первого секретаря ЦК Компартии Армении и задержанные лица немедленно будут отпущены, но только после обыска на их квартирах.

У меня на руках было два ордера на обыск, на которых вместо местного прокурора подписался я, как руководитель оперативно-следственной группы КГБ СССР. Юридической силы моя подпись не имела. Зато подпись заместителя председателя КГБ Армянской ССР, которую я получил во время беседы, придавала ордерам законную силу. В общем, разрешение мы получили. Мы понимали, что, если не подтвердим вещественными доказательствами причастности задержанных к взрывам, нас устроят от следственно-розыскных мероприятий с последующими административными выводами. Следовательно, от результатов обысков зависело все, в том числе и мера моей вины за непослушание указаниям первого секретаря.

Перед выездами групп на обыски, во главе которых теперь были поставлены местные следователи, я попросил участников групп ознакомиться с конструкцией бомбы, обнаруженной на Курском вокзале. Естественно, в группы обыска были включены наши московские товарищи. И хотя это считалось нарушением, мы отправили группы на обыск в ночь, ибо знали, что утром делать это может быть уже поздно.

Конечно, ночь для всех нас была бессонной. По договоренности с товарищами я ждал в номере гостиницы телефонного звонка о результатах обыска. Он раздался в шестом часу утра. Звонил сотрудник нашей московской группы. У него была весьма редкая фамилия Ремигайло. Да и сам он был редкой кропотливости, дотошливости и пунктуальности в решении наших вопросов работником, и я на него

132

надеялся. Он пунктуально, подчеркивая каждую мелочь, сообщил о найденных в квартире Степаняна аналогах бомб по 17 позициям. Совпадали корпуса, заглушки, шпильки, провода, изоляционная лента, шрапнель и прочее; из всего этого можно было бы собрать новую, аналогичную изъятой на вокзале бомбу.

Из записок Степаняна и по другим данным четко просматривалось, что своим руководителем он считал Степана Затикияна. Слушая по телефону Ремигайло, я успел записать на полях газеты "Правда" все доказательства, добытые при обыске. Газету я забрал на работу, чтобы использовать запись для доклада в Москву. Но неотложные текущие дела, просмотр протоколов обысков, необходимость срочного негласного наблюдения за Затикияном отвлекли меня, и грозный звонок из Москвы последовал раньше, чем я ожидал. Звонил заместитель председателя КГБ СССР, генерал армии С.К. Цвигун. Звонил, как он сам сказал, из Кремлевского Дворца съездов. Значит, по поводу жалобы Демирчяна. Посыпалась целая серия незаслуженных упреков в моем своеволии, строптивости, неумении прислушиваться к указаниям партийного и административного руководства. Имея веские доказательства, слушал я его весьма спокойно. Когда он наконец выговорился, я спросил:

— Так как мне поступать, Семен Кузьмич, может быть, действительно отпустить на свободу тех преступников, кто взрывал бомбы в Москве?

Несколько секунд трубка молчала, затем Цвигун спросил:

— Что? Есть доказательства?

Достав из кармана газету "Правда", я стал диктовать записанные на ней доказательства по

всем 17 позициям. Сообщил также о полученных данных на Затикиана.

— Арестовали его? — спросил Цвигун.

— Нет! Никто санкции не дает! Даже срок задержания Степаняна и Багдасаряна кончается через два часа, а продлить некому...

Я немного слукавил, так как после обысков и полученных нами результатов обстановка в Ереване резко изменилась. Местные товарищи чекисты, искупая свою нерешительность на первом этапе, смело пошли на задержание Затикиана и обыск в его квартире. Здесь нам повезло еще больше. Помимо различных деталей-аналогов от бомб мы нашли у него под клеенкой на кухне схему взрывного устройства, использованного в Москве 8 января 1977 года, в вагоне метро. Позднее экспертиза установит, что указанная схема исполнена лично рукой Затикиана. Круг замкнулся!

На этом наши оперативно-розыскные мероприятия не закончились. Пока шло следствие, мы искали прямых и косвенных свидетелей преступлений группы, руководимой Затикианом. Ценой больших усилий нам удалось найти свидетелей, подтвердивших пребывание Степаняна и Багдасаряна в день взрывов в январе 1977 года в Москве, видевших подготовку и испытания преступниками бомб в Армении, знавших о попытках Затикиана вовлечь других лиц в диверсионно-террористическую деятельность в СССР.

Кстати, первый секретарь выполнил обещание: по прибытии из Москвы в Ереван он вызвал нас в два часа ночи в здание ЦК КП Армении для разбирательства. Мы ждали этого и своеобразно подготовились. На беседу взяли три портфеля: в одном лежали детали бомбы с Курского вокзала, в других — детали-доказа-

тельства, изъятые у Затикиана и Степаняна. Отличить их было невозможно!..

Все мы, участники розыска по делу "Взрывники", гордимся, что нам удалось избавить москвичей и гостей столицы от опасности, грозившей им со стороны националистов-экстремистов. Родина наградила членов группы, наиболее активных исполнителей розыска орденами Красной Звезды и "Знак Почета". Нам, руководителям оперативно-следственной группы, были вручены Почетные грамоты.

Конечно, розыск на этом деле не заканчивался. К концу 70-х годов в розыске по линии КГБ СССР находилось свыше 900 человек. И это после того, как мы основательно почистили розыскные списки и исключили из них лиц преклонного возраста или тех, у кого преступления были менее тяжкими и по общему процессуальному законодательству мог наступить срок давности. Но некоторых совесть не позволяла исключить из этих списков! Особенно следователей и полицейских, сбросивших в шахты членов "Молодой гвардии" в Краснодоне.

Долго и терпеливо вели также мы розыск одной женщины, по фамилии Макарова, с присвоенной ей местным населением кличкой "Анка-пулеметчица", которая в годы войны добровольно пошла служить в немецкие карательные органы в качестве палача. Ей, в частности, доставляло удовольствие расстреливать из пулемета сразу десятками советских патриотов, партизан, евреев. На её совести были сотни расстрелянных. Долго искали, но в конце 70-х годов нашли её под фамилией Гинзбург. Судили её открытым показательным судом.

Все описанное мною — это только часть большого и нужного, как я считаю, для госу-

дарства труда. Подчас были дела, которые не вписывались в мои функциональные обязанности. Особенно это касалось выезда в командировки за границу. Таких

выездов было немало, и сопровождалось они различными сложностями. Помню, на группу сотрудников КГБ, в которую входил и я, было возложено обеспечение безопасности советской делегации и туристов на Всемирном Фестивале молодежи и студентов в Хельсинки. Это был период, предшествовавший "Карибскому кризису", и характеризовавшийся резким повышением конфронтации между США и СССР. В этой связи мы обоснованно полагали о возможном усилении во время фестиваля противодействия нашей делегации со стороны неофашистов, различных других правых и экстремистских организаций и групп. И действительно, напор их вначале оказался достаточно сильным еще и потому, что существенную помощь нашим противникам оказали представители вражеских разведок капиталистических государств. Для этих целей в Финляндию легальными и негальными путями было завезено большое количество спиртных напитков, которыми "подогрели" молодежь. Сперва это был подогрев спиртным, затем с помощью пропагандистов-агитаторов пошла обработка идеологическая. И вот эта масса беснующихся молодцов двинулась в направлении советских выставочных павильонов. Картина была устрашающая! Все крушилось и рушилось. Вынуждена была вмешаться финская конная полиция. Впервые своими глазами видел, как разгонялась разбушевавшаяся толпа с помощью слезоточивого газа и нагаек конной полиции. Досталось несколько и нам, находившимся в гуще погрома.

136

В разгар этих событий террористы, желая вызвать панику среди членов советской делегации, решили подложить на борт теплохода "Грузия", на котором мы прибыли на фестиваль, пластиковую бомбу. Какой силы она была бы — сказать не могу, так как задержание исполнителей мы провели заранее.

Оставаясь в этот день дежурным на корабле и получив информацию о возможности закладки на теплоходе пластиковой бомбы, я стал метаться в поисках подкрепления. Ко мне присоединился мой коллега Герман. Но вдвоем обезвредить четверых неизвестных, которые уже приближались к стоянке теплохода, было очень сложно. На наше счастье, к стоянке "Грузии" подошла группа спортсменов во главе с чемпионом мира Жаботинским. С их помощью задержание прошло без осложнений, причем Жаботинский держал руку задержанного только пальцами. Я высказал опасение по этому поводу, но Жаботинский, смеясь, ответил: "Он у меня никогда не вырвется!"

Поэт Е.А. Евтушенко той же ночью написал стихи "Сопливый фашизм", призывая рабочий класс продемонстрировать фашистам свою силу. Но, к сожалению, его призыв в то время развития не получил. Видимо, меркантилизм и бытовые удобства уже превалировали в головах среднего человека Запада, а идейные мотивы в то время его мало задевали. (К сожалению, не только западного, но и среднего обывателя социалистических стран.)

Кадровый американский разведчик Кристофер Феликс, работавший в то время в социалистических странах под видом дипломата, касаясь этого вопроса, писал, что, ведя борьбу против соцстран, надо "видеть разногласия и

137

затем, действуя изобретательно и окольными путями, способствовать их развитию".*

Бывший помощник президента США по национальной безопасности, он же профессор Колумбийского университета, З.Бжезинский предложил тогда делать особую ставку на развитие в нашем обществе ревизионистских идей.** "Чуждые коммунизму взгляды под видом марксистских,— наставлял он,—могут постепенно проникнуть в правящую элиту и только после этого повлиять на все общество в целом. Эрозии надо добиваться с большим терпением".

Наиболее откровенно эти мысли высказывал западногерманский специалист

по вопросам психологической войны Алард фон Шакк. "Необходимо использовать, — писал он, — все средства современной пропаганды, умелые приемы психологической борьбы, необходимо насаждать нашу мораль и идеологию в общественном сознании населения стран коммунистического лагеря. Используя национальные различия, религиозные предрассудки, человеческие слабости — зависть, тщеславие, стремление к удовольствиям, необходимо развивать индифферентность к целям коммунистического государственного руководства".***

В конечном итоге подобные заявления легли в то время в основу правовых документов США. Вот выдержка из официального доклада сенатской комиссии конгрессу США по вопросам идеологии и внешней политики: "Соединенные Штаты должны стремиться развивать широкие контакты с интеллигентами в комму-

* Феликс.Ч. Краткий курс секретной войны. Н-Й. 1963., с. 170

** см. Бжезинский. 3. Альтернатива разделения. *** Аусенполитик. 1962. № 11.

138

нистической орбите и в конечном итоге с политиками на среднем и высшем уровнях в надежде на то, что удастся постепенно оказать влияние на их идеологические убеждения"*.

В складывавшейся в то время обстановке на американские разведывательные службы были возложены новые, более изощренные задачи, содержание которых достаточно полно изложил один из теоретиков США по вопросам разведки Р.Холт: "Разведка играет большую роль в обеспечении психологической войны: определение наиболее эффективных методов психологического и идеологического воздействия, подготовка тенденциозных материалов и различного рода фальшивок, оценка эффективности операций психологической войны"***.

Американский журнал "Уолл-стрит", касаясь деятельности разведки, подчеркивал уже другую сторону, а именно: "Речь идет о том, чтобы проводить подрывную деятельность, внося беспокойство, проводя саботаж и избегая при этом риска непосредственных военных действий... Мы должны найти путь, чтобы свергнуть коммунистический режим без всеобщей войны"***.

Сейчас, задним числом, находится немало критиков ввода войск Варшавского договора в Чехословакию. Мы же, группа чекистов, выезжали тогда туда, руководствуясь необходимостью оказания помощи нашим коллегам. Именно в это же время в резидентуре разведки США, находившихся в Чехословакии и других социалистических странах, было направлено

* Внешняя политика США. Идеология и международные отношения. Вашингтон. 1960, с. 81.

** Холт.Р, Ван Велде Р. Стратегические психологические операции и американская внешняя политика. Чикаго.

*** "Уолл-стрит джорнал". 1961, 5 мая.

139

циркулярное письмо, перехваченное нашей контрразведкой. В письме настаивали отдельные конкретные действия противника. Вот дословная выдержка из этого письма:

"СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

Сообщите:

— Имеются ли какие-либо организованные подпольные группы противодействия существующему правительству? Если имеются, то где они находятся и каковы их возможности? Кто их руководители и каким образом можно установить с ними контакт?

— Какие группы населения по профессиональным или каким-либо другим категориям

вероятнее всего могут поднять мятеж или восстание стихийно? Какие группы в настоящий момент наиболее восприимчивы к психологическим операциям, проводимым западом?

— *Когда, где и при каких обстоятельствах, а также при каком руководстве извне могут возникнуть движения противодействия или восстание против существующих правительств?*

— *Степень проникновения оппозиционных сил в коммунистическую партию и их возможности противодействовать деятельности коммунистической партии"*.*

Именно в борьбе против разведывательных и пропагандистских служб нашего главного противника чекисты моего поколения сохранили и сохраняют глубокую идейную убежденность. К ним я отношу тех, кто ради наших идей рисковал своей жизнью в Берлине 1953

* Цит. по: Правда, 1968, 19 июля.

140

года, во время контрреволюционного путча в Венгрии в 1956 году», событий в Чехословакии в 1968 году, неоднократных вооруженных стычек с басмачами и душманами на протяжении десятилетий. И я, как один из солдат чекистской рати, прошел эти этапы.

В заключение напомним: любое государство сильно, если у него четко и безукоризненно работает исполнительная власть, в том числе и такие исполнительские органы, как службы разведки и контрразведки.

БОЙ БЕЗ ФРОНТА

Многое из того, с чем познакомится читатель в этой главе, ныне повторяется. До сих пор актуальна проблема Курдистана. Только судьбу курдов, вместо англичан, стали решать американцы.

Конечно, ни на минуту не прекращалась активная деятельность разведок. За последнее время даже усилилась диверсионно-террористическая деятельность экстремистов националистического толка, не только на территории бывшего СССР, но и других стран мира. Гражданская война и различные военные конфликты в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Таджикистане, взрывы бомб в Санкт-Петербурге и других местах России наглядно подтверждают сказанное.

Ну, а события, происходившие в Молдове и Приднестровье, их причины и следствия, методы и прием, к которым прибегали экстремисты, отчетливо напомнили о том, что такое уже

* Во время событий в Венгрии погибли тысячи советских солдат и офицеров.

141

было около пятидесяти лет назад на территории Румынии и Молдавии в их взаимоотношениях с Советским Союзом.

В документальном очерке тексты расшифрованных радиосообщений, документы представителей западных разведок, протоколы допросов и другие документы контрразведки, а также фамилии являются подлинными.

В свое время Гитлер, вслед за Черчиллем, подхватил известную фразу: "У кого в мешке Балканы, тот может спокойно вступать в большую войну." Вторая мировая война двигалась к своему логическому концу. Советская Армия освобождала Балканские страны, в том числе Румынию. С переходом нашими войсками границы Румынии, там возникла сложнейшая политическая ситуация: буржуазия добровольно уступать свою власть не собиралась, существовавшие в стране политические партии националистического толка активно противодействовали Советской Армии, используя для этого и террор, и диверсии,

и податливость молодого короля Михая, которым они управляли, как хотели. Румынская реакция опиралась на помощь иностранных разведок, прежде всего на гитлеровскую, английскую и итальянскую.

Совершенно естественным было вступление в борьбу с ними советской контрразведки "СМЕРШ", долгом которой было защитить Советскую Армию от ударов с тыла.

Существовавшее в то время генеральское правительство Радеску попустительствовало различного рода профашистским элементам, а сам Радеску по поводу роста демократических сил и коммунистического влияния в Румынии заявил: "Я вышлю войска на улицы. Я всех перестреляю"... Я сделаю здесь так, как было в Греции". На заседании Совета министров 16

142

февраля 1945 года у этого премьера вырвалось признание о подготовке в стране фашистского переворота. Радеску заявил, что готов, если понадобится, прибегнуть к гражданской войне.

Внутренняя реакция объединяла свои силы в борьбе против СССР, демократических сил Румынии и против Советской Армии. Возникли в то время так называемые "подпольные силы сопротивления", в которые вошли представители резидентуры немецко-фашистской разведки, оставленной РСХА* в Румынии, руководители "железнодорожников" — легионерской националистической организации профашистского толка, представители румынского королевского двора, имевшие, проанглийскую ориентацию, отпрыски старых боярских фамилий, занимавшие генеральские посты в армии, лидеры крупных буржуазных партий. Основная тяжесть борьбы с подрывной деятельностью немецко-фашистской разведки и внутренней реакции на территории Румынии, которые действовали фактически в тылу у Советской Армии, сражавшейся с врагом на территории Венгрии, Австрии, Югославии, легла на органы советской военной контрразведки "СМЕРШ"**. Об одной крупной и долговременной контрразведывательной операции, против фашистской разведки и националистических подпольных групп, засланных нелегально из Германии и действовавших в Румынии под кодовым наименованием "Приятель", я и хочу рассказать.

В ночь на 6 и 9 ноября 1944 года дважды с военного аэродрома из района города Винер-

* РСХА — Главное Управление Имперской безопасности Германии.

**Так называлась во время войны военная контрразведка.

143

нойштадт в Германии поднимались в воздух транспортные "Хейнкели" с несколькими необычными пассажирами. Можно было лишь удивляться разношерстности их одежды: мелькали румынская военная форма, гражданские пальто городского и сельского покроя. Было и общее: у каждого — парашют. В числе провожающих преобладали лица в черных эсесовских мундирах, офицерских френчах со знаками "СД". В сторонке скромно стояли двое гражданских. Распорядился посадкой немецкий майор Фишер, в прошлом один из руководителей разведывательно-диверсионного центра "Абверштелле-Румыния", известный своим агентам под псевдонимом "Штрук", а радистам — позывным номером "13".

В числе других провожающих: немецкий разведчик полковник Бауэр; сотрудник венского разведцентра "Виен-17" капитан Шписс; начальник дислоцировавшейся в прошлом в Румынии "Абвергруппы-201" Шлегель... Одним из "гражданских" был барон Стурдза, новоиспеченный министр иностранных дел румынского правительства Хория-Сима, образованного при Гитлере после

капитуляции Румынии и вступления ее в войну на стороне союзников.

Подавляющее большинство отлетающих, были румыны — члены легионерской националистической организации "Железная гвардия". Все прошли разведывательно-диверсионную подготовку в специальных школах "Абвера" и РСХА.

"Железная гвардия", созданная еще в двадцатых годах, являлась наиболее массовой организацией фашистского типа, опиравшейся на мелкобуржуазные слои города и деревни. Демагогия была ее характерной чертой. Для завоевания популярности и привлечения в свои ряды новых

144

членов "железнодорожники" вели шумную пропаганду среди населения об освобождении от налогов, аннулировании долгов. Для привлечения крестьян на свою сторону выдвинули лозунг: "Полгектара земли на каждую душу населения". Именно это обращение к острым нуждам и запросам масс, позволяла фашизму во всех странах привлечь на свою сторону часть населения. И все же основными лозунгами "Железной гвардии" были оголтелый антикоммунизм, махровый шовинизм и антисемитизм. Лидеры "Железной гвардии" открыто ориентировались на гитлеровскую Германию и фашистскую Италию. В стремлении установить фашистскую диктатуру они не брезговали даже террористическими актами в отношении крупных государственных деятелей Румынии (в 1934 году ими был убит премьер-министр Румынии И. Дука). Гитлер и другие правители третьего рейха открыто поддерживали "Железную гвардию". Когда стало известно, что при попытке к бегству убит ранее арестованный в Румынии лидер "Железной гвардии" К. Кордяну, маршал Геринг и другие германские военные и гражданские лица демонстративно в знак протеста вернули недавно полученные от румынского короля награды, а германский посланник был отозван из Бухареста в Берлин.

В конце войны тысячи представителей "Железной гвардии", нередко именуемых легионерами, оказались на территории Германии. Из них фашистская разведка и комплектовала многочисленные террористические, диверсионные и шпионские группы, засылая их в тыл Красной Армии для ведения повстанческой деятельности на территории Румынии.

По распоряжению главаря "Железной гвардии" Хориа-Сима руководителем всего нацио-

145

налистического легионерского подполья был назначен Н.Петрашкю, который вылетал с группой 9 ноября 1944 года. Цели у немецко-фашистской разведки и железнодорожников были едины — объединить все реакционные силы в Румынии, создать из числа находящихся в подполье отряды железнодорожников и вести вооруженную борьбу против частей Красной Армии, направленную, в конечном счете, на возвращение Румынии в лагерь фашизма.

Немецкая разведка не слишком верила своим "собратям". Поэтому в состав перебрасываемой в Румынию разведывательно-диверсионной группы был включен немец майор Андреас Шмидт, известный под кличками "Титц" и "Молдован". Официально Шмидт имел задание создать среди этнической группы немцев, постоянно проживающих в Румынии, разведывательную резидентуру. Как предполагали немецкие разведчики, Шмидту нетрудно было это сделать, так как он в течение многих лет жил в различных городах Румынии, в совершенстве знал румынский язык и, главное, длительное время являлся руководителем упомянутой этнической группы. Вторым, но не менее важным для Шмидта заданием, был контроль за развертыванием подпольных легионерских отрядов румынских националистов и их действиями в тылу Красной Армии.

Высадка парашютистов оказалась неудачной. Выброшенная в ночь с 6 на 7

ноября 1944 года в районе города Алба-Юлия (Трансильвания) первая группа рассеялась по большой территории. Диверсанты так и не смогли собраться вместе, вынуждены были добираться в места укрытия в одиночку. Но главное, потерялся радист группы Джеоржеску. Розыск его и нахо-

146

дившейся с ним радиостанции, предназначенной для использования руководством легионерского подполья, оказался безуспешным.

Петрашку и Шмидт выбросились со второй группой в ночь на 9 ноября между городами Алба-Юлия и Винцул-Де-Жос. Им не удалось добраться до намеченной заранее точки выброски. Самолет, на котором они прилетели, был подбит советскими зенитчиками и загорелся в воздухе. Его пассажиры в панике, толкая друг друга, бросились к десантному люку. Еще находясь в воздухе Петрашку с ужасом заметил, что приземляется прямо в деревню. Однако этот матерый волк быстро пришел в себя, вытащил нож и переложил за пазуху пистолет. Он упал на крышу дома, тут же лезвием ножа перерезал стропы парашюта и благополучно спустился во двор. Собаки подняли лай, разбудили советских солдат, находившихся в доме. Поднялась стрельба и только ближний лес спас диверсанта.

Через три дня, на заранее обусловленном по запасному варианту месте, произошла встреча между Шмидтом и Петрашку. Последний был взбешен. К этому времени он уже знал о пропаже Джеоржеску с радиостанцией и, хотя коды и радиошифры он предусмотрительно оставил перед вылетом у себя, передать сообщения своим шефам в Германию он не мог. Горечь и досаду вызывала также потеря десяти миллионов лей, оброненных им при бегстве из деревни.

Примерно в это же время в румынскую службу безопасности в Бухаресте явился с повинной упомянутый выше Джеоржеску. На допросе он показал, что к моменту капитуляции Румынии, он в составе румынской группы информации, возглавляемой румынским разведчиком майором Балотеску, служил радистом при контрразведке 8

147

немецкой армии и вместе с ней вынужден был отступать к границам Германии. По рекомендации Балотеску в начале октября 1944 года он был завербован немецкой разведкой, передан для использования начальнику разведслужбы 6 немецкой армии капитану Рейнгарду, а затем, после изучения немецких шифров и кодов, направлен в группу румынских легионеров, располагавшихся в селе Буда-Кези, недалеко от Будапешта. Там Джеоржеску понял, какую роль ему готовят в недалеком будущем. Уставший от войны и тоскующий по родным местам человек твердо решил, что в случае его нелегальной заброски в Румынию, он добровольно сдастся на милость новых властей.

Румынская служба безопасности передала Джеоржеску органам советской контрразведки "СМЕРШ". Данные о заброске на территорию Румынии разведывательно-диверсионных групп были получены органами "СМЕРШ" и из других источников. Встала задача обнаружить и обезвредить шпионские и диверсионные группы противника. Операция получила кодовое название "Приятель".

Советским контрразведчикам было очевидно, что руководители переброшенных немецкой разведкой в Трансильванию шпионско-диверсионных групп будут искать возможность для организации радиосвязи с разведцентром противника.

В руках "СМЕРШ" был Джеоржеску и его рация. Однако рацию из-за отсутствия шифров и кодов в интересах операции нельзя было использовать. К тому же Джеоржеску был серьезно болен.

Оценив обстановку, чекисты пришли к выводу, что Петрашку и Шмидт возможно попытаются воспользоваться радиостанциями, ос-

тавленными немцами в тайниках вместе с оружием и взрывчаткой.

Кроме того, Шмидт, длительное время являвшийся резидентом немецкой разведки в районах Бухарест, Сибиу, Плоешти, может воспользоваться возможностями других немецких агентов-радиостов, которые были оставлены фашистскими разведорганами на территории Румынии после ее капитуляции. Они Шмидту, вероятно, известны.

О том, что на территории Румынии действительно заложены тайные склады с оружием, взрывчаткой и радиостанциями, советские чекисты знали.

Сотрудникам контрразведки 3-го Украинского фронта еще раньше удалось захватить помощника начальника 201 абвергруппы немецкого лейтенанта Бидермана. Вот краткие выдержки из протокола его допроса:

Вопрос: На прошлом допросе вы показали, что, являясь официальным сотрудником "Абвер2" в начале 1944 года занимались созданием на территории Румынии складов специального назначения. Уточните, что закладывалось в этих складах и с какой целью они создавались?

Ответ: В результате поражения Германии на Восточном фронте в зимнюю кампанию 1943-1944 гг. внутривосточное положение в Румынии, как военного союзника Германии, было неустойчивым. Становилось очевидным, что Антонеску поддерживается незначительным меньшинством. Немцы ожидали, что до момента перенесения театра военных действий на территорию Румынии, последняя попытается выйти из войны на стороне Германии.

Не знаю, из каких источников "Абверу-2" стало известно; что английские спецслужбы

"Интеллидженс сервис" и "Сикрет сервис" активизировали подрывную деятельность в Румынии против немцев и ведут свою работу в направлении подготовки переворота. В связи с этим "Абвер-2" прибегнул к активизации своей деятельности против Румынии, в частности этот орган скрытно от румынских властей занялся созданием на территории Румынии складов с оружием и формированием подпольных групп, которые в случае попытки Румынии выйти из войны подняли бы мятеж внутри страны.

Я, совместно с лейтенантами Понтером и Куртиусом, для организации складов был направлен в провинцию Мунтения. Для беспрепятственного разъезда по стране я был обеспечен удостоверением, в котором говорилось, что состою на службе в посольстве в должности дипкурьера...

Лично мною из Вены было доставлено в Румынию 600 автоматов и 12 ящиков боеприпасов к ним. К этому времени Понтером было оборудовано 3 склада, в которые и было заложено указанное оружие.

К маю части Красной Армии подошли к Румынии, в связи с чем "Абвер-2" занялся созданием на ее территории условий для работы диверсионных групп в случае отступления. Назначение заложенных складов изменилось. Они уже предназначались для вооружения диверсионных групп, которые будут действовать в Румынии после отступления немецких войск. В связи с этим склады были пополнены взрывчатыми и другими материалами. В три склада, дополнительно к находившемуся там оружию и боеприпасам, было заложено до 40 ящиков мин и тола, три ящика адских машин, а также радиостанции.

Вопрос: В каких пунктах был заложен каждый из названных вами складов?

Ответ: Один из складов был заложен примерно на 132 километре от Бухареста по шоссе на дороге, идущей в город Браилов; другой — северозападнее города Бузеу и третий в районе Роте Тормпас (Пасул Торну-Рошул), так называется место пересечения карпатских гор рекой Олт.

Сотрудники военной контрразведки проверили показания Бидермана и, убедившись в их правдивости, ночью изымают содержимое складов, оставив около них посты скрытого наблюдения. Чекисты обоснованно полагали, что рано или поздно к этим складам придут люди, которым было предназначено хранившееся там оружие и другое снаряжение. Они не ошиблись. Ночью с 19 на 20 ноября 1944 года к двум складам подошли какие-то лица. Однако, советские солдаты, охранявшие эти участки, раньше времени открыли стрельбу; завязалась перестрелка. Причем, как выяснилось во время боя, неизвестные имели охранение, которое с тыла начало стрелять по советским солдатам, в результате чего пришельцам удалось скрыться, а на месте боя остались только лопаты. Были основания предполагать, что люди, были из группы Петрашку и Шмидта.

Стало ясно, что после этого группа Петрашку и Шмидта к складам больше не подойдет, а станет изыскивать возможность связаться с немецким разведцентром через других немецких агентов-радиостов, находящихся в Румынии на нелегальном положении.

Чекисты решили направить Петрашку и Шмидта по ложному пути, подставив им под видом агента человека, преданного советским органам государственной безопасности.

151

В случае удачной подставы появилась бы возможность контролировать канал связи главарей немецкого и румынского подполья с их шефами в Германии, зная, какие задачи ставят перед фашистским подпольем в Румынии ставка главы имперской службы безопасности Кальтенбрунера и предательское марионеточное правительство Хориа-Сима. Периодическая отчетность руководителей перед своими шефами, согласование планов дальнейших действий позволили бы выявить основные силы подполья и под благовидным предлогом арестовать его активных членов. Чекисты приняли решение подставить Петрашку и Шмидту бывшего подпольщика, сотрудничавшего с советскими органами государственной безопасности, "Хельмута".

О "Хельмуте" было известно следующее. Приход фашистов к власти в Германии далеко не всеми немцами был встречен с энтузиазмом. Коммунисты вели непримиримую борьбу с национал-социалистами; много других честных немцев оказывали компартии посильную помощь. Но были и такие, которые, не желая иметь ничего общего с фашистами, эмигрировали в то время из Германии, в надежде избежать таким образом фашистских порядков. Однако пожар разрастающейся в Европе войны втягивал в нее все новые страны, и эмигранты вновь оказывались в орбите деятельности гитлеровских захватчиков. Так случилось и с гражданином Германии "Хельмутом". Он был женат на молдаванке, за что ему и его семье крепко досталось от бывших лавочников, сменивших свои кожаные штаны и шляпы с перьями на коричневые мундиры со свастикой на рукаве. Вечные проверки жены — не является ли она еврейкой, обвинения, что он портит

152

арийскую расу, переполнили чашу терпения "Хельмута" и, когда вслед ему стали раздаваться выкрики: "Раб сиона", "цыганский барон", "Хельмут" твердо решил уехать с семьей из Германии на родину жены. Так он оказался в Бессарабии. В 1940 году Бессарабия вошла в состав СССР и он на некоторое время оказался на советской территории. В то время, общаясь с советскими людьми, он понял, что нельзя оставаться нейтральным, необходимо действовать, бороться с той чудовищной идеологией, которую несли с собой фашистские орды.

И, когда началась Великая Отечественная война, "Хельмут" добровольно предложил свои услуги советской разведке. По заданию органов государственной безопасности он должен был остаться на оккупированной немцами территории,

вступить в немецкую армию, попытаться перейти на службу в одно из разведывательных подразделений, а затем, связавшись с советскими органами контрразведки, передавать интересующую чекистов информацию.

Задание "Хельмут" выполнил, за исключением последнего. Знание им румынского языка позволило ему занять пост офицера связи между немецкими и румынскими службами безопасности. Несколько раз он выезжал в Одессу, пытался войти в контакт с партизанами. Однако отсутствие пароля или других доказательств его принадлежности к советской разведке не позволило ему наладить контакт с чекистами, находящимися в подполье.

Для органов советской разведки ценность "Хельмута", сотрудника службы "СД", значительно повысилась после того, как части Красной Армии подошли к границам Румынии. Знание им местных обычаев, "усердная служба на

153

пользу Рейха", сделали свое дело. Он был назначен старшим группы немецких агентов, оставляемых нелегально в Румынии для ведения политической и военной разведки в тылу Красной Армии. На связь ему было передано четыре немецких агента: "Джика", "Иоган", "Том" и "Григориу". Все они были румынами и располагали довольно широкими возможностями для получения информации о положении в стране, вплоть до румынского королевского двора. "Хельмуту", как старшему, была вручена портативная, но достаточно сильная радиостанция, шифры и коды для связи с немецким разведывательным органом, дислоцировавшимся в тот период времени под Веной и имевшим условное наименование "Непомук".

Практически, "Хельмут" с переданными ему на связь агентами должен был выполнять задания немцев самостоятельно. Однако официально он подчинялся на территории Румынии подполковнику "СД" Ральфу Гуннеру, известному под псевдонимами "Боб", "Гергот", а для сообщений по радио позывным номером "62". Гуннер в прошлом был заместителем начальника немецкого разведывательного органа "Абверштелле-Бухарест". В конце августа 1944 года он был назначен резидентом всех немецких шпионских групп и агентов-одиночек, оставленных в тылу Красной Армии на территории Румынии. По условиям конспирации "Хельмут" не знал места нахождения Гуннера, однако изредка получал от него указания через связников.

Обо всем этом "Хельмут" рассказал на конспиративной встрече представителям советской военной контрразведки после того, как части Красной Армии вошли в столицу Румынии — Бухарест.

154

Три месяца "Хельмут" действовал по заданиям советских контрразведчиков. Находящиеся у него на связи агенты регулярно доставляли ему информацию. Два из них освещали обстановку среди подпольщиков-легионеров, третий собирал информацию о настроениях среди членов королевского двора, четвертый приносил известия, которые в конечном счете давали возможность сотрудникам советской контрразведки оценивать обстановку в слоях разношерстного по тому времени румынского общества.

Немалый интерес представляла также получаемая "Хельмутом" информация о положении в так называемых "исторических" национал-царанистской и либеральной партиях. По радиации немцам передавалось то, что считали выгодным советские чекисты.

Когда были получены известия о выброске в Румынию шпионско-диверсионных групп, на "Хельмута" чекистами была возложена задача попытаться стать головной, ведущей радиостанцией немецкой резидентуры и румынского националистического подполья "железнодорожников" в стране. Становилось ясным, что заброски нелегалов будут продолжаться, а их

деятельность может выйти из-под контроля советского командования.

Обстановка благоприятствовала выполнению возложенного на "Хельмута" задания. Агент "Том", поддерживающий постоянные контакты с подпольем "железнодорожников" в Бухаресте, сообщил "Хельмуту", что 24 ноября в румынскую столицу из Трансильвании прибыл переброшенный самолетом легионер, который по заданию Петрашку и Шмидта пытается разыскать надежный канал радиосвязи с Германией. "Том" узнал также, что о прибытии

155

указанного легионера в Бухарест и о переброске в Румынию групп Петрашку и Шмидта стало известно резиденту немецкой разведки Гуннеру. Со слов "Тома", Гуннер к указанному известию отнесся крайне нервно и раздражительно. Практически до последнего времени он безраздельно пользовался возможностями легионерского подполья в стране. Появление же новых руководителей с особыми полномочиями ограничивали деятельность Гуннера и, главное, его честолюбие было уязвлено. В лице Шмидта он увидел своего соперника, пытающегося подменить его на посту "главнокомандующего" подпольными силами.

Через легионера стало также известно, что Петрашку направил через фронт к шефам своего связника с просьбой доставить ему новые средства радиосвязи.

Полученные материалы требовали немедленных оперативных действий.

Во-первых, было решено через прибывающих к "Хельмуту" представителей Гуннера вызвать на встречу его самого. Если встреча состоится, вызвать у Гуннера еще большее сомнение в отношении миссии Шмидта, разжечь между ними неприязнь, а возможно и вражду.

Во-вторых, посоветовать Гуннеру запросить разведцентр и получить согласие на то, чтобы прибывающие нелегально из Германии диверсионные группы, до момента их легализации, не вступали по соображениям конспирации в контакт с ранее осевшим и легализовавшимся в Румынии подпольем легионеров.

Все это должно быть преподнесено под видом заботы о безопасности оставшихся в стране после прихода частей Красной Армии подпольных групп. На самом деле ставилась

156

задача не дать консолидироваться старым кадрам с вновь перебрасываемыми группами диверсантов, тем самым лишит врага возможности выступить единым фронтом. Было признано целесообразным, чтобы эту линию "Хельмут" через своих агентов провел среди легионерского подполья в Бухаресте. Оттуда мнение наверняка разойдется по другим вражеским группам в городах Брашове, Сибиу, Бузеу, Альба-Юлия, Тимишоара.

В-третьих, "Хельмут" должен был убедить Гуннера, предложить Шмидту и Петрашку свои возможности, как радиста, для связи с представителями немецкой разведки. Учитывая предвзятое отношение Гуннера к Шмидту, сотрудники советской контрразведки полагали, что он воспользуется возможностью контролировать действия своих "соперников" с помощью "Хельмута".

Все намеченное чекистами было выполнено.

После просьбы "Хельмута" о встрече, Гуннер вначале послал к нему своего помощника по резидентуре Липхарда по кличке "Жим". Последний, удостоверившись в отсутствии западни и выяснив в общих чертах причины, побудившие "Хельмута" искать личной встречи с шефом, доложил об этом Гуннеру.

Пятого декабря 1944 года эта встреча состоялась на конспиративной квартире "Хельмута". Гуннер пришел к нему в форме румынского сержанта с документами, выписанными на румынского подданного Болога.

После обмена паролем Гуннер сразу же приступил к деловой части встречи. "Хельмут" сумел тонко сыграть на честолюбии Гуннера, и тот начал высказывать

свое недовольство создавшимся положением. Рассказал, что он дважды

157

направлял в центр сообщения с просьбой вызвать его, Гуннера, в Германию для доклада руководству или отозвать Шмидта из Румынии.

Гуннер согласился с мнением "Хельмута" о нецелесообразности слияния старых сил подполья с вновь нелегально прибывающими в страну легионерами и в дальнейшем твердо стоял на этих позициях.

С третьим предложением "Хельмуту" не пришлось обращаться к Гуннеру, так как тот, оценив благожелательное к себе отношение "подчиненного", сам предложил возглавить ему всю основную радиосвязь с центром, в том числе и по линии переброшенных групп Петрашку и Шмидта.

Перед уходом Гуннер написал две телеграммы для передачи шефам в Германию.

"РСХА"

для отдела 6-Е — Вена.

Доложить немедленно начальнику группы, что мною взят на личную связь "54" (позывной "Хельмута" — автор) и работает по моим указаниям.

05, Брудер, 13, 16, 33, 02, 24, Генрих, Нахте и Верингер хорошо замаскированы и работают с нами. От "Титца" выехал курьер. "62".

"РСХА"

Мистеру Штрукку.

"Титц" (псевдоним Андреаса Шмидта — автор) занимается интригами против меня и против моей службы в обществе легионеров. Он пытается помешать моему вылету к вам с целью доклада. Прошу принять меры. "62".

Так началось тесное сотрудничество между "Хельмутом" и Гуннером. Прошло немало времени пока "Хельмуту" при активной помощи своего шефа удалось занять ключевые позиции

158

в основном канале радиосвязи с немецким разведцентром и ставкой Хориа-Сима. Немало трудов он затратит на то, чтобы выяснить фамилии агентов, которые скрывались под псевдонимами, указанными в первой телеграмме Гуннера. Благодаря кропотливой работе чекистов с "Хельмутом", тщательной отработке ему заданий и линии поведения, органы советской военной контрразведки получили весьма интересные материалы о деятельности вражеского подполья в Румынии.

Для того, чтобы более предметно представить себе объем получаемой от "Хельмута" информации, считаю возможным привести ряд полученных и переданных им радиogramм по линии связи Разведцентр — румынская резидентура и обратно.

"РСХА" 6-Е — Вена

"В Бухаресте задержан некий Дэнец, который сделал заявление, что был заброшен еще с тремя людьми с одного американского самолета, управляемого немецким пилотом.

Выброска в районе Сибу; самолет направлялся на Украину. При задержании у него нашли взрывчатые вещества и пароль к нам.

Просим, в будущем принципиально запретить такого рода выброски, потому что это угрожает всей нашей деятельности". "62".

"РСХА" 6-Е Мистеру Штрукку.

"В уезде Караи, при выброске была задержана группа из пяти человек. Старший Команчек, под нажимом дал полные показания не только в отношении своей группы, но и в отношении планов действий на этом пространстве.

В будущем было бы нецелесообразным посы-

159

лать с подобными заданиями людей, которых очень многие знают и которые в случае провала дадут показания, подобно вышеупомянутым". "Жим" (заместитель Гуннера — автор).

"РСХА" 6-Е Мистеру Штрунку.

"Установили связь с руководителем украинских националистов. Последний имеет контакт с украинскими националистами из Буковины. Оттуда связь поддерживается дальше. Упомянутые в состоянии поставить кадры для восстания...

Для дальнейшего сотрудничества просим точной ориентировки о ваших связях с украинскими националистами, откуда и какой характер они носят... Возможно ли получить средства для организации украинцев. Дайте директивы, в какой степени можно сотрудничать с ними". "62".

Из Вены — "Бобу".

1. Попытайтесь спасти из плена полковника Палиус-Ионеску и завербовать его для сотрудничества. Передайте ему привет от Угора, который находится сейчас у нас в Вене. Напомните Ионеску о его переговорах в прошлом с майором "СС" Губич и лейтенантом Фромм в Снагове. Ионеску знает прекрасно НКВД и имеет блестящие связи с интересными людьми в "ССИ". ("Румынская служба информации" в то время — автор).

2. Свяжитесь с Петер Гилл из Астра-Романия, проживает...(указывается адрес). Гилл может информировать о положении в нефтяной области и англичанах, а также представить возможности для укрывательства. Пароль для связи: "Привет от Фрица". "Мистер".

3. "Евген Георгу, проживает...(указывается адрес), обратиться к нему со словами: "Привет от друга по полку и кавалерийской школе Фран-

160

ца". Он в дружеских отношениях с Братиану. Кроме того, у него хорошие связи и он является германофилом. Друг его Франц находится в настоящее время в Вене." "Мистер".

"РСХА" 6-Е — Реннеру.

"Радеску держится пока на своей антикоммунистической позиции и продолжает поддерживать государственный авторитет вопреки всяким демонстрациям.

Связь легионеров с Радеску существует".

"РСХА" 6-Е — Штрунку.

"Русские начали переброску частей армии и материалов машинами на венгерский фронт. Отряды, расставленные мною, не имеют взрывчатых веществ и денег". "62".

Телеграммы, вроде последней, "Хельмут" по указаниям чекистов либо не передавал, либо запутывал при их зашифровке настолько, что понять их было невозможно. В ряде случаев в телеграммы, отправленные "Хельмутом" в центр немецкой разведки, включалась специально подготовленная дезинформация, по поводу предстоящих на фронте боевых действий частей Красной Армии.

Таким образом, с помощью агента "Хельмута" советским чекистам удавалось получать данные о немецких агентах, оставленных в тылу Красной Армии, а также выяснять, где и когда должны быть переброшены в Румынию новые диверсионно-шпионские группы противника. Это создавало возможности под благовидными предлогами задерживать выявленных шпионов.

Что же касается перебросок немецкими самолетами новых диверсантов, то, зная заранее

161

трассы их полетов, конечные точки выброски, не составляло особого труда сбивать эти самолеты нашими истребителями или зенитной артиллерией, а на конечных точках выброски диверсантов располагать на отдых "маршевые роты" и другие "случайно оказавшиеся поблизости" подразделения Красной Армии для их захвата.

Контроль радиообмена давал возможность получать обширную информацию о внутривнутриполитическом положении в Румынии, отношении к СССР и англо-

американцам различных слоев румынского общества. Особенно ценной была информация о намерениях и предпринимаемых шагах крупных владельцев собственности в Румынии. В какой-то степени это помогало советским представителям в Союзно-Контрольной Комиссии в Румынии правильно решать вопросы политического характера. Видимо, для читателя представят интерес телеграммы немецкого резидента Гуннера', из которых видно, как представители имущих кругов Румынии пытались спасти свое богатство или перевести свои капиталы на счета в нейтральные международные банки.

"РСХА" — 6-Е — Мистеру Штрукку.

"Союз крупных владельцев (помещиков) находится в переговорах с Америкой с целью получения займа в 200 миллиардов лей. В залог предлагаются крупные земельные владения. Стараются этим путем спастись от экспроприации.

Этой суммой можно уплатить часть военного долга России. Остальной долг будет также уплачен Америкой. Как залог Америка должна получить: нефть, леса, дельту Дуная и порт Констанцу.

Переговоры форсируются. Англичане и русские по-видимому недовольны". "62".

162

"РСХА" — 6-Е — Мистеру Штрукку.

"Согласно договоренности прошу перевести немедленно 5000 шведских крон на имя: Осмоциян, Грандотель, Стокгольм, для Дина.

Стокгольм, в случае получения, пусть телеграфирует сюда: "Дина здоров". Вышеуказанная сумма будет выплачена здесь в румынских леях". "62".

Нет нужды представлять все радиограммы, которые сотнями проходили с помощью "Хельмута" через руки сотрудников советской военной контрразведки. Из перехваченных сообщений делались выводы, принимались конкретные решения, результаты докладывались в Москву нашим партийным и государственным органам, советскому командованию.

Между тем отношения между Шмидтом и Гуннером удалось обострить настолько, что центр предложил Шмидту нелегально возвратиться в Германию. По договоренности с марионеткой немцев Хориа-Сима вместе со Шмидтом в Германию должен был прибыть заместитель руководителя подпольных сил легионеров, ближайший помощник Петрашку — Стойканеску.

В ходе операции возникли обстоятельства, в результате которых "Хельмут" мог быть расшифрован немцами как агент советской контрразведки. Произошло это так.

В последних числах января и начале февраля 1945 года Гуннера не было в Бухаресте. Из предыдущих радиограмм было известно, что он по указанию венского разведывательного центра изыскивает наиболее безопасные пути нелегальной переправы в Германию майора СС Шмидта и махрового националиста и друга Петрашку — Стойканеску.

163

Полученная чекистами информация давала основание полагать, что выезд Шмидта и Стойканеску связан с их докладом немецкой разведке и правительству Хориа-Сима о готовности подпольных сил к восстанию в тылу Советской Армии с целью установления в Румынии профашистской диктатуры. С другой стороны имелись серьезные опасения, что Шмидт и Стойканеску, согласовав в Германии сроки выступления, по возвращению в Румынию доложат о них Петрашку и Гуннеру и таким образом активизируют деятельность легионерского подполья и немецкой резидентуры. В связи с этим было принято решение арестовать Шмидта и Стойканеску. Однако во избежание провала "Хельмута" было признано целесообразным, после того, как он сообщит чекистам район перехода ими линии фронта, задержание провести на территории Венгрии при их подходе к боевым

позициям. Но обстановка сложилась так, как не предполагали военные контрразведчики.

8 февраля почти по всей Румынии была промозглая холодная погода. Днем дул леденящий, пронизывающий до костей ветер. К ночи он утих, однако мороз крепчал все больше и больше. Давно в этих южных районах не было такой низкой температуры.

"Хельмут" лег в постель довольно рано — половина второго ночи. Обычно в ночное время ему приходилось шифровать донесения, получаемые от Гуннера, Петрашку или Липхарда, а затем в первый сеанс радиосвязи, установленный ему центром с 4 до 4-30 утра передавать подготовленные сообщения.

Последние же три дня из-за отсутствия Гуннера телеграмм почти не поступало и "Хельмут" мог разрешить себе такой "непозволи-

164
тельный для военного времени" роскошный отдых. На спать ему не пришлось. В три часа ночи кто-то настойчиво застучал условным сигналом в окно. Через морозные узоры на стекле "Хельмут" увидел Гуннера в форме вольноопределяющегося румынской военной армии...

С первых минут появления Гуннера в квартире "Хельмут" понял, что случилось что-то необычное. Резидент был явно возбужден. Чувствовалось, что он торопился попасть на квартиру своего радиста. Щеки и уши у него побелели от мороза, руки казались скрюченными. Сам он весь дрожал от холода.

Как выяснилось позднее, почти двенадцать часов он добирался в открытых кузовах попутных машин до Бухареста, чтобы поспеть к сроку. В душе Гуннер проклинал себя за то, что надел на себя форму вольноопределяющегося, так как низкое звание не давало ему возможности воспользоваться более удобным и теплым местом на транспорте.

— Когда очередной сеанс, — хриплым, простуженным голосом спросил Гуннер "Хельмута". Получив ответ, он несмотря на то, что его трясло от холода, продиктовал и попросил срочно зашифровать и передать в центр немецкой разведки следующую телеграмму:

*"РСХА" — Раннеру" *. Молния.*

"Титц" и Стойканеску сегодня 9 февраля в 5.00 вылетают к вам из Брашова на румынском военном самолете "Хейнкель-129" № 214-С. Маскировка под румынских военнослужащих. "Титц" по документам Бырсан, Стойканеску — Руган. Из-за плохой погоды возможно сделают промежуточную посадку в Мишкольце.

* Кто скрывался под именем Раннера, установить не удалось.

165

Прошу передать радиостанции "Донау" и наземным станциям, что позывным самолета будет знак УА-2; "воскресенье" — означает посадку в Братиславе, "вторник" — посадка в Винернойидате. Перелет фронта в районе дислокации 4 румынской армии. Условные сигналы для зенитчиков: две красные ракеты и два колебания крыльями.

"Боб" снова возвратился в Бухарест". "62".

Шел четвертый час ночи. "Хельмут" в присутствии Гуннера шифровал телеграмму, а мысли его с лихорадочной быстротой перебирали различные выходы из создавшегося положения. Было ясно, что Гуннер останется в квартире по меньшей мере до утра. За это время самолет со Шмидтом и Стойканеску мог пересечь линию фронта. "Перепутать шифр" — думал "Хельмут" и тут же отказался от этой мысли. С одной стороны за его работой следили зоркие глаза Гуннера; с другой — самолет независимо от содержания телеграммы мог достичь немецкой территории.

Связаться срочно с чекистами? Невозможно! Из дома позвонить нельзя,

телефоны-автоматы во время войны не работали, да и Гуннер был начеку. И тогда "Хельмут" решился на рискованный шаг. После зашифровки до радиосеанса оставалось 15 минут. "Хельмут", делая вид, что очень удручен плохим состоянием шефа, помог снять ему обувь, стал растирать руки и лицо. Гуннер действительно чувствовал себя неважно: болела поясница, ноги и руки ломило от холода, щеки и уши не чувствовались. "Вам обязательно нужно растереться спиртом или цуйкой, шеф, — бросил "Хельмут", — иначе я не поручусь за исход дела. Смотрите, как бы не получить после вашей прогулки гангрену". "Ты

166

прав, мой друг", — ответил Гуннер и попросил поискать чего-либо из спиртного в квартире. "К сожалению", напитков не оказалось и сразу же после передачи указанной телеграммы "Хельмут" по просьбе Гуннера побежал в ночную "бодегу" (так назывались небольшие трактиры в Румынии) за цуйкой.

Находясь в передней, "Хельмут" быстро набросал записку на немецком языке с координатами самолета, временем вылета и где он намерен перелететь линию фронта. "На этом самолете немецкие офицеры пытаются удрать в Германию" — гласила последняя фраза записки. Он выскочил на улицу и побежал в надежде встретиться с русскими патрулями. Ему казалось, что прошло уже много времени, необходимо было возвращаться домой, а встретить кого-либо из русских "Хельмуту" не удалось. Он забежал в бодегу, которая уже закрывалась из-за отсутствия посетителей, где купил бутылку крепкого рома.

Оказавшись на улице, он вдруг увидел приближающийся к нему "Студебеккер" с номерными знаками частей Советской Армии. Он бросился к нему. Резко завизжали тормоза и чей-то повелительный голос закричал: "Тебе что, дураку, жизнь надоела!?" Перед "Хельмутом" стоял старшина Советской Армии. Коверкая русские и немецкие слова "Хельмут" торопливо заговорил: "Шнель, скорее, русская комендатур, этот папир отшень бистро нужен ваш официрен. Отшень бистро русский комендатур!"

Вложив записку в руки старшины, он бросился к своему дому. Раздеваясь, он взглянул на большие стенные часы, висевшие в передней. Прошло всего 15 минут с момента его ухода из квартиры. А двадцатью минутами

167

позже, то есть в 5 часов 30 минут утра советский комендант гор. Бухареста по "ВЧ" звонил в штаб 2-го Украинского фронта, передавая содержание столь загадочно попавшей к нему записки.

9 февраля 1945 года над венгерским городом Дебрецен появился "Хейнкель" с бортовым номером 214-С. Несмотря на предложения поднявшихся в воздух истребителей совершить посадку, он продолжал лететь в направлении линии фронта. Самолет был подбит истребителями, загорелся, однако сумел сесть. Шмидт и Стойканеску, получившие тяжелые ранения и ожоги, были помещены вначале как румынские военнослужащие в румынский госпиталь в Мишкольце, а затем, когда военной контрразведке стали известны подробности случившегося, переведены в госпиталь Советской Армии в Дебрецене, где находились под усиленным наблюдением. Летчику Маринеску, получившему небольшие ранения, удалось бежать из госпиталя.

Сведения о повреждении и посадке самолета дошли и до Гуннера через его агентуру, занимавшую ответственные посты в румынской армии.

14 февраля 1945 года из Бухареста в Вену была передана следующая радиограмма:

"Самолет с "Молдваном" (Шмидт) и Стойканеску сбит русскими. Оба ранены: переломы и ожоги. Находятся в румынском госпитале в Мишкольце. Выдали себя при активном участии военных властей за легионеров, пытавшихся бежать в Германию.

Летчику удалось скрыться.

Министр военных дел Негулеску после того, как ему стало известно о происшедшем, уполномочил своего представителя вылететь срочно в Мишкольц с тем, чтобы организовать исчезновение "Молдавана" и Стойканеску из госпиталя, из-

168

готовить фиктивные документы о смерти и погребении их. Документы затем доставить в Бухарест. Это делается с тем, чтобы скрыть следы участия в организации вылета указанных лиц со стороны румынских властей".

Через несколько дней находящийся у "Хельмута" на связи немецкий агент "Том" принес адресованное Гуннеру письмо от сбежавшего летчика Маринеску. В письме указывалось, что во время нахождения Маринеску в румынском госпитале, он узнал, что они были сбиты по приказу русских, которые утверждали, что в самолете летят немцы. Это и послужило основанием для побега Маринеску из румынского госпиталя перед тем, как Шмидт и Стойканеску были отправлены к русским в Дебрецен. Письмо "Хельмут" должен был передать по назначению.

Было ясно, что Гуннер и его агенты постараются выяснить причину провала перелета к немцам самолета, и в этой связи возникала реальная угроза расшифровки "Хельмута". После ряда колебаний чекисты решили: письмо "Хельмут" передаст Гуннеру лично. Сам факт его передачи, беспокойство "Хельмута" в связи с создавшейся обстановкой, высказанные им опасения в отношении безопасности Гуннера и его лично, в какой-то степени должны отвести от него подозрения. Помимо этого "Хельмут" должен был предупредить Гуннера, чтобы последний временно не появлялся у него на квартире по соображениям безопасности.

Это предупреждение "Хельмута" должно быть построено на том, что Стойканеску, как близкий друг Петрашку, может знать, где примерно находится агентурная радиостанция и на следствии рассказать об этом.

169

Одновременно предполагалось в районе брашовского аэродрома распустить слух, что Шмидт, являвшийся в прошлом руководителем этнической группы немцев в Румынии, был опознан кем-то из обслуживающего аэродром персонала. В конце концов это станет известно организаторам нелегального вылета Шмидта и Стойканеску, а следовательно и руководителям легионерского подполья и немецкой резидентуры. Подозрения с "Хельмута" будут сняты.

Так и случилось. Первое время Гуннер не встречался с "Хельмутом" по его просьбе, а через несколько дней через связного передал текст радиограммы, из которой усматривалось, что "Хельмут" вне подозрений.

"РСХА" — 6-Е — Штрукку.

"Молдован" и Стойканеску переведены в русский госпиталь в Дебрецене. Полет стал известен из-за оплошности "Молдавана" на аэродроме, поэтому поступил приказ сбить самолет. Русские пытаются установить их как немцев. Только что прибыл "Жим". Он сообщил, что попытки спасения безуспешны. Опасаемся серьезных последствий. Дайте директиву". "62".

Центр поспешил ответить следующей радиограммой:

"Бобу"

"По приказу верховного "Бобу" надлежит оставаться до нового распоряжения в Бухаресте и принять на себя командование. Единственный путь передачи приказов от здешнего легионерского командования к командованию на местах — через "Боба". Принципиальный приказ относительно все» проблем будет вскоре дан.

Немедленно направьте доверенных людей во все круги с целью получения информации относи-

170

тельно конференции трех держав. Для немецкого управления ее результаты имеют колоссальное значение. В особенности широко используйте своих людей, работающих в окружении короля и англо-американцев.

В связи с падением "Гитца" примите все меры обеспечения безопасности. Не падайте духом, будем надеяться на их стойкость и выдержку. Клаус и Тристан* очень довольны вашей работой. Относительно перевода денег следует завтра подробное сообщение.

Срочно сообщите представления для наград "Железным крестом" и "Немецким крестом". "Раннер".

Напрасно немецкие руководители разведки строили иллюзии в отношении стойкости и выдержки своих кадров. Только на первом допросе Шмидт произнес высокопарную фразу вроде того, что "честь немецкого офицера не позволяет ему выдавать секреты", а затем, опасаясь за свою судьбу, сообщил данные, которые представляли несомненный интерес для советского военного командования.

Из показаний Шмидта явствовало, что женившись в 1941 году на дочери командующего войсками "СС" Германии генерала Бергера, он получил через своего тестя доступ к Гиммлеру и пользовался покровительством и доверием последнего.

В августе 1944 года Шмидт, получив данные о намерении Румынии выйти из войны, немедленно выехал в Берлин, где трижды был принят Гиммером и дважды Риббентропом.

Далее на следствии Шмидт показал:

* Полагаем, что за этими псевдонимами скрывались фамилии Гиммлера, Кальтенбрунера.

171

"...В ноябре 1944 года по личному указанию Гиммлера и Риббентропа я был переброшен в Румынию с заданием связаться с легионерским подпольем и через них организовать вооруженное выступление против Красной Армии, а также диверсионную и разведывательную работу в тылу советских войск. Одновременно Риббентропом я был назначен уполномоченным министерства иностранных дел Германии по делам Румынии.

Находясь на нелегальном положении в Румынии, я был связан с руководителями легионерского подполья Петрашку, Стойканеску и другими, совместно с которыми вел подготовку легионеров к вооруженному выступлению.

В конце января 1945 года меня, как эмиссара Гиммлера, Петрашку и Стойканеску информировали о том, что обстановка в Румынии благоприятствует выступлению легионеров, их организация быстро восстанавливается и имеет сторонников в правительственных и военных кругах, которые готовы поддержать вооруженное выступление против Красной Армии".

Вопрос: Кто Вам известен из участников подготовляемого заговора?

Ответ: Лично мне и со слов Петрашку известны следующие участники заговора:

— генерал Аврамеску — командующий 4-й румынской армией;

— корпусной генерал Драгалина — генеральный инспектор мотомеханизированных войск военного министерства Румынии;

— генерал Алдя — бывший министр внутренних дел правительства Антонеску.

Шмидт также показал, что он и руководитель железногвардейцев рассчитывали на поддержку выступления легионеров премьер-министром Радеску, военным министром Негулес-

172

ку, министром внутренних дел Пенеску, лидерами национал-царанистской и либеральной партий Маниу и Братиану, начальником сигуранцы ("служба безопасности") Станеску, начальниками гарнизонов в Бухаресте, Сибиу, Брашове

и Крайове, а также реакционно настроенной частью офицеров румынской армии.

Этот протокол допроса заканчивался следующими словами Шмидта: "Считая обстановку в Румынии и проведенную подготовительную работу к активным действиям легионеров достаточной, а также учитывая наличие в числе участников заговора ряда генералов румынской армии и поддержку со стороны некоторых министров, я, как это было обусловлено с Гиммлером, решил пробраться в Германию для доклада ему о готовности и получения указаний. С этой же целью для доклада Хориа-Сима намерен был пробраться в Германию и Стойканеску".

Сотрудники советской войной контрразведки шаг за шагом разматывали клубок заговора осуществление которого ввергло бы румынский и другие народы в новую бездну несчастий, кровопролития и других ужасов войны. Правда, кое-что, в частности фамилии генералов — участников заговора, были известны советским чекистам еще до Шмидта.

Генерал Аврамеску неоднократно фигурировал в радиограммах, направляемых с помощью "Хельмута" Гуннером и Липхардом в адрес руководителей Венского разведцентра РСХА.

Из этих радиогрaмм можно было сделать определенные выводы. Так, в сообщении, отправленном Гуннером Штунку 18 января 1945 года, было следующее:

"...13 января был у Аврамеску в полосе военных операций. До этого через баронессу Струдза

173

узнал, что Аврамеску возможно будет удален из армии. Это еще окончательно не решено. Если так, то потеряем невероятные шансы, потому что он был согласен на все. Позиция его у советских властей, кажется, не пошатнулась". "62".

"РСХА" — 6-Е — Раннеру

"Генерал Аврамеску повышен в чине до генерала армии. Занимает пост командующего 4-й румынской армией. Завтра отправляется в оперативную зону. Отношение Аврамеску к нам превосходное. Он расположен на всякое сотрудничество с нами. По просьбе легионеров пошел на фронт, но обещает, если это потребуется, взять на себя и политическое задание. Имеем с Аврамеску тесную связь через постоянного связного". "62".

Безусловно, такая информация, заставляла чекистов весьма зорко следить за поведением Аврамеску и по согласованию с командованием и политорганами Советской Армии негласно контролировать его действия.

Конечно, не только мы наблюдали за развитием политических событий в Румынии и других Балканских странах в тот период времени. Свои цели преследовали и представители разведок Соединенных Штатов Америки и Англии.

Они располагали достаточно хорошими источниками информации. Не вся она попадала к русским союзникам. Многие, конечно, скрывалось. Однако порой, когда дело касалось серьезных вопросов, связанных с возможными успехами или неудачами на советско-германском фронте, союзники вынуждены были передавать нам отдельные данные.

Так было и с информацией о генерале Аврамеску.

174

В начале января 1945 года начальник Управления Стратегических Служб США (УСС)* генерал Донован, через представителя американской военной миссии в СССР генерала Дина направил в советские круги официальное письмо, в котором предупреждал о возможной измене союзным войскам генерала Аврамеску. Вот подлинное содержание письма.

"Управление Стратегических Служб", Вашингтон

"В начале ноября 1944 года немцы получили сведения, что генерал Аврамеску, главнокомандующий 4-й румынской армией, предполагает перейти на сторону немцев и привести с собой часть армии. Говорят, что он уже один раз, в начале ноября, неудачно пытался перебраться к немцам через линию фронта со своим семейством. Стремясь к осуществлению этого плана, немцы организовали встречи между их военными представителями, лидером "Железной гвардии" Хориа-Сима и князем Стурдза, зятем генерала Аврамеску...

В соответствии с этим Хориа-Сима в сопровождении полковника Штейнгаузера прибыл в расположение германской южной армейской группы в начале ноября и встретился с генералом фон Грольманом и генерал-полковником Фриснером, командующим армейской группой. Было решено, что для координации всех операций в Румынии необходимо создать центральное командование, аналогичное уже существующему политическому...

Позднее Хориа-Сима встретился с князем Стурдза и немцами в Будапеште. На этом свидании князь Стурдза заявил, что генерал Аврамеску

* Так называлась в годы войны американская разведка. В 1947 году УСС была реорганизована в ЦРУ (Центральное разведывательное управление США).

175

не в состоянии будет привести с собой какую-либо часть своей армии и возьмет с собой только свою семью..."

В сообщении американской разведки настораживала фраза о решении немцев создать командование по Румынии. Поэтому одной из версий, намеченных советскими чекистами, было предположение, что подготовленность подпольных сил к выступлению против Красной Армии оказалась на такой стадии, что немцы пришли к выводу о необходимости создания по Румынии специальной группы командования.

Таким образом, накопленная советскими органами государственной безопасности информация свидетельствовала о том, что генерал Аврамеску является одним из активных участников заговора, а его пребывание на посту командующего румынской армией на советско-германском фронте чревато серьезными последствиями.

Когда же поступило письмо из УСС США, и немецкий разведчик Шмидт дал откровенные показания, было решено попытаться отстранить Аврамеску, Драгалина и других от занимаемых ими командных должностей и лишить их тем самым возможность использовать отдельные подразделения румынской армии для поддержки готовящегося легионерским подпольем мятежа.

Учитывая известное чекистам ошибочное мнение представителей легионерского подполья и немецкой резидентуры о том, что Аврамеску пользуется доверием у русского командования, было решено, через Союзно-Контрольную Комиссию по Румынии отозвать его с фронта в Бухарест якобы для рассмотрения его кандидатуры на один из ответственных постов в воен-

176

ном министерстве Румынии. За это время собрать дополнительные материалы о его предательской деятельности, и в конце концов вывести из игры.

Аврамеску заранее был предупрежден о возможном его вызове в Бухарест на переговоры по поводу его повышения в должности. Этот факт, через связника немедленно стал известен немецкому резиденту Гуннеру. В Венский центр полетела радиграмма:

"РСХА" — 6-Е — Штрукку

"Срочно передайте эту телеграмму Хориа-Сима. Аврамеску отзывают с фронта,

чтобы он вошел в правительство как министр военных дел. Наши шансы на успех повышаются". "62".

Видимо, сообщение Гуннера произвело в немецкой ставке ошеломляющее впечатление. Новый пост генерала Аврамеску открывал и новые перспективы заговора.

Было ясно, что как только Аврамеску "возглавит" вооруженные силы, немцы и их лакей Хориа-Сима попытаются, приступить к активным боевым действиям в тылу Советской Армии. Их стремление ясно просматривалось в директивной радиোগрамме, переданной 10 марта 1945 года центром германской разведки в Вене, находящемуся на нелегальном положении в Румынии Петрашку.

Радиোগрамма была принята агентом "Хельмутом". Ее текст попал в руки советской контрразведки.

"Бобу"

"Нижеследующий текст, подписанный лично лидером "Железной гвардии" Хориа-Сима, срочно передайте Петрашку.

177

"В результате переговоров с германскими кругами передаю следующие директивы:

1. В последующем не предпринимайте отдельных актов саботажа, однако проведите все подготовительные мероприятия с таким расчетом, чтобы в нужный момент они могли быть проведены одновременно с максимальным успехом.

2. Движение железногвардейцев должно функционировать пока только нелегально. Ни при каких обстоятельствах не выступите сейчас открыто, даже в письменной пропаганде.

3. Склады и места укрытия сделайте по возможности небольшими с тем, чтобы они не привлекали внимания. Они должны стать для будущих действий сборными пунктами.

4. Боевые группы по возможности должны оставаться в рамках местных организаций и быть хорошо замаскированы как в городе, так и в сельской местности. В то же время они должны быть так организованы, чтобы ими в нужный момент было легко руководить.

5. Конечная цель — противоположность 23-му августа 1944 года.*

6. Установите надежную связь с румынскими дивизиями на фронте, для этого создайте отдельную организацию. Армия не должна допускать того, чтобы ее бессмысленно уничтожали, а должна переходить к немцам. В случае немецкого наступления армия должна поднять оружие против Советов. Между фронтом и тылом должна быть организована постоянная служба связи.

7. Вполне ясно, что проанглийские круги попытаются использовать наше движение, как маскировку для давления на русских..., но именно поэтому ни в коем случае не упускайте инициативу из своих рук.

** День освобождения Румынии от фашистской диктатуры.*

178

8. Момент, когда будет начата наша заключительная операция, будет указан нами отсюда и определяться ходом событий у вас. Хориа-Сима." "Мистер Штрунк".

Однако усилия немецкой разведки по подготовке восстания оказались напрасными.

Операция "Приятели" близилась к завершению. Чекисты установили большинство подпольных групп, действовавших в тылу Советской Армии на территории Румынии, местонахождение тайных складов оружия.

Органам контрразведки были известны наиболее активные легионеры, переброшенные нелегально из Германии на территорию Румынии, а также немецкие агенты и разведчики, действовавшие в составе резидентуры немецкой разведки. Все они находились в поле зрения чекистов.

Обстановка требовала нанести решающий удар по вражескому подполью и полностью его ликвидировать. Выбор момента для этого определялся рядом обстоятельств: во-первых, немецкая разведка могла в ближайшее время дать команду подпольным группам поднять вооруженный мятеж в тылу Советской Армии на территории Румынии; во-вторых, проанглийские и проамериканские круги в румынском правительстве могли опереться на подпольные группы в борьбе с развивающимся демократическим движением в стране и прежде всего с Коммунистической партией Румынии, что осложняло бы их борьбу за установление в Румынии демократического строя. У нас были основания так думать.

Органами советской разведки через агентуру были получены данные о том, что английская "Интеллидженс сервис" предпринимает попытки установить контакт с легионерским

179

подпольем в Румынии. Разведчик Гибсон, находясь в составе английской миссии в Румынии, в середине декабря 1944 года в гостинице "Атено Палас" Бухареста, имел первую встречу с представителями командования легионерского подполья. В январе 1945 года переговоры между руководством легионеров и Гибсоном были продолжены, местом их второй конспиративной встречи был физкультурный зал дворца общества "Мика". В дальнейшем встречи стали регулярными. В марте 1945 года Гибсон призывал легионерское подполье совместно с "историческими" — национал-царанистской и либеральной партиями протестовать против пришедшего к власти демократического правительства Петру Гроза. Различного рода манифестации, собрания, афиши, листовки, по мнению Гибсона, дали бы ему возможность докладывать английскому правительству, что "румынский народ не поддерживает и настроен против нового демократического правительства".

И все это происходило тогда, когда еще шла война с фашистской Германией, а солдаты армий антигитлеровской коалиции проливали кровь ради мира и счастья на земле.

Нужно было пресечь подготавливаемое немецко-фашистской разведкой на территории Румынии вооруженное выступление. И это было сделано. Органы советской военной контрразведки одновременно арестовали большинство известных руководителей подпольных групп, разведчиков и агентов немецко-фашистской разведки, ликвидировали склады оружия.

Организованное вражеское подполье, действовавшее против Советского Союза и демократических сил Румынии прекратило свое существование.

А что же произошло с Аврамеску? Судьба

180

трагически посмеялась над ним! Человек, который так долго и преданно служил немцам и на которого возлагали большие надежды руководители третьего рейха, погиб, как это ни парадоксально, от немецкого оружия.

На рассвете третьего марта 1945 года Аврамеску, в сопровождении заместителя начальника штаба 4-й румынской армии бригадного генерала Драгомира, выезжал в Бухарест для получения нового назначения. Настроение его было прекрасным. Впереди ждали приятные перспективы. В мыслях он уже рисовал себе картины своего будущего, но никак не предполагал, что судьба его решится значительно быстрее.

В шести километрах восточнее венгерского местечка Ястберень его автомашина была атакована немецким штурмовиком-бомбардировщиком, по всей вероятности, вышедшим на "свободную охоту".

Первая же очередь, выпущенная из пикирующего немецкого самолета, попала в цель. Аврамеску был убит наповал, в сердце, крупнокалиберной пулей. Убийца пережил свою жертву на десять минут. Озверевший фашистский летчик, вслед за

машиной, атаковал санитарный поезд в районе местечка Тиссафгоред и поджег несколько вагонов. Однако, возмездие наступило тут же. Советской зенитной батареей он был сбит и сгорел...

Гуннеру, имевшему широкий круг информаторов, удалось узнать о начавшихся арестах и скрыться из Бухареста. Не подозревая, что "Хельмут" является агентом советской контрразведки, он приказал ему также сменить место своего нелегального укрытия. Интересы дела требовали продолжения "игры" с немецкой разведкой, и по заданию чекистов "Хельмут" выполнил указание своего шефа. Хотя связь с

181

ним Гуннер поддерживал через оставшегося на свободе курьера, "Хельмуту" все же удавалось получать данные, чем занимается этот матерый немецкий разведчик. На предпринять что-либо серьезное Гуннер уже не мог: почти перестала поступать информация и указания из немецкого разведцентра. Война шла к концу. Многие столицы Европы, в том числе и Вена были освобождены советскими войсками.

Немецкий разведцентр РСХА прекратил свое существование. Только изредка до "Хельмута" доходили радиogramмы уже из самой Германии. В передачах не было чего-либо конкретного. Шли они как бы по инерции и носили общий декларативный характер.

Вот одна из таких радиogramм, отправленных из Германии 26 апреля 1945 года:

"Бобу"

"Радио "Донау" просит направить материал для очередных передач. Просим распространять слухи, что фюрер в Берлине. Следите с особым вниманием за тенденциями Советского Союза по отношению к Румынии, а также за отношением агло-американцев к этому вопросу и русским".

Подписал радиogramму уже не Штрукк, а некий, видимо, еще не пойманный союзниками "Дикер".

Остатки подполья еще продолжали существовать. Только надежда теперь была уже на то, чтобы с помощью англичан и американцев не допустить установления в Румынии демократического строя.

В самом конце войны 1 мая 1945 года через рацию "Хельмута" в адрес Петрашку, находившегося еще на свободе, прошла радиogramма от Хориа-Сима, которая насторожила советских чекистов.

182

Можно было понять, что Хориа-Сима не терял времени даром, пытаясь пересечь с тонущего германского корабля на другое, более устойчивое — английское судно. Чувствовалось, что кое-какие практические шаги ему удалось сделать.

"Новое положение не меняет нашей позиции, стоим твердо. Никакого сомнения в успехах. Победа будет за нами. Крестьянская борьба является важной и с европейской точки зрения. Англичане желают иметь наших радистов. Целесообразно удовлетворить, но дать только надежных людей".

Это была уже попытка разведки англичан воспользоваться силами румынского подполья и сорвать установление подлинно демократического строя в стране. Старая английская империалистическая тактика "загрести жар чужими руками..."

Американская разведка также не отставала. Только они, предпринимая попытки создать на Балканах свою шпионскую сеть, предпочли воспользоваться услугами немецких шпионов, входящих в резидентуру Гуннера.

7 мая 1945 года "Хельмут" по радио получил из немецкого разведцентра

приказание вызвать к себе на квартиру для радиопереговоров Гуннера, а 8 и 9 мая на его имя пришли два следующих сообщения:

1. *"В результате изменения положения хозяин старается войти в контакт с американцами для совместной работы по организации сопротивления в Румынии. Это сделано с согласия Хориа-Сима. Если получите телеграммы от хозяина, знайте, что они выходят под американским контролем. Нелегально сообщения хозяина будут подписаны "Гигант". Задача теперь состоит в том, чтобы ты выступал против Советского*

183

Союза, а не против англо-американцев. Таким путем надеемся удержать и продолжать работу. Фиорелла".

2. *"Наше место работы уже занято американцами. Пробуем, как уже нами сообщено, выполнять нашу работу с ними. Нуждаемся срочно в материалах, которые интересуют англо-американцев. Для работы стараемся создать здесь нелегальный центр.*

Сообщаю новый позывной для нелегальных телеграмм: КЮ-Р-В. "Гигант".

Гуннер сидел в кресле с закрытыми глазами, а по его щекам медленно текли слезы. Впервые "Хельмут" видел своего шефа в таком скорбном состоянии. Выпить он отказался. Затем, собрав свою волю, встал, несколько раз прошелся по комнате, видимо, обдумывая дальнейшее решение. На полу валялась раздавленная кем-то оса. Он поднял ее и, пытаясь расправить смятые крылья, ни к кому не обращаясь, произнес:

"Все живое тянется к цели, но не все живое ее достигает. Ты маленький хищник! Ты тоже к чему-то стремился, а сейчас ты растоптан и своей былой красоты не восстановишь..."

Затем он резко повернулся к "Хельмуту" и, не стесняясь вновь выступивших на его глазах слез, заговорил:

"Я был и остался германским солдатом. Выполняя приказ, воевал против русских. Теперь всем ясно, что Гитлер был не прав, затеяв войну против русских. Но помни мои слова, Хельмут, русские — более великодушная нация, чем другие. Я уверен, что существование немцев и Германии зависит только от Советского Союза. А англичане?! Были и оста-

184

лись нашими врагами! Ты можешь поступать как хочешь, а я с англичанами и американцами против русских работать не буду".

Он обнял "Хельмута", несколько секунд постоял молча и, не сказав больше ничего, вышел из дома...

На улицах и площадях Бухареста царил всеобщее ликование. Был первый день мира, день победы! Толпы радостных людей поздравляли друг друга, гремела музыка, качали советских и румынских солдат и офицеров. И только один человек медленно и безучастно шел по улицам города. На улице "Круче де пятру" он зашел в один из частных пансионатов, славившихся в то время наличием в них разнообразных представительниц слабого пола. Однако ничего, кроме комнаты, его не интересовало. В течение суток странный жилец не выходил из нее, а когда с помощью полиции была взломана дверь, его нашли мертвым, лежащим на полу около кровати. На губах были осколки ампулы из-под цианистого калия.

Так закончил свою жизнь резидент немецкой разведки подполковник "СД" Ральф Гуннер.

Через 25 дней, 4 июня 1945 года представители американской разведки почему-то самостоятельно решили связаться с немецкой резидентурой в Бухаресте.

На рацию "Хельмута" была передана следующая радиограмма:

"После удаления всех препятствий восстанавливайте нормальную связь". Однако в заголовке радиogramмы не было указано, как делали это немецкие разведчики, количество передаваемых шифровальных групп, отсутствовал псевдоним получателя, не было подписи отправителя. Передачу на ключе производил неизвестный "Хельмуту" по радиопочерку радист.

185

По указанию чекистов "Хельмут" ответил на радиogramму, запросив при этом соблюдения всех старых формальностей. На следующий день неизвестный радист сообщил:

"Из-за технических и других причин связь прерываем до 9 июня".

Из материалов, поступивших в органы советской контрразведки было видно, что ни эмигрантские представители "железнодорожников", ни внутренняя реакция и подпольные силы в стране не собирались складывать оружие. Позднее, главарь румынских фашистов-железнодорожников Хория-Сима вместе с лидером бельгийских гитлеровцев — генералом СС Дегреллем и главарем югославских усташей Павеличем войдут в состав так называемого Мадридского бюро Е.С.Д. ("Европейское социальное движение"), руководимого известным всему миру фашистским разведчиком Скорцени. Эта организация пыталась координировать деятельность оставшейся в подполье в разных странах фашистской агентуры, а также влиять на отдельных политиков и идеологов буржуазной реакции.

В 1945 году на территории Румынии также шла перегруппировка враждебных сил. Оставшиеся подпольные группы железнодорожников и других антинародных сил пытались объединиться в единую террористическую организацию, "Движение национального сопротивления", имевшую кодовое наименование МНР. Целью его была дезорганизация экономического восстановления народного хозяйства Румынии, спровоцирование беспорядков, кровавых столкновений между румынами и другими национальностями, возникновения на этой основе гражданской войны и создания повода для вме-

186

шательства капиталистических держав во внутренние дела Румынии.

Удивительно, что главную роль в создании этой организации играл известный уже читателям бывший министр внутренних дел правительства Антонеску — генерал Алдя. Он развил весьма бурную деятельность по консолидации разрозненных вражеских сил на единой политической платформе.

Опираясь на легионеров, Алдя в первую очередь постарался наладить контакт с подпольем, финансируемым национал-царанистской партией. В частности, с такими конспиративными националистическими организациями, как "Гайдуки Авраама Янку", "Дивизия черных сермяг", во главе которых стояли офицеры из отряда имени Юлиу Маниу.

Наряду с этим была предпринята попытка объединения с профашистской группой Елены Бесарабяну, военизированной подпольной организацией "Голос крови", руководимой генералом Радеску и другими. Если бы это удалось, неизвестно сколько крови было бы еще пролито...

Невольно ловлю себя на мысли:

— "Нет ли повторения прошлого на Балканах сейчас, когда распался основной гарант мира — Союз Советских Социалистических Республик?"

КАДРЫ

Что из себя представляли чекисты времен революции и гражданской войны, сужу по отцу с матерью. В основном это были преданные народу, самоотверженные и глубоко бескорыстные люди. Век их оказался недолог. Многие

погибли в борьбе с контрреволюцией, белой армией, махновцами, антоновцами, басмачами. Немало скончалось от чохотки, тифа, рака, параличей, которые они приобрели от непосильных перегрузок. А тот, кто остался жив и здоров с появлением культа И.В.Сталина, либо "перестроился" (и такие были), либо отходил от государственных дел, либо как член какой-нибудь "антисоветской, вредительской, террористической, диверсионной организации, или агент английской, немецкой, польской, французской, американской, турецкой, японской разведок" навсегда исчезал.

На смену им шли бездумные исполнители. Ягода, Ежов, Берия, Меркулов — бывшие руководители госбезопасности, требовали от своих подчиненных беспрекословного исполнения и кадровый состав НКВД — НКГБ, в основном, был подобран угодливый, готовый отличиться даже на кровавых делах. Говорили, что между отделами шло негласное соревнование: кто больше арестует, посадит или расстреляет.

В органах было более высокое материальное и финансовое обеспечение, а командовать и допрашивать, — это не пахать, сеять, строить, вот и втерлось сюда немало прихлебателей.

Таких сотрудников, к своему приходу в Министерство госбезопасности не застал. Хотя некоторые еще и тогда сохранились на среднем и высшем уровнях.

Серьезное, и, я бы сказал, более справедливое и толковое пополнение пришло в органы после войны. Эти люди, фронтовики, сохранившие верность и преданность настоящим общечеловеческим идеалам, пытались как-то повлиять на установившейся в стране и МГБ режим. Но, к сожалению, это были действия одиночек, которые

решительно подавлялись государственной верхушкой. Поэтому никакой революции "снизу" не произошло. Пытался что-то преобразовать бывший второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), фронтовик-блокадник Кузнецов. Сталин взял его на работу в ЦК ВКП(б) и назначил куратором правоохранительных органов страны. Хватило его на несколько месяцев, а затем он был расстрелян вместе с ленинградскими "врагами народа".

Обстановка в госбезопасности не изменилось даже во времена "хрущевской оттепели". Наоборот! Партийная элита решила крепче привязать к себе этот грозный орган. На руководящие посты, теперь уже КГБ, назначались видные партийные и комсомольские деятели: Шелепин, Семичастный, Андропов, Чебриков, Крючков. За ними тянулись десятки партийных и комсомольских работников рангом ниже на должности заместителей или начальников управлений: Пирожков, Агеев, Гоцеридзе, Цинев, Волков, Алидин, Карпещенко, Светличный, Тупченко, Лаптев... Они создавали угодный партийной верхушке режим и, в конце концов, добились, того что в положении об органах госбезопасности говорилось: "КГБ — это инструмент КПСС"

Во времена Брежнева вместо подбора кадров по деловым качествам, возобладали родственные связи или по принципу личной преданности. Видимо так было надежней! А то не дай бог вновь возникнет антипартийная группа, как в 1957 году, или неуправляемые лидеры, типа Горбачева, Ельцина.

В правоохранительные органы были направлены личные друзья Брежнева. В КГБ — Цвигун и Цинев, в МВД — Щелоков и зять —

Чурбанов. Кстати во внешней торговле хозяйствовал всю жизнь сын, Юрий Брежнев, в черной металлургии — брат Яков и т.д.

И так везде! В органах КГБ, особенно во внешней разведке, собралось сынков отцов именитых видимо-невидимо! Появились клановость и своеобразное

соперничество между ними. Что же делали в это время руководители и сотрудники КГБ — чистые профессионалы?

Тех, кто критически оценивал обстановку и имел свое собственное мнение, под различными предлогами, подчас надуманными, увольняли с работы. Именно так были убраны из КГБ Евгений Петрович и Олег Михайлович, возглавлявшие контрразведку нашей страны в особо критическое время, когда США активно задействовали принятую на вооружение военно-политическую стратегию "отбрасывания коммунизма".

Другая часть сотрудников, видя все эти перекосы, как только могла, потихоньку противилась им.

В этой связи мне вспоминается особый случай, о котором уже упоминал несколько лет назад в "Литературной газете" писатель Ваксберг. В мае 1981 года, в Сочи было намечено совещание органов МВД СССР о работе на курортах и в местах отдыха трудящихся.

От КГБ на совещание был делегирован я. Перед выездом со мной встретился Заместитель Генерального Прокурора СССР Виктор Васильевич Найденов. Состоялся примерно следующий разговор:

— Вадим Николаевич! Я надеюсь на Вас, как фронтовика. Поможете ли вы мне в трудную минуту?

— Виктор Васильевич! Много раз убеждался в Вашей непримиримости к недостат-

190

кам и готов сделать все, чтобы оказать Вам содействие!

— Меня обязали, как и Вас, выступить на совещании в Сочи. Но вот какая оказия. На моем столе лежат три ордера на арест сочинских руководителей, в том числе и их милицейского начальника. Через своих московских покровителей они наверняка знают об этом. Боюсь, что во время совещания могут организовать против меня провокацию и тогда будет очень трудно санкционировать их аресты. Надежда на Вас! Поддержите...

И я, конечно, помог. Нарушив инструкции, слежку из Сочинского КГБ направил за Найденовым с задачей его охраны и предупреждения каких либо провокаций.

Агентурные и доверительные возможности местных органов КГБ я использовал для получения дополнительной информации. Все шло нормально, совещание двигалось к концу. Но... настораживало одно обстоятельство. По окончании совещания решили устроить банкет, на который подготовили подозрительный список приглашенных. Помимо Найденова там оказались то ли каратисты, то ли боксеры и самбисты, которые никакого отношения к совещанию не имели. Зато сотрудников КГБ, в том числе и выступавшего на совещании московского представителя, на банкет не приглашали. Создавалась довольно-таки пикантная ситуация. Предлога для отказа у Найденова не было. Вечер оставался свободным, самолет улетал только на следующий день и Найденов оказывался один на один со своими недоброжелателями.

Все таки предлог был найден. Срочно позвонив в Гагру, где начальником КГБ был мой хороший знакомый Александр Хуцишвили, я

191

попросил его направить в Сочи шифрограмму о необходимости прокурорской и чекистской проверки подготовки Абхазской АССР к празднованию своего шестидесятилетия, которое должно было состояться в ближайшее время.

Превысив свои полномочия и показав местным властям шифровку, я "насильно" увез Виктора Васильевича с банкета в Гагру, а из нее мы благополучно прибыли в Москву.

Кстати, с санкции Найденова аресты сочинских преступников состоялись!

Зато вскоре, без каких либо оснований, просто личным письменным распоряжением Брежнева, Найденов был снят с должности. Таковы были в то время справедливость и законность!

К большому сожалению, нашлось немало сотрудников КГБ, которые подобно "чекистам" тридцатых годов, впитали в себя черты угодливости, чиновничества и бездумного исполнения указаний сверху. Среди нас встречались и такие руководители: до 1953 — готов в бой за Сталина, с 1956 года — ярый хрущевец, с 1959 — сторонник Шелепина, с 1964 года — активный брежневский последователь. Метаморфозы продолжались бы и далее, если бы подобных не вывели в отставку по возрасту.

В системе ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ почти с первых лет Советской Власти, существовало несколько управлений, выполняющих конкретные задачи в различных отраслях деятельности государства. Иностраный отдел, а затем — 1-е Главное Управление, вели разведку в капиталистических странах и государствах, граничащих с СССР.

Контрразведка имела наиболее широкое поле деятельности. Так называемое 2-ое Главное Управление занималось вскрытием,

предупреждением и пресечением разведывательно-шпионской деятельности вражеских разведок, их резидентур, закамуфлированных под штаты иностранных посольств, торговых и иных представительств, аккредитованных лиц из числа иностранцев и наемных шпионов — советских граждан, вставших на путь предательства.

3-е Управление обеспечивало выполнение сходных задач во всех военных частях и соединениях Советской Армии. Еще со времен гражданской войны это управление было известно как "военная контрразведка". Это название сохранилось до сих пор.

В системе госбезопасности Советского Союза, помимо других подразделений существовали также 4-е и 6-е Управления. Они имели официальные названия: Транспортное и Экономическое управления. Задачи этих подразделений меняли в зависимости от политической, экономической и военной обстановки в стране.

Если на заре Советской Власти, в эпоху индустриализации страны, эти управления выявляли отдельные факты вредительства в промышленности или диверсий на транспорте, то позднее они оказали, я бы сказал, весьма существенную помощь в государственном масштабе. Во время Великой Отечественной войны, с осени 1941 года и до конца войны, они установили строжайший, скрытый контроль за количеством и качеством выпускаемой в стране военной продукции. Каждую ночь в Москву, в Государственный Комитет Обороны направлялась сводка, о том сколько продукции конкретный завод или фабрика выпустили за сутки, по каким адресам и в каких объемах она отгружена, сколько неиспользованных ресурсов оста-

лось и т.д. Этот абсолютный контроль был точен на все 100%! Тотальный учет позволял очень рационально использовать создаваемую продукцию. То же самое происходило и в сельском хозяйстве, особенно с хлебными, хлопковыми и другими ресурсами.

Жесткий порядок на производстве и силовой контроль за прохождением грузов позволил тогда же Транспортному управлению обеспечить бесперебойную доставку к фронтам, (вплоть до самой передовой) военной техники и боеприпасов, продовольствия. В тыл транспортировались раненые, техника для ремонта, войска на переформирование.

Безусловно в таких условиях никто не представлял липовых сводок, а если подобное все же случалось и выявлялось, никто не завидовал этим лицам.

На предприятиях, принадлежащих государству, неплохо было бы организовать подобный контроль сейчас, когда во многом спад производства обусловлен тем, что ресурсы исчезают неизвестно куда.

Во времена правления Хрущева, когда председателем КГБ был Шелепин, Экономическое и Транспортное Управления были упразднены, а их функции переданы во 2-е Главное Управление, где были созданы соответствующие отделы. Однако, при Брежнев, эти Управления вновь воссоздали. Снова из отделов возникли очень развитые Управления, в составе которых появились десятки отделов, охватывающие все отрасли экономики и транспорта. Теперь негласному контролю подлежала деятельность всех министерств и ведомств страны. Помимо объектов военно-промышленного комплекса, под контролем оказались почти все ведомствен-

194

ные научно-исследовательские институты, конструкторские бюро, АН СССР, внешняя торговля, энергетика, авиация, железные дороги, морской флот, связь и прочее. Фактически, на все объекты промышленности и транспорта были посланы кадровые сотрудники КГБ. Подчас новые назначения вызывали у них удивление: "Каковы их новые задачи?" Подобные суждения я слышал от уважаемого мной сотрудника КГБ, бывшего прославленного партизана, Героя Советского Союза, генерала М.С.Прудникова, когда его назначили одним из руководителей Министерства мясной и молочной промышленности СССР. В этих условиях многие искали себе привычную, традиционную работу, брались за несвойственные для них оперативные дела, создавая соперничество.

Соперничество между подразделениями КГБ, желание угодить мнению партийного босса, подчас вели к нежелательным результатам.

В 1985 году Экономическим Управлением КГБ был арестован агент американской разведки Толкачев. Не описывая степень его вины перед Родиной, приведу лишь примерные выдержки из письма, направленного американской разведкой Толкачеву через тайник.

"...За вашу информацию мы ежедневно переводим на Ваш счет тысячу долларов. Таким образом Ваш счет в банке перевалил за миллион долларов. Несмотря на это мы направляем Вам сто тысяч рублей. Расходуйте их разумно, чтобы не бросилось в глаза окружающим. Храни Вас Бог! Ваши друзья."

Толкачев передавал американцам наши частоты — параметры, на которых основывалась и действовала ракетная боевая техника СССР. Так вот, первый сигнал на Толкачева поступил за семь лет до его ареста! Со всей ответствен-

195

ностью заявляю, что в то время в контрразведке имелся отдел, способный вскрыть действующего шпиона за пять-шесть месяцев. Но, сохраняя честь своего мундира, коллеги позволили шпиону работать несколько лет.

С чувством глубокой боли я думаю, что мы — сотрудники Госбезопасности, должны взять на себя часть вины за Чернобыльскую трагедию. Безопасность ядерной промышленности всегда была исключительной прерогативой органов КГБ и любые, даже ничтожные отклонения от специальных правил или техники безопасности строящихся, действующих или законсервированных атомных объектов, должны были становиться известными нашим органам для принятия незамедлительных мер.

Ходили упорные слухи, что наши коллеги "постеснялись" поправить первого секретаря компартии Украины Щербицкого, который в ущерб технике безопасности якобы торопил строителей с пуском Чернобыльской АЭС к открытию XXVIII съезда КПСС.

Если все же были другие причины, то еще хуже! Мы обязаны были знать и видеть все недостатки и опасности в ядерной промышленности! Во всяком случае работать ничуть не хуже, чем сотрудники в области внешнеэкономических связей, где контрразведывательная деятельность всегда успешна, а иногда и прибыльна. А ведь там и здесь трудятся сотрудники одного коллектива.

Меня могут обвинить за одностороннюю критику Экономического управления КГБ, как будто на других участках оперативной деятельности у нас шло все хорошо. К сожалению, даже на главном направлении борьбы со шпионажем, бывали серьезные просчеты.

196

В конце пятидесятых — начале шестидесятых мы проводили оперативные игры с противником.

Сущность такой игры заключалась в том, что органам КГБ удавалось негласно выявленного агента иностранной разведки заставить работать под нашу диктовку. Либо нам удавалось подставить разведчикам противника нашего человека, который "по идейным и деловым качествам" представлял для противника интерес и он привлекал его для сбора интересующей информации, что, безусловно, проходило под нашим контролем. С помощью таких игр мы выявляли конкретные интересы противника, методы и приемы негласной связи, резидентуру, действующую под прикрытием дипломатического иммунитета, элементы и особенности конспирации и многое другое.

Чем больше накапливалось информации, тем быстрее и успешнее шла борьба со шпионажем. Именно в то время контрразведке удалось выявить немало агентов противника. Тогда и произошло "головокружение от успехов", которое привело к целому ряду грубых "проколов".

Например, решили захватить с поличным в момент получения от шпиона секретных документов кадрового разведчика ЦРУ, атташе посольства США в Москве Ланжелли и получить от него согласие на сотрудничество с нами. В то время Ланжелли "работал" в Москве с крупным американским шпионом, офицером Главного Разведывательного Управления Советской Армии неким Поповым. Нам удалось Попова выявить, арестовать и, пока шло следствие, вести игру с ЦРУ. Мы полагали, что провал такого важного для американцев информатора, заставит Ланжелли задуматься о своем будущем и он сможет согласиться с нашим предложением.

197

Подготовка к часу "Икс" велась несколько месяцев. За это время противник обменялся с Поповым несколькими письмами с тайнописью, провел тайниковую операцию и моментальный обмен материалами в вестибюле ресторана "Центральный" на улице Горького. Все это было скрытно задокументировано и даже снято на киноплёнку.

И вот час "Икс" наступил!

Ланжелли, получив от Попова секретные материалы, был с ними задержан и доставлен в отдельное помещение для вербовочной беседы. Склоняя его к сотрудничеству, мы приняли решение показать ему кинофильм, из которого явствовало, что именно Ланжелли, своим неумелыми действиями, проваливает такого ценного американского агента.

Молча, без единого слова, Ланжелли просмотрел фильм, после чего вытащил из кармана карточку дипломата и спросил: "Как человек, пользующийся правом экстерриториальности, я могу удалиться!?" И молча удалился.

Наши сложности наступили позднее, видимо, после того, как в ЦРУ США проанализировали все факты. Попробуем представить к каким выводам пришел противник, тем более, что его последующие действия подтвердили наши догадки.

Просмотр кинофильма дал противнику возможность понять, что все было

тщательно подготовлено заранее, учтены даже мелкие детали. Следовательно, к моменту киносъемки скрытой камерой оперативная игра была в полном разгаре.

Кинофильм фиксировал встречу с Поповым, состоявшуюся в начале июня, а задержание Ланжелли прошло в двадцатых числах октября. Разница примерно в четыре месяца. За это

198

время американцы отправили Попову три письма с тайнописью. Обычно такие письма маскировались под внутрисоюзную переписку советских граждан. Поэтому видимый текст, по сути камуфляж, исполнялся специально подготовленными в разведке лицами. Значит, русская контрразведка почерки этих лиц должна поставить на контроль! А писались ли этими почерками письма для других, помимо Попова, шпионов? Оказалось, еще несколькими агентам. Почему в таком случае они не арестованы и продолжают активное сотрудничество с разведкой США?!

Противник проанализировал всю информацию, полученную от Попова, за период ведения нами оперативной игры. Конечно сравнил ее с другой, добытой из разных источников. И здесь я должен сказать правду, был у нас промах, когда по дикой случайности информация от Попова почти слово в слово была отправлена по другой игре с американцами, проводившейся из Подмосковья.

У нас сразу же "задымилось" несколько оперативных игр. Противник перестал им доверять и начал усиленную проверку. В тоже время ему стало ясно, что Москва наиболее подготовлена к перехвату его шпионских линий связи и он бросился устанавливать степень нашей готовности на периферии.

Началось с того, что прибывшая в СССР итальянская туристка Клоринда опустила в Одессе и где-то на Кавказе сразу полтора десятка писем, исполненных почерками НТС, для конспиративной связи. В Киев прибыл американец Грей Уитмор, который, грубо нарушая конспирацию, в один и тот же почтовый ящик опустил сразу три письма с тайнописью, пред-

199

назначенные для американских агентов, не прошедших в привязке с делом Ланжелли — Попова.

Встал вопрос, что делать? Пропустить это безнаказанно, значит своими руками направить противника на связь со своей агентурой с периферии, где степень нашей готовности к вскрытию шпионских линий связи была тогда слабее.

Ну, а если задержать Грея? Тем самым дадим понять американцам, что на периферии мы значительно сильнее и таким образом вернем его к деятельности в Москве.

Чтобы принять последнее решение, надо было честно признать провал нескольких оперативных игр с американской разведкой. Лучший лекарь — это время! Так решили и у нас. Со временем, что-то устареет, отпадет, что-то можно будет списать на предателей и все в конечном итоге перемелется!

Кстати, говоря о кадрах КГБ хотелось бы порассуждать и о такой категории лиц, как предатели.

Предательство в органах было на протяжении всего существования ВЧК — ОГПУ — НКГБ — МГБ — КГБ. Были явные предательства, были и скрытые, мелкие, но все они оставляли в наших душах горьких осадок.

В одном случае многие честные сотрудники КГБ обвинили даже самого босса, "факира на час" Бакатина, который за короткое время пребывания у власти наделал столько нелепостей, что поведение слона в посудной лавке, по сравнению с его поступками, покажется образцовым. Судите сами. Бакатин принес и передал послу США Страусу документацию о закладках подслушивающих устройств в новом посольском здании и даже образец такой заклад-

200

ки. Жест широкий, демократичный! Но если бы бывший секретарь обкома КПСС Бакатин хотя бы слегка пошевелил мозгами он бы этого не сделал.

Американцы строили это здание своими силами. Строительные материалы ввозили из-за рубежа. И для того, чтобы заложить в них подслушивающие устройства, нужно было там, за границей, найти помощников, вмонтировать эти устройства в строительные материалы. Сколько людей, преданных России помогли нам это сделать, а Бакатин одним широким жестом раскрыл американцам наши возможности а, может быть, и наших заграничных помощников. Но это не предательство! Это демократия нового, бестолкового типа, чего американцы себе никогда не позволят!

Как правило, после свершения предательства, особенно после побега сотрудника разведки или контрразведки за границу, начиналась первым делом чистка кадров. Одних неугодных или непослушных изгоняли, других понижали или загоняли на периферию.

Затем, все изъяны и промахи в работе старались списать на перебежчиков. Это было удобно. Причем, если кто либо из сотрудников оказывался в стане врага, ярлык предателя на него, "клеили" верхние. Сомнению в низах коллектива это обстоятельство не подвергалось. В качестве запоздавшей реплики: неплохие возможности мы сами создавали для противника!

В свое время, возглавляя по линии КГБ розыск особо опасных государственных преступников, я занимался и делами на предателей из КГБ. Разбираясь с ними, изучая изложенные в делах материалы, факты, показания, результа-

201

ты экспертиз, я как-то по-разному относился к этим людям.

Некоторые случаи гнусного предательства не вызывали у меня никакого сомнения. Например, предательство Гордиевского, продавшего Родину за тридцать серебрянников. Когда ему стало грозить разоблачение, он нелегально бежал с помощью английской разведки из СССР за границу.

Тоже самое и с сотрудником шифровальной службы КГБ майором Шеймовым. Разница состояла лишь в том, что Шеймов, продаваясь врагу, зависил перед американской разведкой свои возможности по раскрытию советских шифров. Противник, клюнув на эту перспективу использовал все свои, а возможно, и союзников, возможности для нелегального вывоза Шеймова, его жены и пятилетней дочери за кордон.

Позднее у меня стали закрадываться сомнения в отношении добровольности ухода к противнику отдельных сотрудников КГБ, особенно тех, которые в дальнейшем в течение длительного времени никаких антисоветских выступлений не делали. Первое время можно было сомневаться в отношении предательства офицера КГБ Кузичкина, сотрудника разведки Генштаба армии Резуна, но после того, как они выступили с печатными пасквилями об СССР, сомнения лично у меня в их предательстве исчезли.

И все же среди сотрудников КГБ, оказавшихся в стане противника, есть и такие, которые ни разу публично не выступили и ничего пасквильного не написали в течение тридцати лет.

Расскажу о случае с полковником Виталием Сергеевичем Юрченко.

202

В середине восьмидесятых годов в КГБ из нашей итальянской резидентуры пришла шифровка о побеге Юрченко к американцам. От встречи с советскими представителями Юрченко, якобы, отказался по политическим мотивам. Несмотря на то, что я находился уже на пенсии, мне тут же сообщили об этом, зная, что мы были близко знакомы.

Сообщение о его побеге меня просто ошеломило! С Виталием Сергеевичем я

неоднократно "ходил в разведку", проводил оперативные мероприятия образно говоря "на кончике ножа", вплоть до нелегального перехода границы.

Несмотря на привешенный к нему ярлык предателя, я продолжал сомневаться. Не мог этот русский патриот за понюшку табаку продать Родину!

И вот снова сенсация! Юрченко, обманув охрану, сбежал от американцев и в сопровождении советских посольских работников прибыл в СССР. Вот, о чем рассказал мне Виталий Сергеевич позднее.

Акция была спланирована американцами заранее. Мазнув чем-то по лицу, они моментально лишили Юрченко сознания. В таком виде и вывезли его в США. Там, пытались его запугать, сломить и заставить публично заявить о добровольном переходе к американцам. Виталия напичкали психотропными препаратами под воздействием, которых он, в забытьи, что-то рассказывал своим мучителям и, видимо, сообщил нечто полезное для противника. В конце концов ему было заявлено, что другого выхода нет: либо он с ними, либо его не будет. И Виталий изменил тактику.

На встрече с крупным работником ЦРУ он сделал вид, что заинтересовался миллионной

203

суммой гонорара. Стал выходить в город с целью покупки вещей, постепенно усыпил бдительность сопровождающих. Хорошо зная Вашингтон, он сумел в одном из магазинов позвонить по служебному телефону в посольство. Ему удалось выскочить незаметно из магазина и прибежать в здание посольства, где его у входа уже ждали наши дипломаты, а слежка агентов ФБР или ЦРУ еще не успела перекрыть подходы. Юрченко повезло! Он знал в Вашингтоне в силу специфики предыдущей деятельности даже проходные дворы.

Ну, а что могло случиться с теми сотрудниками, кто, не зная улиц Вашингтона, оказался бы там в положении Юрченко? И здесь я подошел к вопросу, который до сих пор волнует меня. Это предательство или так называемое "предательство" сотрудника контрразведки Юрия Носенко!

Также как и Юрченко, Носенко, выехав в командировку в Швейцарию, вдруг пропал и очутился в США.

Ярлык изменника Юрию Носенко был присвоен сразу. Бывшие комсомольские вожди, стоявшие тогда во главе КГБ, затеяли страшную кадровую чехарду. Чуть ли не сотня сотрудников разведки и контрразведки, знакомых с Носенко, немедленно были отозваны из резидентур, многие, с которыми Носенко просто общался в СССР уволены, со службы, некоторые даже без пенсии. Начальник контрразведки страны снят с должности и отправлен на работу в Пензу, затем выведен на пенсию. В конце того, 1964 года, по комитету прополз слухок, что он просто являлся неудобной фигурой в заговоре по снятию с поста Н.С.Хрущева и предлог был найден.

204

Вообще получилась какая-то своеобразная "культурная революция", проведенная в масштабах КГБ СССР доморощенными хунвэйбинами. Но вот оказия! Время шло, а последствий этого предательства не было. Правда кое кто из руководства заявлял, что Носенко продал американцам нашу электронную подслушивающую систему в посольстве США в Москве. Нас тогда удивило, что и американская пресса подтвердила этот факт. Зачем? Зачем им накалять обстановку в отношении Носенко, если он "добровольно" перешел на их сторону?

Нам же, работающим по спецслужбам США, было хорошо известно, что опертехнику в посольстве США обнаружила группа американских специалистов, проведенная в здании посольства кардинальную проверку, и этот эпизод произошел за месяц до выезда Носенко в злополучную командировку.

Наконец, к нам в розыскной отдел поступили абсолютно надежные

материалы, из которых устанавливалось, что Носенко, после "побега" в США, несколько лет просидел в одиночной камере карцерного типа. Глаза ему ослепляли постоянно направленным на него прожектором, применяли к нему различные препараты! И за что такие наказания понес перебежчик!?

Думаю, что даже фашисты гуманней относились к людям, перешедшим к ним из другого лагеря! А нет ли тут аналогии с делом Юрченко?!

Юрий Носенко может и был избалованным судьбой человеком. Отец его — бывший Заместитель Председателя Совета Министров СССР. Поэтому все ему было дозволено и доступно. Бежать было незачем.

Так думаю я — бывший детдомовец! В

205

любом случае нужно более глубоко разбираться с судьбами людей. А работникам Управления кадров (любых, пожалуй, ведомств) не следует относиться к людям по принципу из "Горя от ума": "Что скажет княгиня Мария Алексеевна?"

Дорогой читатель!

Если тебе удалось прочитать эту книгу, то для тебя станет ясно, что сотрудники контрразведки трудились и при власти Сталина, и при властях Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачева. То же самое они пытаются (несмотря на давление кого-то сверху) делать сейчас при президентском правлении Б.Н.Ельцина.

ГЛАВНОЕ в контрразведке — это обеспечить безопасность нашего государства, наших военных, научных, промышленных и других секретов. Выявить, предупредить и пресечь устремления вражеских специальных служб и разведок, направленных на подрыв независимости и целостности нашей Родины, независимо от того какими политическими и личными амбициями наделены пришедшие к власти руководители страны и их аппарат.

Вот, пожалуй, и все.

206

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогой читатель!.....	3
Начало пути.....	5
Война.....	19
Контрразведка.....	34
Противостояние.....	62
Объективность.....	80
Работа за семью печатями тайны....	92
Розыск.....	115
Бой без фронта.....	141
Кадры.....	187

Удилов Вадим Николаевич

Записки контрразведчика. Взгляд изнутри

Лицензия ЛР № 061493 от 30.07.92 г.

Отпечатано с готовых диапозитивов.

Подписано в печать 29.08.94. Формат 70X 100/32.

Печать высокая. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 6,5.

Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 50 000 экз. Заказ 1280.

Цена договорная.

Издательство «Ягуар». 129347, Москва, Ярославское ш., 142, кор. 1, пом. 4.

АООТ «Ярославский полиграфкомбинат». 150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.